

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

Адамов А. К. Вопросы современного развития ноосферного учения
В. И. Вернадского и ноосферной философии 5

Богатырева Е. Н. Идея времени: социокультурный анализ 10

Жилин В. И. Гераклит в материалистической диалектике:
филологический поиск истины или утилитаризм партийной философии? 13

Иванов А. Г. Роль рациональности в процессе трансформации
системы социальной мифологии 20

Косыхин В. Г. Наука как социальный институт
в пространстве технократической цивилизации: проблемы и перспективы 25

Листвина Е. В. Социокультурная ситуация
и культурные ориентиры современности 30

Малкина С. М. От постметафизики к постфилософии: Ф. Ларюэль 34

Мартынович С. Ф. Методология науки: к рациональной реконструкции
концепции К. Поппера **Статья отозвана 22.06.2022** 39

Негуль В. В. Эпистемологические подходы к пониманию
экономического поведения человека 44

Павлова Н. В. Негативные коммуникации и кризис идентичности 50

Пилипенко Е. А. Время: относительная онтология 53

Попов Д. А. Авангард как «научное» исследование искусства 58

Сапунова Т. А. Смысл любви в мистическом учении Дионисия Ареопагита 62

Фадеева И. Е. Экзистенциальная рефлексия и культурогенез:
культурологическое образование в контексте современности 65

Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я. Культура духа
и рыночная цивилизация 71

Психология

Белкин А. И. Роль регуляционно-управленческого сознания
в психологическом измерении социального пространства 78

Бочарова Е. Е. Структурно-содержательные характеристики
саморегуляции социального поведения личности
представителей разных этногрупп 84

Власова Н. В. Особенности социально-психологической адаптации
кадетов-пятиклассников к условиям обучения в кадетской школе-интернате 88

Кондрашихина О. А. Вопрос как средство преодоления неопределенности 94

Кузнецова О. Е. Современная российская психология:
исследования межгрупповых отношений в организациях 98

Одинцова М. А. Преодолевающие стратегии поведения лиц,
объединенных схожим травматическим опытом 104

Педагогика

Шатова Н. Д. Связь терминов «рефлекс» и «рефлексия»
для психолого-педагогических исследований: лексический и логический аспекты 111

Решением Президиума ВАК
Министерства образования и науки РФ
журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых рекомендуется
публикация основных результатов
диссертационных исследований
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

Зарегистрировано
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года.
Зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций. Свидетельство о
регистрации СМИ ПИ № ФС77-56168
от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу
ОАО Агентства «Роспечать» 36014,
раздел 41 «Философия. Социология.
Психология. Религия».
Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Гаврина Марина Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского
университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 19.03.2015.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ 6.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского
университета

© Саратовский государственный
университет, 2015

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегию серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- внешнюю рецензию, заверенную надлежащим образом по месту работы рецензента;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Adamov A. K.** Current Problems in the Development of V. I. Vernadsky Noospheric Hypothesis and Noospheric Philosophy 5
- Bogatyreva E. N.** Idea time: Socio-cultural Analysis 10
- Zhilin V. I.** Heraclitus in Materialistic Dialectics: Philological Search of Truth or Utilitarianism of Party Philosophy? 13
- Ivanov A. G.** The Role of Rationality in the Process of Transformation of the System of Social Mythology 20
- Kosykhin V. G.** Science as a Social Institute in the Space of Technocratic Civilization: Problems and Perspectives 25
- Listvina E. V.** Social and Cultural Situation and Cultural Landmarks of Modernity 30
- Malkina S. M.** From Post-metaphysics to Post-philosophy: F. Laruelle 34
- Martynovich S. F.** The Methodology of Science: Towards a Rational Reconstruction K. Popper's Concept **Retracted 22/06/2022** 39
- Negrul V. V.** Epistemological Approaches to Understanding of Economic Behavior of the Person 44
- Pavlova N. V.** The Phenomenon of Negative Social Communication and Identity Crisis 50
- Pilipenko E. A.** Time: Relative Ontology 53
- Popov D. A.** Avant-garde as a «Scientific» Study of Art 58
- Sapunova T. A.** The Meaning of Love in the Mystical Teachings of Dionysius the Areopagite 62
- Fadeeva I. E.** Existential Reflection and Cultural Genesis: Culturological Education in the Context of Modernity 65
- Shimelfenig O. V., Solodovnichenko L. Ya.** Culture of Spirit and Market Civilization 71

Psychology

- Belkin A. I.** Role of Regulatory and Administrative Consciousness in Psychological Measurement of Social Space 78
- Bocharova E. E.** Structural and Substantial Characteristics Self-control of Social Behavior of Representatives Different Ethno-groups 84
- Vlasova N. V.** Features of Social and Psychological Adaptation of Cadet-fifth Graders to Training Conditions in the Cadet Boarding School 88
- Kondrashihina O. A.** Question as a Means of Coping with Uncertainty 94
- Kuznetsova O. E.** Modern Russian Psychology: Study of Intergroup Relations in Organisations 98
- Odintsova M. A.** Coping-strategies of Behavior of Persons with Similar Traumatic Experience 104

Pedagogy

- Shatova N. D.** Communication of the Terms «Reflex» and «Reflection» for Psychology and Pedagogical Researches: Lexical and Logical Aspects 111

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

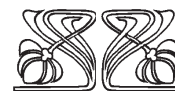
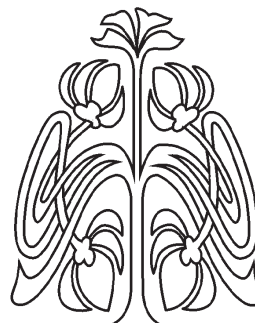
Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

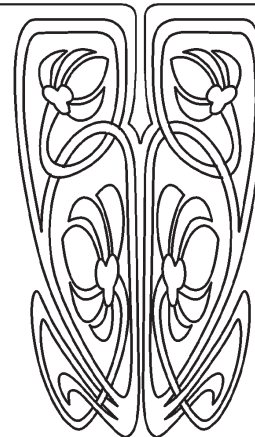
Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

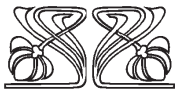
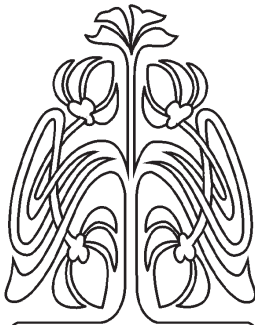
Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Богатырева Елена Николаевна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Беляев Евгений Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Железковская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Капичникова Ольга Борисовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мокин Борис Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Позднева Светлана Павловна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рожков Владимир Петрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Турчин Геннадий Демьянович, кандидат пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фриауф Василий Александрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

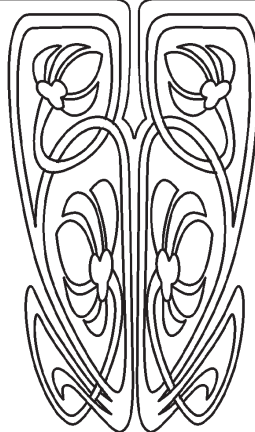
**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Bogatyryova E. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Aksenovskaya L. N. (Saratov, Russia)	Listvina E. V. (Saratov, Russia)
Afanasyeva V. V. (Saratov, Russia)	Martynovich S. F. (Saratov, Russia)
Balakireva E. I. (Saratov, Russia)	Mokin B. I. (Saratov, Russia)
Belyaev E. I. (Saratov, Russia)	Orlov M. O. (Saratov, Russia)
Bosco G. (Michigan, USA)	Pozdneva S. P. (Saratov, Russia)
Friauf V. A. (Saratov, Russia)	Rozhkov V. P. (Saratov, Russia)
Frolova S. V. (Saratov, Russia)	Ryaguzova E. V. (Saratov, Russia)
Furmanov I. A. (Minsk, Belarus)	Shamionov R. M. (Saratov, Russia)
Gobozov I. A. (Moscow, Russia)	Turchin G. D. (Saratov, Russia)
Kalnoy I. I. (Simferopol, Russia)	Zhelezovskaya G. I. (Saratov, Russia)
Kapichnikova O. B. (Saratov, Russia)	

ФИЛОСОФИЯ

УДК 577.4

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ НООСФЕРНОГО УЧЕНИЯ В. И. ВЕРНАДСКОГО И НООСФЕРНОЙ ФИЛОСОФИИ

Адамов Алексей Константинович –

доктор медицинских наук, профессор микробиологии и экологии, профессор кафедры философии, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина, Саратов
E-mail: rusgari@microbe.ru

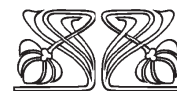
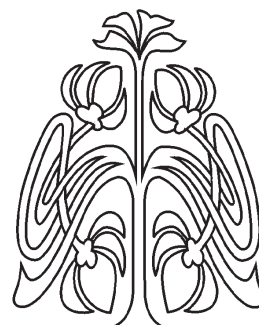
В статье рассматриваются политические аспекты эволюционных рисков, возникающих в процессах глобализации. В существующих философских, социальных и политических концепциях, реформах, а также в теориях не представлено объективное обоснование их соответствия предназначению человека на планете Земля. В ноосферной философии эволюция человечества проектируется на основании открытого в 1996 г. предназначения людей на планете Земля. Обсуждаются вопросы приоритета развития ноосферного учения; отмечается, что некоторые зарубежные философы пытаются без научного обоснования, используя другие термины для обозначения ноосферных смыслов, подменить ноосферное учение концепцией креативности.

Ключевые слова: учение о ноосфере, риски эволюции, эпоха ноосферы, ноосферное общество, ноосферная экономика, креативная экономика, креативное общество.

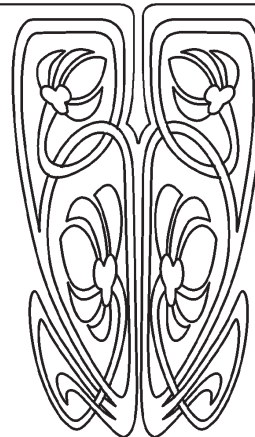
В существующих философских, социальных и политических концепциях, реформах, а также в теориях не представлено объективного обоснования их соответствия предназначению человека на планете Земля, которое каждый гражданин согласно законам эволюции обязан выполнять в своем цикле жизни. Только в ноосферном учении В. И. Вернадского, развитом в ноосферной философии, эволюция человечества проектируется на основании открытого в ноосферной философии предназначения людей на планете Земля и данных об их эволюционных возможностях.

Гениальный русский ученый академик Владимир Иванович Вернадский в Париже, в Сорбонне, в 1922–1925 г. [1] читая лекции и излагая созданное им учение о биосфере, впервые высказал идею о развитии биосферы в эру разума. В 1925 г., обобщая свои научные геологические, экологические, философские и политические исследования, а также свой опыт в организации Конституционно-демократической партии, он научно обосновал детерминированность образования эры разума. Французские ученые П. Тейяр де Шарден и Э. Ле-Руа поддержали концепцию В. И. Вернадского. Позже (1927 г.) эру разума Э. Ле-Руа предложил назвать сферой разума – ноосферой (лат. *noos* – разум, *sphaera* – оболочка). Это предложение было принято В. И. Вернадским.

Философски осмысляя результаты своих геологических и социально-биологических исследований, проведенных в 1925–1944 гг., В. И. Вернадский [1–3] разработал новое во всемирной философии научно обоснованное философское направление – учение об эпохе разума – ноосфере. Согласно учению В. И. Вернадского, эпоха ра-

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

зума – ноосфера строится посредством научной мысли и труда в условиях демократии.

В. И. Вернадский обосновал, что ноосфера, организованная на принципах развития науки, техники, научной системы природопользования, экономики и демократии, обеспечит справедливую и счастливую жизнь людей. В 1944 г. В. И. Вернадский открыл, что человечество вступило в ноосферу. Он писал: «Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее <...> – в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере» [2, с. 119].

Научную работу «Несколько слов о ноосфере» [3] следует рассматривать как научно-политическое завещание. Учение В. И. Вернадского об эре разума в СССР и России широко не обсуждалось, но прогрессивная интеллигенция его восприняла. Опубликовано в 1944 г. в советском журнале и в 1945 г. в американском журнале это учение, открывшее человечеству научно-трудовой вектор строительства нового миропорядка, инициировало разработки различных концепций мироустройства. Не ссылаясь на открытие учёного, зарубежные авторы предложили концепции постиндустриального общества [4], технотронного общества [5], сверхиндустриального общества [6] и др., которые, по существу, представляют научно не обоснованные утопические варианты учения о ноосфере и не содержат ничего нового.

В Советском Союзе учение о ноосфере пропагандировали как выдающееся достижение российской науки Ю. А. Жданов, Н. П. Антонов, Н. Н. Моисеев.

Развитие учений В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере было продолжено в разработанной мною [7–9] ноосферной философии с помощью новых философских методов. В ноосферной философии представлены и обоснованы следующие новые положения: 1) открытие предназначения человека в природе, которое И. Кант считал невозможным; 2) доказательства ведущего значения сознания в формировании бытия; 3) достаточные основания для признания способности человеческого сознания изобретать интеллектуальные законы развития и эволюции реальностей, включая и развитие материи; 4) в теорию познания введено понятие «изобретение знания», т.е. изобретение интеллектуальных законов; 5) познание осуществляется посредством отражения реальностей, открытия синергетических законов эволюции реальностей, изобретения интеллектуальных законов эволюции реальностей

и производства новых реальностей; 6) у людей генетически детерминированы потребности создавать трудом по интеллектуальным законам новые реальности на планете Земля и в Космосе, развивая материю в формах ранее не существовавших объектов (машин, сооружений, Интернета, космических зондов, спутников) и духовных продуктов; 7) значение ученых-изобретателей и новаторов в развитии реальностей: духа, материи, организации государств и др.; 8) смысл жизнедеятельности каждого человека на планете Земля и во Вселенной; 9) главные принципы ноосферной демократии; 10) базовые положения интеллектуальной организации ноосферной экономики; 11) норма духовно-материального благоденствия; 12) подтверждение открытия В. И. Вернадского о вступлении человечества в 1944 г. в ноосферу; представлены научные аргументы детерминированности образования справедливых ноосферных республик, обеспечивающих жизнедеятельность людей в условиях благоденствия; 13) интеллектуальная организация ноосферной республики; 14) теория ноосферизма и новая ветвь науки – ноосферология; 15) образ ноосферной республики; 16) формула национальной идеи России; 17) краткая программа глобализации [8].

Согласно ноосферной философии, человек в природе образовался по эволюционным законам самоорганизации и саморазвития и предназначен, чтобы посредством интеллектуального (духовного) и механического (физического) труда, познавая материю и другие реальности, создавать условия своего благоденствия и безопасности, необходимые для развития реальностей (духовных, материальных, виртуальных и других), защиты себя и планеты Земля от биологических, социальных, политических и космических угроз (опасностей) и освоения Космоса.

Предназначение человека в природе служит достаточным основанием принципа существования и жизнедеятельности человечества.

Человек есть физически обособленный живой биосоциальный организм с биологическими потребностями для жизнедеятельности, способный к самовоспроизводству, но без наследственно детерминированной программы деятельности, обладающий возможностями: добывания знаний, производства знаний посредством изобретательства; накопления знаний и свободного программирования своей жизни (функция мозга), обмена информацией (функция мозга и языка), обработки материальных объектов посредством рукотворного труда (функция рук) и свободного перемещения в пространстве (функция ног) [9].

В учении В. И. Вернадского, как указывалось, обосновано, что человечество в 1944 г.

начало строить ноосферу – эпоху разума, но он не разработал программу образования ноосферного государства. В соответствии с ноосферным учением [1–3] в 1996 г. в ноосферной философии вместо демократических, социалистических, коммунистических и либеральных иностранных идеологий были разработаны новые философские принципы организации государств по законам ноосферной демократии и ноосферной интеллектуально организованной экономики в форме ноосферных республик [8, 9].

В опубликованных мною в 1996–2013 гг. монографиях было подтверждено открытие В. И. Вернадского – вступление человечества в ноосферу в 1944 г., обстоятельно рассмотрена роль творческих талантливых граждан в формировании новой эпохи ноосферы, а также представлены обоснования: ведущей роли творческих граждан в развитии человечества; эволюционного значения интеллектуальной деятельности граждан; открытия движущих сил развития человечества; формирования новой экономики – ноосферной экономики и строительства эпохи ноосферы.

В начале XXI в. было показано, что открытое В. И. Вернадским строительство ноосферы во второй половине XX в. и в XXI в. проявляется в стихийном формировании следующих ростков ноосферных республик: а) интенсивном развитии образования и науки, способствующем открытию новых законов и явлений природы; б) теоретическом развитии ноосферной демократии; в) образовании большого производительного потенциала, состоящего из людей, владеющих всеми профессиями обработки объектов и другими видами трудовой деятельности, которые производят эволюцию материальных и других реальностей; г) строительстве большого экономического потенциала, обусловленного: освоением атомной энергии, изобретением электронных мыслящих машин, компьютерных информационных систем, телевидения, сотовых телефонов, Интернета, электронных кибернетических аппаратов-роботов; разработкой основ геномной инженерии и успехами в сельском хозяйстве (зеленая революция, клонирование организмов и т.п.); д) развитии ракетостроения, освоении Космоса.

Величайшим достижением в становлении эпохи ноосферы является изобретение Интернета, образовавшего новое ноосферное пространство духовного бытия. Интернет – это система интеллектуально-духовной и виртуально-практической деятельности людей в эпоху ноосферных республик. Это – ростки ноосферных республик.

В XXI в. в России ноосферное учение разрабатывают А. Д. Урсул, А. К. Адамов, С. Г. Смирнов, И. М. Борзенко, В. А. Кувакин, А. А. Кудишина, Л. С. Гордина, В. Н. Василенко, И. Н. Ремизов, В. А. Грачев, А. Н. Неверов и др. В начале XXI в. вступление человечества в эпоху разума подтвердили российские и зарубежные авторы [10–14].

И. М. Борзенко с соавторами [10], М. Н. Росенко с соавторами [11] констатируют, что началось развитие ноосферного этапа всемирной истории Россией, Европой, США, Индией и Китаем. Объединение «Brain Trust Charity» объявило XXI в. «Веком мозга», а третье тысячелетие – «Тысячелетием разума». Руководитель фирмы Scandia Л. Эдмудсон предложил вводить в фирмах должность «главный управляющий знаниями», Р. Хант, Т. Базан [13] рекомендовали интеллектуальную организацию фирм. Чтобы фирмы процветали, С. Чоудхари [14] рекомендует вводить должности «ответственный сотрудник по талантам» (Chief talent officer). Р. Флорида [15] показал, что в XXI в. в США происходит строительство новой эпохи, осуществляемое по идеям творческих граждан.

Публикации Л. Эдмудсона, Р. Ханта и Т. Базана, С. Чоудхари, Р. Флориды подтверждают верность учения В. И. Вернадского о ноосфере.

Указанные выше успехи достигнуты трудами ученых, изобретателей и новаторов, внедряющих создаваемые новшества в духовную жизнь людей и экономику. Однако в общественных отношениях, культуре, морали, политике и системах власти принципиальных ноосферных сдвигов не отмечается, так как ученые, изобретатели и новаторы еще не заняли ведущего положения в системе государственной власти.

Анализ ситуации, сложившейся в философии и политике, свидетельствует о стремлении многих российских философов замалчивать ноосферное учение В. И. Вернадского, а некоторых зарубежных философов – подменить его применением других терминов.

В работах Л. Эдмудсона, Р. Ханта и Т. Базана, С. Чоудхари, Р. Флориды приоритетное учение В. И. Вернадского о становлении ноосферы – эпохи разума, о вступлении человечества в 1944 г. в ноосферу не обсуждается. Также не обсуждаются в трудах большинства философов новые положения в учении о ноосфере, разработанные последователями В. И. Вернадского. К сожалению, некоторые последователи В. И. Вернадского не усвоили выдающегося его открытия о вступлении человечества в 1944 г. в ноосферу и продолжают рассуждать о будущей эпохе ноосферы.

В монографии Р. Флориды [15] рассмотрены те же положения, которые ранее были обоснованы в опубликованных мною монографиях [8, 9]: «Творцы нового в разных отраслях человеческой деятельности составляют движущую силу развития экономики и общества» [8, с. 37]. Далее в тексте расшифровано, что к творческим людям относятся ученые, изобретатели и новаторы во всех сферах и отраслях человеческой деятельности, строящие ноосферную эпоху. В монографии Флориды также рассмотрена роль творческих талантливых граждан в формировании новой эпохи, которую он предлагает назвать креативной [15]. Он пишет: «Этой движущей силой стала креативность, играющая огромную роль в экономике и обществе» [15, с. 18–19].

В опубликованных мною монографиях [8, 9] для формирующейся новой эпохи предложены термины: «ноосфера», «ноосферная цивилизация», «эпоха ноосферы» [8, с. 54; 9, с. 84], «ноосферное общество» [8, с. 104–110], «ноосферная общественно-экономическая формация» [9, с. 43], «ноосферная экономика» [9, с. 80]. В монографии Р. Флорида для формирующихся ноосферных структур предлагает другие термины: «креативная эпоха» [15, с. 35], «креативное общество» [15, с. 310–311], «креативная экономика» [15, с. 58–59], не наполняя эти термины новым смыслом. Кроме того, он предлагает не имеющий научного обоснования термин «креативный класс». Далее, обсуждая изменения классовой структуры американского общества, смыслы деятельности креативного класса, Р. Флорида приводит противоречивые аргументы, но анализ статистических данных заслуживает внимания. Эта монография [15] объявлена американской прессой «завораживающей книгой». В 2004 г. журнал *Harvard business Review* признал эту книгу одной из лучших инновационных идей [15].

В развитых государствах Европы и в США в философии, культурологии, социологии и политике во второй половине XX в. возникли противоречивые процессы: с одной стороны, возросли возможности большого количества людей пользоваться достижениями культуры, с другой – распространяется пренебрежительное отношение к ценностям культуры. Рыночная идеология индивидуализма, потребительства, поддерживаемая регрессивными социологическими, экономическими и политическими концепциями западной философии, буржуазными концепциями контркультуры и нигилизма, создает эволюционные риски, способствующие произвольному толкованию принятых понятий, употреблению двойных стандартов, которые

привели к возникновению напряженности в человеческих сообществах, к углублению их дезорганизации (разобщению, дезинтеграции), к невозможности объективного решения проблем морали, коллективности, соборности, самоорганизации, а также к обнищанию населения в развивающихся странах, к локальным войнам в разных регионах мира и к образованию угрозы глобальной катастрофы. Могущество человечества в воздействии на биосферу и планету в XXI в. достигло такой величины, что без контроля разума может вызвать гибель не только самого себя, но и планеты Земля.

Американские идеологи, применяя для прикрытия своего стремления к глобальному господству волонтаристское толкование понятия демократии, не отражающего истинного народовластия, пытаются разными силовыми действиями и экономическими санкциями навязать миру свою реакционную систему власти. Чтобы не допустить глобального господства США, следует усваивать и распространять ноосферное учение В. И. Вернадского и ноосферную философию.

В. И. Вернадский, выдающийся ученый-энциклопедист, своими трудами внес огромный вклад в развитие образования, науки, культуры и государственной организации жизнедеятельности человечества. Его работы по геологии, минералогии, физике, использованию энергии атома, экологии и эволюции биосферы получили мировое признание. Бессмертно учение В. И. Вернадского о ноосфере – принципиально новой системе организации человеческих сообществ.

Научное наследие В. И. Вернадского и в настоящее время не утратило значения для развития мировой науки и человечества. Его философское учение о настоящем и будущем человечества способствует развитию российской и глобальной философии. Имя В. И. Вернадского приобрело значение символа, направляющего глобальную эволюционную жизнедеятельность человечества. Гениальный русский ученый, философ, талантливый политический деятель, выдающийся государственный деятель академик РАН В. И. Вернадский заслуженно признан выдающимся мыслителем России и всего мира.

С конца XX в. многие интеллектуалы, СМИ, интенсивно пропагандируя безыдейный плюрализм мнений, мешали разработке национальной идеологии России и ставили ее в неравноправное положение, по сравнению с окружающими идеологизированными государствами. В настоящее время ноосферное учение В. И. Вернадского необходимо принять

в качестве идеологии Российской Федерации и распространять во всех странах мира в качестве глобальной идеологии человечества.

Список литературы

1. Вернадский В. И. Биосфера. Л., 1926. 174 с.
2. Vernadsky V. I. The biosphere and the noosphere // *American Scientist*. 1945. Vol. 33, № 1. P. 1–12.
3. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // *Успехи совр. биол.* 1944. Т. 18, вып. 2. С. 188–191.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество (опыт социального прогнозирования). М., 1999. 944 с.
5. Brzezinski Z. Between two ages, america's role in technotronic era. N. Y., 1970. 355 p.
6. Toffler A. Future Shock. N. Y., 1971. 576 p.
7. Адамов А. К. Философские проблемы ноосферы. Саратов, 1995. 57 с.
8. Адамов А. К. Основы философии ноосферы. Саратов, 1996. 155 с.
9. Адамов А. К. Ноосферология. Саратов, 1999. 160 с.
10. Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А. Основы современного гуманизма. М., 2002. 383 с.
11. Росенко М. Н., Колесников А. С., Гречанова В. А. Основы современной философии. СПб., 2004. 204 с.
12. Рубинштейн М., Фирстенберг А. Интеллектуальная организация / пер. с англ. М., 2003. 192 с.
13. Хант Р., Базан Т. Как создать интеллектуальную организацию / пер. с англ. М., 2002. 230 с.
14. Менеджмент XXI века (когда-нибудь мы все будем так управлять / пер. с англ. ; под ред. С. Чоудхари. М., 2002. 448 с.
15. Флорида Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее. М., 2007. 421 с.

Current Problems in the Development of V. I. Vernadsky Noospheric Hypothesis and Noospheric Philosophy

A. K. Adamov

Povolzhskiy Institute of Management
23/25, Sobornaya str., Saratov, 410035, Russia
E-mail: rusrapi@microbe.ru

Political aspects of evolutionary risks that emerge in the process of globalization are discussed in the paper. The existing philosophic, social and political concepts and theories do not give objective substantiation of their correspondence to the destination of a Man on the Earth. Noospheric philosophy plots the humanity evolution on the basis of human beings destination discovered in 1996. Thus, discussed is the

priority of noospheric theory development. It is noted that some foreign philosophers attempt to replace the theory of humanity evolution with the concept of creation without scientific substantiation by applying other terms for noospheric phenomena.

Key words: theory of noosphere, evolutionary risks, noospheric age, noospheric society, noospheric economy, creative economy, creative world.

References

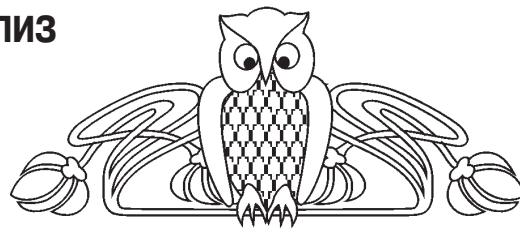
1. Vernadsky V. I. *Biosfera* (Biosphere). Leningrad, 1926. 174 p.
2. Vernadsky V. I. The biosphere and the noosphere. *American Scientist*, 1945, vol. 33, no 1, pp. 1–12.
3. Vernadsky V. I. Neskolklo slov o noosfere (Few words about noosphere). *Uspekhi sovr. biol.* (Advantages of the Modern biology), 1944, vol.18, iss. 2, pp. 188–191.
4. Bell D. *The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting*. New York, 1973. 507 p. (Russ. ed.: Bell D. *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo* {opyt sotsialnogo prognozirovaniya}). Moscow, 1999. 944 p.).
5. Brzezinski Z. *Between two ages, America's role in technotronic era*. New York, 1970. 355 p.
6. Toffler A. *Future shock*. New York, 1971. 576 p.
7. Adamov A.K. *Filosofskie problemy noosfery* (Philosophical issues of noosphere). Saratov, 1995. 57 p.
8. Adamov A.K. *Osnovy filosofii noosfery* (Fundamentals of noosphere philosophy). Saratov, 1996. 155 p.
9. Adamov A. K. *Noosfernaya filosofiya* (Noospheric philosophy). Saratov, 2000. 126 p.
10. Borzenko I. M., Kuvakin V. A., Kudishina A. A. *Osnovy sovremennoy humanizma* (Fundamental principles of the present-day humanism). Moscow, 2002. 383 p.
11. Rosenko M. N., Kolesnikov A. S., Grechanova V. A. *Osnovy sovremennoy filosofii* (Fundamental principles of the modern philosophy). St.-Petersburg, 2004. 204 p.
12. Rubinsteun M., Firstenberg A. *The mind organization*. New York, 1999. 224 p. (Russ. ed.: Rubinshteyn M., Firstenberg A. *Intellektualnaya organizatsiya*. Moscow, 2003. 192 p.).
13. Hunt R., Buzan T. *Creating a thinking organization*. Brookfield, 1999. 240 p. (Hant R., Bazan T. *Kak sozdat intellektualnyuyu organizatsiyu*. Moscow, 2002. 230 p.).
14. *Menedzhment XXI veka (kogda-nibud my vse budem tak upravlyat)*. (Management technologies of the XXI century {someday we will all manage it that way}). Ed. by S. Choudhari. Moscow, 2002. 448 p.
15. Florida R. *The rise of the creative class and how it's transforming work, leisure, community and everyday life*. New York, 2002. 416 p. (Russ. ed.: Florida R. *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee*. Moscow, 2007. 421p.).

УДК 115:130.2

ИДЕЯ ВРЕМЕНИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Богатырева Елена Николаевна –
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
культуры и культурологии,
Саратовский государственный университет
E-mail: ebogatyreva@yandex.ru

Целью статьи является анализ методологических подходов к философии времени. Сделан ретроспективный анализ генезиса идеи времени, его восприятие и понимание выводит наши размышления к обоснованию феномена субъективного времени. Понятие «социальное время» разрабатывается в социальной философии, социологии времени и на рубеже XX–XXI вв. В настоящее время единой методики измерения социального времени нет, существует «перечень» качественных характеристик его видов. Общим для них является то, что социальное время не сводимо к другим известным видам времени: физическому, календарному, биологическому, геологическому, психологическому и др.; безусловно, оно протекает на фоне календарного времени и измеряется им, но не тождественно ему. В настоящее время термин «социальное время» используется как междисциплинарное понятие в исследовании проблем темпоральных аспектов жизнедеятельности социума и многообразия сфер культуры.

Ключевые слова: идея времени, философия времени, социальное время.

Социальная типология культуры имеет в своей основе теорию социального времени. Впервые научное обоснование темпорального подхода к изучению социальных систем сформулировано в работах П. А. Сорокина и Р. К. Мертон [1]. Авторы объясняли свой интерес к понятию «время» логикой научного познания: «Всякое операциональное определение обиходных выражений времени показывает, что часто референтной рамкой выступают социальные явления, а единицы времени определяются ритмом коллективной жизни. Потребность в социальном сотрудничестве – основа социальных систем времени. Качество социального времени дифференцируется по верованиям и обычаям, общим для группы. Социальное время не непрерывно; его прерывают критически важные даты. Все календарные системы возникли из социальных потребностей и ими увековечены. Они вырастали из социальной дифференциации и расширения сфер социальной интеракции. Возможно, введение социального времени как методологической категории будет способствовать открытию социальных периодичностей» [1, с. 112]. П. А. Сорокин и Р. К. Мертон вывели закон фундаментальной зависимости социального времени от социальных структур. Согласно их теории точкой отсчета социального времени являются социально значимые события.

Теория социокультурной динамики П. А. Сорокина, изложенная в его многочисленных работах, содержит положение о взаимосвязанности процесса социальной динамики с ценностями социума, его менталитетом, развитием рационального отношения к миру – всего того, что позволяет говорить о логико-смысловом единстве социальной модели во времени.

Научная школа Э. Дюркгейма (М. Мосс, А. Убер, М. Хальбвакс и др.) расширила сферу социологического анализа, исследования социальной реальности в темпоральной системе координат. Благодаря научной деятельности «школы Э. Дюркгейма» появляется новое направление – социология времени. Большой резонанс в середине XX в. вызвала монография представителя этой школы Ж. Гурвича «Спектр социального времени», где социальное время было представлено как особая система, состоящая из восьми видов времен: времени замедленной длительности (Enduring Time: time of slowed down long duration); обманчивого времени (Deceptive Time); неустойчивого времени: времени нерегулярной пульсации между появлением и исчезновением ритмов (Erratic Time: time of irregular pulsation between the appearance and disappearance of rhythms); циклического времени (Cyclical Time); отсталого времени (Retarded Time); чередования времени: времени между задержкой и прогрессом (Alternating Time: time alternating between delay and advance); времени предстоящем, или времени предполагаемом (Time in advance of itself or time pushing forward); взрывного времени – времени революций (Explosive Time) [2, с. 31–33].

Видовой перечень социального времени, начатый Ж. Гурвичем, множится и дополняется: российские и зарубежные социологи анализируют социальные структуры и социальные феномены сквозь призму социального времени. Анализ дискретности социального времени осуществляется на примере профессиональных, гендерных, возрастных социальных групп. Дискретность социального времени обозначают различные временные перспективы или временные ориентации социальных групп. Например, временные

ориентации старшего поколения более ориентированы на прошлое, молодежные субкультуры ориентированы на конкретное настоящее.

Понятие «социальное время» разрабатывается в социальной философии, социологии времени и на рубеже XX–XXI вв. В настоящее время нет единой методики измерения социального времени, существует «перечень» качественных характеристик его видов. Общим для них является то, что социальное время не сводимо к другим известным видам времени: физическому, календарному, биологическому, геологическому, психологическому и др.; безусловно, оно протекает на фоне календарного времени и измеряется им, но не тождественно ему. Сейчас термин «социальное время» используется как междисциплинарное понятие в исследовании проблем темпоральных аспектов жизнедеятельности социума и многообразия сфер культуры. Актуально и востребовано изучение темпоральных аспектов труда и досуга, городской среды как рискогенной темпоральности, «дезориентации» во времени, этновремени в контексте процессов глобализации, экологического времени в хозяйственной практике регионов и т.д.

Социальная философия сосредоточена на анализе изменяющейся темпоральности современного социума, в котором увеличение темпов социальных изменений демонстрирует синхронность и асинхронность социальных процессов. Рискогенность социума напрямую зависит от ситуации, когда социокультурное настоящее не детерминируется событиями прошлого, последнее означает, что социальное время престаёт быть линейным и однонаправленным, устремленным от прошлого к будущему. Изменяющаяся темпоральность рефлексивируется опосредованно, через восприятие и осмысление изменений темпов, ритмов и трендов развития структурирующих сфер социума: политического, хозяйственного, организационного, экономического и т.д.

Таким образом, социальное время выступает в виде системы отношений, образуемой взаимодействующими социальными субъектами. Социальное время проявляется через взаимосвязь различных видов деятельности людей, их групп, общественных институтов. Структура социального времени включает в себя реальные процессы социального действия, обладающие своим содержанием, своим масштабом и своим значением в соизмерении с другими событиями.

Прежде чем раскрыть характеристику культурно-исторического времени, уточним некие методологические принципы, которые будем использовать в формулировании понятия «культурно-историческое время». История существует в

двух основных формах – как процесс и как некое осмысление этого процесса. Если первая находит свое выражение в выстраивании событийного ряда, то вторая характеризуется вариативностью своих проявлений – от мифа до научного исследования, что предопределяется социокультурными и историко-культурными особенностями человеческого мышления и восприятия во времени, которые актуализируются в соответствии с типом и уровнем развития исторического сознания общества. Если функция исторического времени есть обозначение, конкретизация хронологии, точность датирования, то функция культурно-исторического времени в познавательном аспекте значительно шире.

Предметом исторического исследования являются исторические факты и события, подвергнутые историческому анализу посредством методов и категорий, которые продуцированы культурой, во временных границах которой историк существует и мыслит. Он реконструирует реальность прошлого, интерпретируя ее в контексте собственного социокультурного настоящего. Следуя этой логике, можно утверждать, что историки, используя методики отбора и классификации источников, анализируют исторический материал в рамках познавательной парадигмы (совокупности общепринятых познавательных методов) своего времени. В историческом исследовании время всегда присутствует как явная или неявная предпосылка в аналитике материала, ибо исторический познавательный принцип обязательно содержит редуцирование темпоральных конструкций (моделей, объектов, явлений и т.д.).

Историческое время как оценка прошлого всегда выражается с позиции настоящего, тем самым демонстрируя культурно осознанный комплекс знаний современного общества. Историческое время, так же как и время социальное, в разные временные отрезки мыслится по-разному. Например, в Средние века историческое время было подчинено сакральному, но не растворялось в нем, ибо в христианском мирозерцании понятие «время» было отделено от понятия «вечность». Вечность – атрибут Бога, время же сотворено и имеет начало и конец, время ограничивает длительность человеческой жизни и истории. Кроме того, историческое время в христианской средневековой культуре Европы приобретает четкую структуру, разделяясь на две эпохи – до и после рождества Христова.

В 1958 г. Ф. Бродель, представитель французской школы «Анналов», опубликовал эссе «История и социальные науки: *Longue Duree*», в котором утверждал, что время в исторической науке разнообразно и историк не должен сосре-

доточиваться лишь на линейной хронологии, фиксирующей последовательность исторических событий и дат. Теория Ф. Броделя представляет собой разновидность европейского «проекта времени» в рамках неклассической методологии философии истории.

Согласно теории Ф. Броделя, социальное время множественно и представляет собой три модуса: краткосрочное время событийной истории (*l'histoire evenementielle*), среднесрочное время (*le temps conjuncture*) – циклической или конъюнктурной истории – и долгосрочное время, или время большой исторической длительности (*la longue duree*) [3, с. 60]. Каждый модус времени раскрывается автором в присущих ему характеристиках временного интервала и объектах измерения. Традиционная историография в своем рассказе, описании, тексте использует «время событийной истории», но этого для историка недостаточно. Необходимо обратить внимание на «циклическое (конъюнктурное) время истории» и «время большой исторической длительности». Опираясь на методологию Ф. Броделя, позволим себе отождествить время большой исторической длительности и культурно-историческое время. В этом контексте функция понятия «культурно-историческое время» несет в себе выражение преемственности, связи времен, формулируя представления об исторической событийности, цикличности, линейности в поступательном движении, где каждая последующая единица временного определения не отменяет предыдущую и не уничтожает ее, но накладывается одна на другую, образуя и демонстрируя последовательность исторического становления в культуре. Итогом этого логического рассуждения является сама возможность обоснования идеи культурной преемственности в исторической ретроспективе.

В гуманитарных науках теоретическая проблема экспликации понятия «время» открыта. Процессы глобализации, философия постмодерна, отрицающая прогресс, линейность человеческой истории, проблема отчуждения человека во времени обозначили необходимость ценностного осмысления времени человеческого бытия, культурно-исторических эпох, социальных процессов. В современных российских условиях представления о прошлом служат идентификации в настоящем, прогностическим проектам и ориентации в будущем. Различия временной ориентации, идей и образов времени в социокультурном контексте являются причиной несогласованности в постулировании ценностей,

социальных норм в прошлом и настоящем и поэтому особенно актуальны для научного исследования.

Список литературы

1. Сорокин П. А., Мертон Р. К. Социальное время : опыт методологического и функционального анализа // Социс. 2004. № 6. С. 112–119.
2. Gurvitch G. *The Spectrum of Social Time*. Dordrecht, 1964. 152 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 3. *Время мира*. М., 1992. 679 с.

Idea time: Socio-cultural Analysis

E. N. Bogatyreva

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: ebogatyreva@yandex.ru

The aim of the article is the analysis of methodological approaches in the philosophy of time. The author examines the retrospective analysis of the genesis of the idea of time, his perception and understanding in the mind and the thinking man brings our thoughts in the direction of study of the phenomenon of subjective time. The concept of «social time» is developed in social philosophy, sociology of time and at the turn of XX–XXI centuries. At the moment, a single methodology for measuring social time is not, there is a «list» of the qualitative characteristics of types of social time. Common to all kinds of social time is concluded that social time is not reducible to other known types of time: the physical, the calendar, biological, geological, psychological, etc.; certainly, it proceeds on the background of calendar time and measured them, but not identical, but to him. At present, the term «social time» is used as an interdisciplinary concept in the study of problems of temporal aspects of human society and the diversity of culture.

Key words: the idea of time, the philosophy of time, social time.

References

1. Sorokin P. A., Merton R. K. Social time: A methodological and functional analysis. *American Jour. of Sociology*, 1937, vol. 42, iss. 5, pp. 615–629 (Russ. ed.: Sorokin P. A., Merton R. K. *Sotsialnoe vremya: opyt metodologicheskogo i funktsionalnogo analiza*. *Sotsis*, 2004, no. 6, pp. 112–119.).
2. Gurvitch G. *The Spectrum of social time*. Dordrecht, 1964. 152 p.
3. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme. XV–XVIII siècle*: in 3 t. Paris, 1979. T. 3. *Le temps du monde*. 607 p. (Russ.ed.: Brodel F. *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm*: v 3 t. T. 3. *Vremya mira*. Moscow, 1992. 679 p.).

УДК 1(091)

ГЕРАКЛИТ В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКЕ: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ПОИСК ИСТИНЫ ИЛИ УТИЛИТАРИЗМ ПАРТИЙНОЙ ФИЛОСОФИИ?

Жилин Владимир Ильич –

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных, естественно-научных и правовых дисциплин,
Омский институт (филиал) Российского экономического
университета им. Г. В. Плеханова
E-mail: ZhilinVI@yandex.ru

В своём исследовании автор обнаружил, что материалистическая диалектика, впитавшая в себя «поставленную на ноги» диалектику Гегеля, вместе с тем дистанцируется от идей Гераклита, которые Гегелем были безоговорочно приняты. По мнению автора, истоки такого отношения советских философов к Гераклиту проистекают из идеологической установки, согласно которой массовому потребителю не следовало знать всех «отрывков» наследия Гераклита, так как, будучи родоначальником диалектики – метода и мировоззрения «передового класса», сам он питал ненависть к простым труженикам, считая их безвольными и ленивыми, далёкими от истины и от праведной жизни, порочными и безрассудными, которых лишь случай поднимает выше достойных людей.

Ключевые слова: Гераклит, диалектика, материалистическая диалектика.

Начало диалектики уходит ко времени 69-й Олимпиады, когда свои многозначные и недружелюбные по отношению к людям высказывания изрекал в Эфесе Гераклит по прозвищу Тёмный.

Открытая ненависть к окружающим (простым труженикам Эфеса) основоположника диалектики в советской (гуманистической) философии не афишировалась. Более того, и само имя Гераклита не особо упоминалось в фундаментальных основах марксизма. Так, С. Н. Муравьёв в «Философском энциклопедическом словаре» 1983 г. в статье, посвящённой Гераклиту, отмечает: «Гераклит (Ἡράκλειτος) из Эфеса (ок. 520 – ок. 460 до н.э.), древнегреческий философ, один из ионийских философов. От сочинений Гераклита, названных позднее “О природе” или “Музы”, сохранилось ок. 150 фрагментов, а также несколько сот свидетельств об учении, подражаний и т.д. Ввиду огромных трудностей филологического восстановления буквы и смысла дошедших текстов до сих пор нет сколько-нибудь общепринятого понимания учения Гераклита» [1, с. 109]. Удивительно, но взять в качестве фундаментальной основы своего учения о развитии (материалистической диалектики) идеи философа, а потом сказать, что «до сих пор нет сколько-нибудь общепринятого понимания» этих идей, выглядит, по меньшей мере, странно.

В этом же словаре, но в статье о диалектике, А. Ф. Лосев и А. Г. Спиркин отмечают: «Наиболее яркое проявление античная диалектика получила у Гераклита, согласно которому мир, находящийся в постоянном потоке, внутренне противоречив и мыслится в вечном становлении, движении, в единстве противоположностей» [2, с. 154]. Однако далее, вероятно, тоже принимая во внимание отсутствие «сколько-нибудь общепринятого понимания учения Гераклита», авторы вынуждены отделить зёрна от плевел и не допустить смешения идей «одного из ионийских философов» с незапятнанным и единственно верным учением Маркса – Ленина. Решая эту партийную задачу, А. Ф. Лосев и А. Г. Спиркин конкретизируют: «На основе философии Гераклита и элеатов возникла отрицательная диалектика софистов, которые, отойдя от диалектики бытия натурфилософов, привели в бурное движение человеческую мысль с её противоречиями, неустанным исканием истины в атмосфере постоянных споров. Однако, гипертрофируя относительность человеческого знания, они дошли до релятивизма, доведя диалектику до крайнего скептицизма» [2, с. 154]. Интересный поворот истории: Гераклит оказывается уже не предтечей диалектики Гегеля и, соответственно, материалистической диалектики; на основе философии Гераклита возникает отрицательная диалектика софистов, релятивизм и скептицизм – течения философской мысли, чуждые марксизму, с которыми советским философам приходилось вести непрестанную идейную борьбу. Более того, непосредственно А. Ф. Лосев [3] в капитальном труде по истории античной эстетики высказывает, опираясь на своё представление о сути философии, сомнение в том, что Гераклит вообще философ: «Если философию понимать как оперирование отвлечёнными терминами и понятиями, то Гераклит совсем не философ» [3, с. 378].

Несколько «странное» отношение советских философов к Гераклиту не могло в те времена

быть спонтанным, непродуманным. Истоки такого отношения к любому философу обязательно «проектировались» из трудов «классиков» материалистической диалектики.

Впервые на некоторую странность по отношению к Гераклиту обратил внимание В. И. Ленин [4]. Конспектируя «Лекции по истории философии» Гегеля, В. И. Ленин замечает, что автор почему-то меняет местами Зенон и Гераклита. Гераклит идёт позже, но слова, сказанные Гегелем в его адрес, В. И. Ленин выделяет: «Здесь перед нами открывается новая земля; нет ни одного положения Гераклита, которое я не принял бы в свою *Логик*» [4, с. 234].

В истории философии хорошо известно, что Гегель, по большому счёту, возрождает Гераклита после более 2000 лет забвения, которое было обусловлено разгромной критикой со стороны Аристотеля. При этом к некоторому удивлению В. И. Ленина Гегель в «своей» истории философии ставит Зенона впереди Гераклита. И данная реконструкция истории, можно предположить, обусловлена не только схемой Гегеля, согласно которой диалектика идёт от «беспорядочного рассуждения, в котором не растворяется сама душа вещей» («внешняя диалектика»), к «имманентной диалектике», имеющей место в размышлении субъекта, и заканчивается диалектикой Гераклита – «объективной диалектикой». Историческая реконструкция, с моей точки зрения, используется Гегелем и как трюк, позволяющий наглядно продемонстрировать методологическую эффективность диалектики. Ведь Зенон, провозглашённый Гегелем в «обновлённой» им же истории «родоначальником подлинно объективной диалектики» [5, с. 273], мог в «обновлённой» истории своей философской доктриной, отрицающей движение, навредить диалектике. А изменив порядок исторических событий, который странным образом не соответствовал логике развития Абсолюта, Гегель не только привёл мир в надлежащий порядок, он ещё дал возможность Гераклиту высказать торжествующее послесловие к «диалектическим» возражениям Зенона по поводу диалектики. Ведь, с точки зрения Гегеля, «Зенон выразил бесконечное лишь с его отрицательной стороны, признал его вследствие его противоречивости неистинным» [5, с. 289]. Но, как известно из истории философии, Зенон, отстаивая воззрения своего учителя Парменида, демонстрировал абсурдность идей Гераклита. Гераклит же не имел возможности возразить. Но Гегель довольно легко эту «несправедливость» исправил. Ведь именно Гераклит вершина античной философии, полагает Гегель. И, поясняя свой взгляд на Гераклита, Гегель утверждает: «У

Гераклита же мы видим завершение предшествовавшего сознания, завершение идеи, её развитие в целостность, представляющую собою начало философии, так как он выражает сущность идеи, понятие бесконечного, в себе и для себя сущего, как то, что оно есть, а именно как единство противоположностей» [5, с. 289]. И всё встало, согласно Гегелю, на свои места. Круг замкнулся. Гармония восстановилась.

Возрождая Гераклита, Гегель вместе с тем принимает как основополагающие в свою систему и все положения его учения. При этом диалектика самого Гегеля входит составной частью в материалистическую диалектику. Но далее уже советские марксисты говорят, что «до сих пор нет сколько-нибудь общепринятого понимания учения Гераклита», а трудности восстановления смысла дошедших текстов «огромны». Некоторые, носящие характер гипотезы, разъяснения, предваряющие такую осторожность советских философов, можно найти у Ленина в «Философских тетрадах» в конспекте книги Ф. Лассалья «Философия Гераклита Тёмного». Уличая Лассалья в списывании Гегеля по поводу цитат из Гераклита и о Гераклите, В. И. Ленин, вместе с тем, отмечает: «Лассаль совершенно не знает чувства меры в этом сочинении, прямо-таки топя Гераклита в Гегеле. Это жаль. Гераклит в меру, как один из основоположников диалектики, был бы архиполезен: из 850 страниц Лассалья надо бы сделать 85 страниц квинтэссенции и перевести на русский: “Гераклит как один из основоположников диалектики (по Лассалю)”». Могла бы выйти полезная вещь!». [4, с. 308]. Гераклита на русском языке (т.е. для русских) надо в меру. В. И. Ленин знает, что говорит и что делает: людей, и особенно русских, необходимо информировать в меру, в меру, которую знает лишь авангард рабочего класса. Интересная забота о русских. Похоже, что именно это замечание Ленина о соблюдении меры в подаче для русских цитат из Гераклита и сведений о нём сделало в дальнейшем усилиями советских философов-энциклопедистов основоположника диалектики «одним из ионийских философов», который в образной форме «гармонии лиры и лука» обнаружил противоречие. Лениным было сказано, что из 850 страниц «цитат из Гераклита и о Гераклите» надо оставить 85, но каких именно он не указал, а потому, смею предположить, и возникли во второй половине XX в. «огромные трудности филологического восстановления букввы и смысла дошедших текстов» Гераклита.

И уже далее, по согласованному мнению советских философов, оказывается, что не Гераклит ввёл в философию идею изменчивости.

При этом и образ реки, на который ссылаются все философы, пишущие о диалектике, соединяя в себе мысль о текучести и становлении бытия, не может служить веским аргументом в диалектическом приоритете Гераклита. А. Ф. Лосев по этому поводу разъясняет: «В последующие времена, когда у греков развилась тончайшая диалектика становления, образ реки и многие другие яркие символы Гераклита были очень удобными тезисами для философских построений, равно как и прекрасной мишенью для диалектических ниспровержений. Этим, вероятно, и объясняется огромная популярность и невероятная раздутость гераклитова символа реки. Однако нет никаких филологических оснований приписывать определённое логическое содержание данному выражению и выставлять этот символ да и вообще учение о текучести как что-то основное, подавляющее, специфическое для Гераклита» [3, с. 381]. Интересное замечание. Хотя, с моей точки зрения, дополнительные филологические основания особо и не нужны для того, чтобы приписать образу реки определённое логическое содержание. А. Ф. Лосев проводит свою точку зрения далее: «Наоборот, если всерьёз относиться к образности языка дошедших до нас фрагментов Гераклита, то а priori сомнительно, чтобы он с этим образом связывал какие-нибудь отвлечённо-диалектические построения» [3, с. 382]. Вполне возможно и допустить вслед за А. Ф. Лосевым, что Гераклит не связывал с образом реки «отвлечённо-диалектические построения», однако такое допущение не исключает, что именно образ реки привёл и самого Гераклита и его последователей к определённым «отвлечённо-диалектическим построениям». И более того, конкретное, воплотившееся в образе, превратившись в образ, не может не быть абстрактным. А если принять во внимание, что Гераклит использует и образ реки, и образ огня в одном и том же смысле – как выражение тотального изменения (на тождественность отвлечённо-диалектических смыслов этих метафор обращает внимание и М. К. Мамардашвили [6]), то принять пунктуальную точку зрения филологов становится почти невозможно.

Складывается впечатление, что А. Ф. Лосев в своём видении творчества Гераклита исходит из своеобразного понимания художественного творчества, согласно которому художественный образ не возникает в творческом акте художника, а является лишь воплощением в чувственно-конкретной форме уже готовых (кем-то подготовленных) понятий – «каких-нибудь отвлечённо-диалектических построений». И это недоверие к идейной самости художников является довольно

распространённым в среде интеллектуалов, обладающих, согласно самооценке, способностью к «отвлечённо-диалектическим построениям». Распространённым, но не общепринятым. Полагаю, что есть разные художники. При этом переносить творческие приёмы «художников», обладающих технологиями художественной обработки идей глубокомысленных интеллектуалов на познавательное творчество Гераклита, как минимум, некорректно.

Так, П. В. Копнин [7], описывая становление и развитие художественного образа, настаивает, в частности, на том, что научное познание и познание художественное лишь специфичны и не являются двумя различными видами познания. В отличие от авторов, считающих художественный образ первосозданием готовых абстракций, П. В. Копнин утверждает: «Образование художественного образа происходит действительно по общим законам движения познания. А если так, то художник исходит не из готовой идеи, которую воплощает потом в чувственный образ, а из эмпирического материала, из наблюдений над жизнью людей в природе и обществе. Далее он идёт к обобщениям, к познанию сущности явлений, которое имеет свою специфику. Наука от чувственно-конкретного через абстрактное идёт к конкретному в мышлении, к познанию целого в абстракциях, искусство не порывает с чувственно-конкретным, оно подымает его до обобщения большого гносеологического, социального и эстетического значения» [7, с. 445]. А Гераклиту в такой способности почему-то отказали...

К. Р. Попперу, в отличие от советских философов, искавших партийную (выгодную для партии) истину на пути согласования (когеренции) и «общепринятого понимания», было проще, и в связи с этим, без озирания по сторонам, он сообщает: «Гераклит был философом, открывшим идею изменчивости» [8, с. 41]. Можно, конечно, не согласиться с К. Р. Поппером – известным критиком марксизма, но, как оказывается, и Ф. Энгельс – один из авторов материалистической диалектики – признавал приоритет Гераклита в философском открытии изменчивости мира. Отдавая должное диалектическим идеям всех древнегреческих философов, Ф. Энгельс отмечает: «Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остаётся неподвижным и неизменным, а всё движется, изменяется, возникает и исчезает. Этот первоначальный, наивный, но по сути дела правильный взгляд на мир был присущ древне-

греческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: всё существует и в то же время не существует, так как всё течёт, всё постоянно изменяется, всё находится в постоянном процессе возникновения и уничтожения» [9, с. 16].

Выходит, что и К. Р. Поппер, и Ф. Энгельс, даже будучи идейными антагонистами, вместе с тем одинаково признали заслуги Гераклита перед философией, перед человеческой мыслью. С их «общей» точки зрения, именно Гераклит впервые ясно и чётко заявил об изменчивости мира, именно он открыл идею изменчивости, ведь именно он, Гераклит, утверждал, что «всё течёт, всё изменяется», «всё становится и течёт, и нет ничего устойчивого», «дважды в ту же реку невозможно войти». Можно, конечно, уйти в дали (или шири) филологических интерпретаций этих выражений, но полезнее и проще отказаться от изощрённой экзегезы и принять, полагаясь на «правило вежливости» Декарта, высказывания Гераклита буквально – нет ничего устойчивого.

Трудно переоценить это открытие Гераклита. Философия, наука и обыденное мышление с тех пор пропитаны идеей движения, идеей изменчивости. Можно, конечно, не прийти к «обще-принятому пониманию» этого фрагмента учения Гераклита, особенно «ввиду огромных трудностей филологического восстановления буквы и смысла дошедших текстов», но это, с моей точки зрения, не является аргументом того, чтобы отказать в приоритете открытия фундаментального положения диалектики «одному из ионийских философов». Эта историко-филологическая позиция отечественных энциклопедистов вызывает удивление, особенно если принять во внимание, что Гегель все положения диалектики Гераклита включил в свою философскую систему, Ф. Энгельс и В. И. Ленин признавали и принимали диалектический приоритет «одного из ионийских философов», а советские философы, творчески развивая идеи марксизма-ленинизма, ввиду «непреодолимых филологических трудностей» так и не смогли определиться с местом Гераклита в материалистической диалектике.

Однако надо заметить, что советские историки марксистской философии и скрупулёзные филологи-реконструкторы текстов диалектики не были одиноки в своём подходе к (пере)оценке творчества Гераклита. Искали филологическую истину в текстах «одного из ионийских философов» и западные исследователи. При этом за право философа понимать тексты Гераклита философски (а не филологически) вступился именно К.Р. Поппер.

Отстаивая в дискуссии с Т. Э. Барнетом, Ч. С. Кирком и Дж. Э. Равеном (которые утверж-

дали, что все мыслители-досократики признавали наличие движения) приоритет Гераклита в открытии изменчивости (в его философском смысле и значении), К. Р. Поппер утверждает, что «они не могут увидеть разницы между утверждением милетцев “В доме имеется огонь” и гораздо более сильным утверждением Гераклита “Весь дом в огне”» [10, с. 250]. Но, по мнению «филологических» оппонентов К. Р. Поппера, огонь у Гераклита есть архетипическая форма материи и ничто в сохранившихся фрагментах не свидетельствует о том, что и скала, и бронзовый котёл постоянно подвергаются изменениям. Отстаивая право философа на свой, нефилологический, взгляд, К. Р. Поппер, будучи «вежливым» к высказываниям предшественников, отмечает: «Однако что бы ни означало слово “архетипический”, раз мы признали, что в сохранившихся фрагментах Гераклит говорит о том, что вся материя является огнём (в смысле архетипичности или каком-то ином), то, значит, он говорит, что вся материя подобно огню является процессом» [10, с. 251]. А как ещё можно интерпретировать Гераклита [11], не будучи предвзятым (включившись в построение масштабной идеологической системы), когда читаешь «обрывки» его мыслей: «Всё течёт, всё изменяется», «Всё становится и течёт, и нет ничего устойчивого», «Вся материя целиком изменчива, подвижна, обратима и текуча», «Все <вещи> состоят из огня», «Всё есть движение, и нет ничего кроме него», «Ничто никогда не есть, а всё всегда возникает».

Таким образом, отказавшись от партийной «герменевтики», мы лишаемся возможности не признавать, что, согласно Гераклиту и прежде всего Гераклиту, вся материя вовлечена в процесс, её (материи) вообще нет вне движения, вне изменения. И именно это положение вошло без каких-либо изменений в материалистическую диалектику – в мире нет ничего кроме движущейся материи. Меняется всё – и природа, и общество. И именно так поняли «тёмные» тексты Гераклита и Гегель, и Энгельс, и Ленин, и Поппер. И пусть они тем самым, как замечает специалист-филолог-историк С. Н. Муравьев, написали свою историю философии, которая отлична от филологической, а иногда и исторической аутентичности. Они и не претендовали на статус историка или филолога. Они, по большому счёту, даже не писали историю философии. Они создавали свои философские системы, включая в них своё понимание ранее наработанного человеческой мыслью. Г. В. Ф. Гегель, некогда обращаясь к историкам и филологам, которые рьяно боролись за букву истины текстов Платона, заметил: «Мы, следовательно, не нуждаемся в

дальнейших исследованиях, чтобы установить, что в излагаемых мыслях принадлежит Сократу и что Платону. Но, помимо этого, следует ещё заметить, что так как сущность философии всегда остаётся одной и той же, то каждый последующий философ включит и необходимо включает предшествующие философские системы в свою собственную; ему же, собственно принадлежит только тот способ, каким он их дальше развивает» [5, с. 125]. Очевидно, что Гегель не нуждался в дополнительных интерпретациях историков и филологов.

Ещё более спорным в своих интерпретациях и с ними связанных последствиях является утверждение Гераклита о единстве и борьбе противоположностей. Но именно это положение составляет фундаментальное ядро материалистической диалектики. Г. С. Батищев в «Философском энциклопедическом словаре» 1983 г. выверенно и согласованно пишет о законе единства и борьбы противоположностей, что это «один из основных законов диалектики, выражающий источник самодвижения и развития явлений природы и социально-исторической действительности, выступающий и как всеобщий закон познания. Закон единства и борьбы противоположностей в системе материалистической диалектики занимает центральное место, являясь сутью, “ядром” диалектики» [12, с. 183].

Для нас очень важно, что Г. С. Батищев вскрывает и истоки этого закона материалистической диалектики: «В истории философии первоначально сложилось представление о повсеместном сцеплении крайностей, об их чередовании и замещении друг другом, о том, что они “сходятся”. Из этого представления выросла концепция поляризма (например, у Лао-цзы, в пифагореизме), которая в иных формах воспроизводится и в ряде школ нового и новейшего времени (Шеллинг, Уайтхед, органицизм)» [12, с. 183]. И не поспоришь. Всё так и есть. Хотя материалистическая диалектика в качестве своего исторического прародителя имела всё же не Лао-цзы, а Гегеля и, соответственно, Гераклита. Более того, концепция недеяния (у-вэй), принятая в даосизме, отвергает споры, войны и распри и предполагает подчинение естественному процессу, гармонию с дао (путь возникновения, развития и исчезновения всех вещей), а не диалектическую распрю. Пишет Г. С. Батищев и о Гераклите, но после Лао-цзы и вскользь: «Собственно диалектика зарождается там, где вскрывается проблема противоречия; сначала противоречие обнаруживается в виде образа (“гармония лиры и лука” у Гераклита) или апории. Из античных философов наиболее

развёрнуто рассматривал диалектику единства и борьбы противоположностей Платон» [12, с. 183].

А. Ф. Лосев тоже обращает внимание на то, что среди досократиков было много философов, которые говорили о совпадении противоположностей: «К вышеизложенному следует добавить, что учение о совпадении противоположностей развивали почти все досократики, и наличие его у Гераклита ничем не выделяет его на фоне общей досократовской философии. Гераклит – это досократовская философия и эстетика вообще, и очень трудно сказать, чем он отличается от неё специфически. Это – общее досократовское эстетико-философское мировоззрение, выраженное в максимально яркой форме» [3, с. 403].

Трудно не согласиться с А. Ф. Лосевым. Ведь, говоря о том, что учение о совпадении противоположностей – это общее досократовское эстетико-философское мировоззрение, А. Ф. Лосев совершенно прав. Однако мы не рассматриваем вопрос об исторических приоритетах среди досократиков. В данном случае речь идёт о конкретных исторических предшественниках материалистической диалектики, среди которых, как известно, особое место занимает Гегель – философ, выделивший из всех досократиков именно Гераклита, а также открыто и без «оглядки» на будущих диалектико-филологических (ре)конструкторов включивший все положения «тёмного» учения в качестве основополагающих в свою философскую систему.

При этом, несомненно, А. Ф. Лосев делает большой значимости работу – он восстанавливает историческую справедливость, а также соответствие переводов и трактовок сути высказываний самого Гераклита. Однако на Гегеля и философию марксизма эта, открытая А. Ф. Лосевым, истина уже не может повлиять. И для Гегеля, и для всей последующей марксистской философии именно Гераклит был первым выразителем идей диалектики, причём именно в том смысле, в той трактовке, в которой её уразумел Гегель, а не переводчики и «реконструкторы» XX в. И в этой связи критика А. Ф. Лосевым Гегеля и Лассалья за неадекватную оценку творчества Гераклита, даже будучи вполне обоснованной методологически, филологически и исторически, может лишь снять вину (если допустить её существование) конкретно с Гераклита как с исторической личности за последующие грехи (если они есть) марксизма. Но эта критика уже не в состоянии изменить диалектической сути марксизма (методологической и мировоззренческой), причём в той интерпретации, которую привнёс Гегель своим пониманием Гераклита.

Идея единства и борьбы противоположностей, даже если она исходит сразу от всех досократиков или только от Лао-цзы (предельно миролюбивого), будучи по-своему интерпретирована и принята на вооружение Гегелем, Марксом и их последователями, уже воплотилась не только в теоретических конструкциях, но и в реальных делах и в связи с этим не может быть отменена или изменена историческими и филологическими реконструкциями.

Г. В. Ф. Гегель, «оправдываясь» перед скрупулёзными знатоками языков и истории за «неправильное», «неадекватное» понимание им философии «древних», продемонстрировал и свою точку зрения: «Если философы высказываются о философских вопросах, они необходимо должны следовать своим идеям; они не могут спрятать их в карман. Даже в тех случаях, когда они говорят с некоторыми людьми внешне, идея всё же содержится в том, что они высказывают, если только оно не бессодержательно. Для передачи какого-нибудь внешнего события требуется немного, но для сообщения идеи требуется умение. Она всегда остаётся чем-то эзотерическим, и философы никогда не дают исключительно эзотерическое учение. Всё это – поверхностные представления» [5, с. 124]. Для преодоления буквенного смысла нужна работа мысли. Эзотерическое, будучи понято ограниченным кругом людей, не скрывается специально от других – филологов, историков и пр. Г. В. Ф. Гегель в этой связи замечает: «Но эзотерическим является спекулятивное, которое, хотя бы оно было написано и напечатано, всё же, не будучи тайной, остаётся сокрытым для тех, кто не хочет делать усилия мысли» [5, с. 169].

Поразительно, но при чтении советских авторов-энциклопедистов возникает впечатление, что Гераклит имеет лишь косвенное отношение к диалектике и то посредством метафоры «гармонии лиры и лука».

Фиксируя роль Гераклита в открытии диалектического закона единства и борьбы противоположностей лишь как обнаруженное и сформулированное им образное противоречие «гармонии лиры и лука», советские философы-энциклопедисты почему-то не упомянули о других, более диалектичных высказываниях «одного из ионийских философов».

«Гармония лиры и лука» в текстах, составляющих доктрину Гераклита о слиянии противоположностей, тоже была, но был и целый ряд других высказываний, которые, приняв «правило вежливости» Декарта, нельзя интерпретировать иначе, как первые формулировки диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Вот они, переведённые, систематизиро-

ванные и реконструированные знатоком языков и истории С. Н. Муравьевым: «Сущее одновременно множественно и едино и держится через вражду и дружбу»; «Космос состоит из противоположностей: сухих и влажных, холодных и горячих...»; «Части мира (единого) состоят из пар противопоставленных друг другу <свойств>»; «Единое состоит из двух противоположностей, которые себя проявляют, стоит его разделить» [11, с. 132]; «Противоположности тождественны: белое и чёрное, хорошее и дурное, сладкое и горькое» [11, с. 135]; «Противоположности существуют в качестве <свойств> одного и того же»; «Противоположности взаимно тождественны»; «Противоположности сводятся к одному и тому же»; «Противоположности – единое» [11, с. 137]; «Противоположности – начала, и стоит другой противоположности исчезнуть, чтобы Всё уничтожилось и исчезло» [11, с. 136]. И это далеко не все изречения Гераклита в отношении единства и борьбы противоположностей. Гераклит [11], всё в том же переводе и реконструкции, приводит много примеров, поясняющих идею единства и борьбы противоположностей: «расходящееся всегда сходится»; «не понимает того <большинство>, как Единое расходясь с собою согласуется: противовратная гармония (лад), как у лука и у лиры» [11, с. 197]; «ведь совпадают конец и начало у ободка колеса» [11, с. 198]; «мёрзя воды – самые чистые и самые грязные: для рыб они сладостны и спасительны, для нас же – гадостны и губительны» [11, с. 200]; «путь вверх – вниз один и тот же: <путь прямой>» [11, с. 205].

Можно много спорить о значении закона единства и борьбы противоположностей для истории природы и общества, для поиска истины. Так оно и было, начиная с первых его формулировок, сделанных Гераклитом. Аристотель [13], как известно, довольно едко высмеивал этот диалектический закон. С его точки зрения, «люди, выставляющие это положение (утверждающие возможность противоречия), уничтожают сущность и суть бытия» [13, с. 65]. Не было единого взгляда на этот закон и в советской философии. Хотя, уже приняв диалектику как метод и мировоззрение, советские философы не дискутировали о допустимости противоречия в природе и мышлении. Противоречивым должно быть всё. И всё зиждется, движется и развивается на основе противоречий. Поэтому разногласия между советскими философами были иными (см., например, у В. В. Черникова [14]): одна «фракция» настаивала на ортодоксальном принятии противоречия («противоречия одновременно истинны»), идущем вразрез с формальной логикой, другая

– предлагала некую редакцию, которая позволяла включать в рассуждения противоречия, но так, чтобы не нарушать закона (не)противоречия формальной логики. Однако «отсутствие единого мнения» на «диалектическую» сущность закона единства и борьбы противоположностей не привело советских философов к забвению самого закона, как это почти произошло с приоритетом Гераклита в области диалектики по причине отсутствия «сколько-нибудь общепринятого понимания» его учения. И эта, окаймлённая принципом партийности, позиция советской философии в отношении закона единства и борьбы противоположностей и его автора не может не вызывать удивления.

Чем провинился Гераклит перед советскими философами? Почему понадобилось реконструировать отведённую ему «классиками» роль в основоположениях марксизма? Однозначных ответов на эти вопросы у меня нет. Есть лишь гипотеза: Гераклита следовало умерить, не допустить всего до массового читателя, получающего образование, так как, будучи фактическим родоначальником диалектики – метода и мировоззрения «передового класса» на Земле, он питал и открыто озвучивал ненависть к простым труженикам, считая их безвольными и ленивыми, далёкими от истины и от праведной жизни, которые, будучи движимы порочным безрассудством, предаются неутомимой страсти и стяжанию славы, и при этом лишь игра случая поднимает этих людей выше тех, которые многократно их превосходят своими человеческими достоинствами. Лингвистика и история в этой программе реконструкции играли лишь вспомогательную роль, хотя сами исследователи, скорее всего, были честны перед буквой истории и историей буквы.

Список литературы

1. Муравьёв С. Н. Гераклит // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 109–110.
2. Лосев А. Ф., Спиркин А. Г. Диалектика // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 154–158.
3. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М., 2000. 624 с.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. Т. 29. Философские тетради. М., 1977. 783 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии : в 3 кн. Кн. первая. СПб., 2006. 350 с.
6. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. СПб., 2012. 320 с.
7. Копнин П. В. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969. 484 с.
8. Поннер К. Р. Открытое общество и его враги : в 2 т. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. 448 с.
9. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. М., 1973. 483 с.
10. Поннер К. Р. Предположения и опровержения : рост научного знания. М., 2008. 638 с.
11. Гераклит Эфесский : всё наследие. М., 2012. 416 с.
12. Батушцев Г. С. Единство и борьба // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 183.
13. Аристотель. Метафизика. М., 1934. 348 с.
14. Диалектическая логика / под ред. З. М. Оруджева, А. П. Шептулина. М., 1986. 298 с.

Heraclitus in Materialistic Dialectics: Philological Search of Truth or Utilitarizm of Party Philosophy?

V. I. Zhilin

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow State University' Branch in Omsk
195, block 18, 10 let Oktyabrya str., 644009, Omsk, Russia
E-mail: ZhilinVI@yandex.ru

In the research the author found out that the materialistic dialectics which has absorbed in «put on feet» to Hegel's dialectician, at the same time separates from Heraclitus's ideas which were unconditionally accepted by Hegel. According to the author, sources of such relation of the Soviet philosophers to Heraclitus result from ideological installation according to which the mass consumer shouldn't have known all «fragments» of heritage of Heraclitus since being the ancestor of dialectics – a method and outlook of “the advanced class”, it fed hatred for simple workers, including their weak-willed and lazy, wide of the mark and from just life, vicious and reckless which only the case lifts above worthy people.

Key words: Heraclitus, dialectics, materialistic dialectics.

References

1. Muravev S. N. Geraklit (Heraclitus). *Filosofskiy enciklopedicheskiy slovar* (Philosophical encyclopedic dictionary). Moscow, 1983, pp. 109–110.
2. Losev A. F., Spirkin A. G. Dialektika (Dialectics). *Filosofskiy enciklopedicheskiy slovar* (Philosophical encyclopedic dictionary). Moscow, 1983, pp. 154–158.
3. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Rannyya klassika* (History of ancient aesthetics. Early classics). Moscow, 2000. 624 p.
4. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch. : v 55 t. 5 izd. T. 29. Filosofskie tetradi* (Complete works: in 55 vol. 5 ed. Vol. 29. Philosophical writing-books). Moscow, 1977. 783 p.
5. Hegel G. W. F. *Vorlesungen Über die Geschichte der Philosophie. Werke in 20 Bänden. Band I.* Berlin; Leipzig, 1833. 452 s. (Russ. ed.: Gegel G. V. F. *Lektsii po istorii filosofii*: v 3 kn. Kн. pervaya. St.-Petersburg, 2006. 350 p.).
6. Mamardashvili M. K. *Lekcii po antichnoj filosofii* (Lectures on ancient philosophy). St.-Petersburg, 2012. 320 p.
7. Koptin P. V. *Filosofskie idei V. I. Lenina i logika* (Philosophical ideas of V. I. Lenin and logic). Moscow, 1969. 484 p.

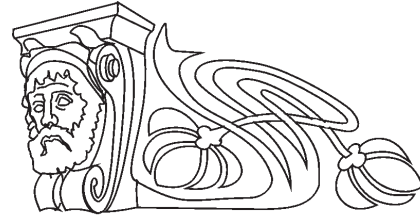
8. Popper K. R. *The open society and its enemies*: in 2 vol. Vol. 1. The spell of Plato. London; Henley, 1966. 470 p. (Russ. ed.: Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi*: v 2 t. T. 1. Chary Platona. Moscow, 1992. 448 p.).
9. Engels F. *Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft*. Leipzig, 1878. 488 s. (Russ. ed.: Engels F. *Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedenny gosposidnom Evgeniem Dyuringom*. Moscow, 1973. 483 p.).
10. Popper K. R. *Conjectures and refutations. The growth of scientific knowledge*. New York, 1962. XII + 412 p. (Russ. ed.: Popper K. *Predpolozheniya i oproverzheniya: rost nauchonogo znaniya*. Moscow, 2008. 638 p.).
11. Geraklit Efesskiy. *Vse nasledie* (All heritage). Moscow, 2012. 416 p.
12. Batishev G. S. *Edinstvo i borba* (Unity and struggle). *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar* (Philosophical encyclopedic dictionary). Moscow, 1983. P. 183.
13. Aristotle. *Metafizika* (Metaphysics). Moscow, 1934. 348 p.
14. *Dialekticheskaya logika* (Dialectic logic). Ed. by Z. M. Orudzhev, A. P. Sheptulin. Moscow, 1986. 298 p.

УДК 101.1

РОЛЬ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

Иванов Андрей Геннадиевич –

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал
E-mail: agivanov2@yandex.ru

В статье рассматривается трансформация системы социальной мифологии под воздействием рациональности. Система социальной мифологии представлена как совокупность онтологической, гносеологической, аксиологической и праксиологической подсистем. Рациональные составляющие с развитием науки проникают в социальную мифологию, изменяя содержание её основных свойств: от распада синкретизма в Античности до возникновения мифологии массового человека в XX в. Особое внимание уделяется утопии как разновидности рационализированного социального мифа. Делается вывод о том, что научная рациональность существенно изменила содержание всех подсистем социальной мифологии.

Ключевые слова: рациональность, система социальной мифологии, синкретизм, утопия, мифологическое сознание.

В статье будет сделана попытка определить, как связаны друг с другом рациональность, рациональное знание, с одной стороны, и миф, мифологическое знание, с другой стороны; как рациональность влияет на социальную мифологию.

Обратимся к определению понятия «рациональное знание», к его свойствам. Так, в энциклопедии С.А. Лебедева отмечено, что рациональное знание обладает следующими свойствами: понятийно-языковая выразимость, определённости значений и смысла понятий (терминов) и суждений (высказываний); системность (субординация и координация всех понятий и суждений на более существенные и менее существенные, на основания и следствия, на основные и производные элементы); логическая обоснованность всех по-

нятий и суждений (редукция одних понятий к другим с помощью аргументации); открытость критике, способность к изменению и совершенствованию под влиянием новой информации, внешней и внутренней критики; общезначимость (по крайней мере, для профессионалов данной области); полезность (возможность использовать для достижения конкретных адаптивных целей) [1, с. 518].

Следует отметить, что такие свойства рационального знания, как системность, общезначимость, полезность присущи и мифологическому знанию. Другое дело, что эти свойства проявлялись в ситуации доминирования мифа в обществе и не могут пронизывать всю совокупность сегодняшних общественных отношений.

Иное понимание рациональности мы встречаем у К. Хьюбнера. В работе «Истина мифа» он связывает с понятием «рациональность» представления о познаваемости, обосновываемости, последовательности, ясности и общеобязательной приемлемости [2, с. 220]. Понятие рациональности у К. Хьюбнера оказывается во многом тождественным понятию интерсубъективности. Рациональность выражается через интерсубъективность: семантическую (ясность и общая приемлемость понятий и построенных на них суждений); эмпирическую (приемлемость и признанность фактов); логическую (логически обоснованные выводы); операциональную (например, вязка, конвейерное производство);

а также через нормативную рациональность (руководство нормами в деятельности). Причём эти формы выражения рациональности присутствуют, по мнению К. Хюбнера, как в науке, так и в мифе.

Более того, в работе «Критика научного разума» К. Хюбнер пытается доказать, что те формы сознания, которые обычно противопоставлялись науке как иррациональные, например миф, в действительности имеют свою рациональность, которая обусловлена специфическим, отличным от научного, понятием опыта. Как видим, рациональность, понимаемая предельно широко, присуща и мифу, мифологическому знанию.

Мифологическое знание пронизывает систему социальной мифологии. Рассматривая социальную мифологию в качестве системы, можно выделить в ней несколько подсистем, состоящих из определённых элементов и образующих некую более или менее упорядоченную структуру. К таким подсистемам мы относим онтологическую, гносеологическую, аксиологическую, практическую (праксиологическую). Онтологическая включает в себя такие элементы, как представления о времени, пространстве, части и целом, причинно-следственной связи. В гносеологическую подсистему включаются мифологическое сознание (мифологизация и мифотворчество), мифопоэтическое мировосприятие, мифомышление. Элементами аксиологической подсистемы следует считать веру, представления о сакральном и профанном. Практическую (праксиологическую) образуют такие элементы, как символ, миф, ритуал, игра, сказка, магия.

Существование социальной мифологии как системы характеризуется постоянным взаимодействием между её подсистемами, их структурными элементами, а также между всей системой и внешним окружением. Однако в своём развитии система социальной мифологии всё в большей степени подвергалась влиянию рациональности, что мы и попробуем рассмотреть, взяв в качестве ориентира деление А. Ф. Косаревым развития науки на три стадии. По его мнению [3], наука в своём развитии проходит три стадии: теоретическую (фундаментальную), экспериментальную (прикладную) и комплексную (глобальную). Каждая из них имеет свой способ организации (соответственно: научная школа, научное сообщество и социальный институт) и выполняет свою главную функцию (соответственно: познавательную, преобразовательную и регулятивную; или по-другому: гносеологическую, технологическую и социологическую). Причём с возникновением каждого нового этапа прежняя наука не исчезает, но продолжает существовать, образуя вместе

с новой общую структуру науки и сохраняя в рамках этой структуры всю свою ценность. Взаимодействуя, они оплодотворяют друг друга и повышают тем самым научную и социальную значимость каждой.

На первом этапе объектом познания становятся не реальные предметы, а их идеальные заместители – идеальные объекты, оперируя которыми, можно обнаружить неизвестные ранее соотношения и свойства реальных предметов и сконструировать из них новые идеальные объекты. «Целью познания и высшей для учёного ценностью становится не получение практически полезного результата, а постижение истины. Главным средством получения нового знания (постижения истины) становится не практический опыт, а теоретический анализ, основанный на системе логических доказательств. Соответственно этому складываются новые, не связанные с практикой критерии достоверности (истинности) знания: непротиворечивость, краткость, простота, красота доказательства» [3, с. 184].

Использование таких общелогических методов, как анализ, идеализация позволяет начать отсчёт разрушению мифологической системы знания. В этом свою роль сыграли как внутренние факторы (развитие мышления человека в сторону все большего апеллирования к рациональности), так и внешние, социальные (рост городов, усложнение хозяйственных связей и т.п.).

Рациональные составляющие стали проникать как в онтологическую подсистему социальной мифологии (представления о пространстве и времени, части и целом, причинно-следственной связи), так и в гносеологическую (мифопоэтическое мировосприятие, мифомышление, мифосознание). В конечном счёте, именно с Античности можно говорить собственно о мифологическом, а не о мифическом сознании (мифосознании),

Толчками к размышлению о логических основаниях научных понятий стал ряд открытий, сделанных античными философами: открытие несоизмеримости в пифагорейской школе и апорий (выявление противоречий, связанных с понятиями прерывности и непрерывности). Постепенно происходит распад мифологического синкретизма. Например, представления о материальном и идеальном начинают разделяться. Так, Платон впервые приходит к мысли о том, что число имеет другой онтологический статус, чем чувственные вещи: оно является идеальным образованием [4, с. 37]. Пифагор впервые осознаёт числа и геометрические фигуры как абстракции.

Впервые теоретическому осмыслению подвергается и праксиологическая подсистема социальной мифологии, представленная такими

компонентами, как символ, миф, ритуал, игра, сказка, магия. Прежде всего, возникают первые теории мифа.

Аллегорическая трактовка (миф есть аллегория), где миф оказался объектом философско-теоретического анализа, была предложена Ферекидом (VI в до н. э.). Он предложил понимать не буквально, а аллегорически все, что известно из мифологии о богах, их происхождении и поступках, т.е. силой рационального умозрения пытаться находить за мифологическими чувственными образами подлинный смысл бытия, заключенного в мифе. Таким образом, понимание мифа как аллегии стало исторически первой попыткой рационалистической трактовки сущности мифотворчества. Это же относится и к попыткам построения следующих концепций мифа, предпринимавшихся в Древней Греции: миф есть сознательно ложная конструкция (софисты), миф есть бессмыслица. Аллегорически толковали мифы и стоики, при этом онтологическое объяснение выявленного смысла происходит посредством синтеза идеального и материального. Так, М. Элиаде [5] считал, что Хрисипп свел греческих богов к физическим и этическим принципам.

Отдельно следует отметить так называемую эвгемерическую трактовку мифа. В начале III в. до н. э. Эвгемер опубликовал роман в форме философского путешествия «Священная история», где показал, что древние мифологические боги – это не что иное, как обожествленные исторические личности. В соответствии с этой концепцией, боги, изображенные в мифах, – это не подлинные боги, а исторические личности, превращенные человеческим сознанием в богов: цари, герои. Стоит отметить, что такая концепция стала возможной благодаря существовавшей в то время традиции наделять выдающихся личностей божественными атрибутами, которая, видимо, брала свое происхождение от древнегреческого культа героев.

Скорее всего, именно благодаря стремлению человеческого сознания обожествлять своих великих современников эвгемеризм оставался одной из самых распространенных трактовок мифа, сохранившейся до Нового времени. Эффективность данной концепции подтверждалась её реальным воздействием на массы людей: приравнивание царей к богам укрепляло государство, способствовало удержанию власти.

Говоря об аксиологической подсистеме социальной мифологии, следует обратить внимание, что её компоненты – вера, представления о сакральном и профанном – на данном этапе развития науки оказывались в меньшей степени

подверженными воздействию рациональных составляющих. Например, рациональная в своей основе вера в научный прогресс возникает лишь в Новое время.

Платон впервые задумывается над тем, как с пользой для общества можно использовать мифологию, отношение к которой у людей было неоднозначным, но полностью ее игнорировать они были неспособны. В итоге, Платон стал искать в мифах фрагменты, которые выполняли бы воспитательную функцию для граждан: «... более всего надо добиваться, чтобы первые мифы, услышанные детьми, самым заботливым образом были направлены к добродетели» [6, с. 154]. При этом, занимаясь поисками воспитательных нормативов в мифах, видя в них инструмент воздействия на современников, Платон наполняет собственные произведения (например «Государство») мифологическими конструкциями. Причём он, в отличие от толкователей мифов как аллегии, которые исследовали прошлое, проецирует мифы в будущее.

Вслед за Платоном Аристотель обнаруживает в мифе соционормативную функцию, которую можно использовать для массового сознания, так как миф он считал понятным и привычным для народа. Сущность мифа, по Аристотелю, может быть охарактеризована через три фундаментальные черты человеческой природы: удивление, подражание и удовольствие. В целом миф рассматривался им как форма удивления человека перед действительностью, и данную форму уже можно считать специфической логической категорией.

Второй этап в развитии науки связан с произошедшими в XVI–XVII вв. в Европе социально-экономическими изменениями. Потребности развивающегося капитализма приводят к необходимости использования науки для практических целей. Истинные знания становятся нужными обществу не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они оказываются полезными производству. Основным критерием истины становится практическая польза, технологическая результативность.

Современное понимание рациональности сформировалось в эпоху становления экспериментального математического естествознания – в XVII–XVIII вв. В XII–XVIII вв. фундаментальной наукой о природе становится механика. Вместо понятия цели вводится понятие действия, т.е. объяснения происходят не с помощью целевых, а с помощью действующих причин.

Механизм разрушения архаической мифологии, на наш взгляд, удачно объяснил Г. П. Коршунов, полагая, что урбанизация, прагматизм, конкуренция деформировали традиционные

мифологические модели (прежде всего, за счёт разрушения их ценностной, социальной и поведенческой баз) и интенсифицировали процессы создания универсальных и интегративных смыслов. «На месте дискредитированных иррациональных (мифологических и религиозных) систем образовывался мотивационно-объяснительный и легитимирующий вакуум. Этот вакуум с необходимостью “заполнялся” – заполнялся изобретаемыми теоретиками искусственными системами, претензия на истинность которых обосновывалась научностью, открытием универсальных оснований бытия, принципом прогресса, социальной справедливости и т.д. Провозвестником таких телеологических концепций социального проектирования можно считать “Утопию” Т. Мора и “Город Солнца” Т. Кампанеллы, хоть они формально и продолжали ещё линию Платона с его идеальным обществом» [7, с. 65–66].

Утопия занимает особое место в процессе трансформации социальной мифологии в Новое время. Утопию можно в полной мере считать некоей разновидностью рационализированного социального мифа. В утопиях Нового времени стали акцентироваться отдельные социальные сферы (экономическая, политическая), вследствие чего разрушался как религиозный догматизм, так и, окончательно, мифологический синкретизм.

В результате уже не просто трансформировалась система социальной мифологии в направлении всё большего проникновения рациональных составляющих в компоненты мифологии, а уходили в прошлое сущностные свойства мифологии, такие как синкретизм, коллективизм.

Рассматривать и сравнивать смысл утопии, а также возникшего в Новое время понятия идеологии с мифологией наиболее убедительно, как нам представляется, будет через обращение к работам К. Манхейма, где он даёт развёрнутую характеристику утопическому и идеологическому сознанию. В частности, он считает утопичной ориентацию «“трансцендентную по отношению к действительности”, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей; а утопичным – сознание, не находящееся в соответствии с окружающим его “бытием”» [8, с. 164].

Если утопия уничтожает существующую «структуру бытия», то идеология лишь «корректирует» эту структуру с целью подчинения реальности идеологии определённой групп. При этом и утопия, и идеология основываются на трансцендентных бытию факторах. В свою очередь, социальная мифология основывается

на имманентных бытию факторах и выступает в качестве неотъемлемого компонента актуального бытия общества, в качестве того, с чем необходимо считаться, что нужно учитывать, так как именно социальной мифологией, на наш взгляд, общество живёт в первую очередь.

Следует отметить, что на втором этапе развития науки рациональные составляющие начинают наполнять компоненты, относящиеся к праксиологической подсистеме социальной мифологии. Это обусловлено развитием производства, технологических процессов, проектирования. Не случайно поэтому возникновение вначале утопий, а затем – и идеологий как проектов практического осуществления социальных преобразований. Кроме того, произошло жёсткое противопоставление игрового и утилитарного; ритуала и производственной практики. И именно Новое время стало началом разрушения мифологического символизма: язык символов стал превращаться в язык знаков, в знаковую систему, где каждый знак означал что-то конкретное.

Третий этап развития науки охватывает XX в. Целью познания становится социокультурная практика в целом; широкое распространение получают междисциплинарные исследования, позволяющие решать глобальные социокультурные проблемы; наука становится социальным институтом. Возникает потребность в новых социальных ценностных и нормативных критериях. На данном этапе развития науки самую существенную трансформацию претерпевает аксиологическая подсистема социальной мифологии. Возникшие в Новое время и успевшие реализоваться в отдельных обществах, идеологии, утопии, отдельные социальные мифы в XX в. всё большую поддержку находят у вышедшего на авансцену общества человека масс и начинают претендовать на то, чтобы диктовать человеку ценностные ориентации, «новые легитимности».

Формирующие новые легитимности социальные мифы конструируются социальными элитами при помощи общенаучных методов и технологий и в этом смысле оказываются практически идентичными идеологии. С развитием идеологий в XX в. происходит активизация гносеологической подсистемы социальной мифологии, а именно мифологического сознания.

Стоит заметить, что мифологическому сознанию присущи как процессы мифотворчества, так и процессы мифологизации (наделение чего бы то ни было мифической образностью). Тому, что в общественном сознании в XX в. всё большее место начинает занимать мифологическое сознание, способствует рост активности как мифотворцев, так и широких масс. Так, мифо-

творчество продуцируется господствующими классами в виде социальных мифов, идеологий; мифологизацией занимается так называемое массовое общество.

С одной стороны, можно согласиться с тем, что «повышение значимости мифа на Западе в XX в. свидетельствовало о “закате” того рационализма, восхождение которого нарастало с эпохи Просвещения вплоть до рубежа XIX–XX вв.» [9, с. 47]. С другой стороны, можно выделить ряд особенностей в процессах рационализации гносеологической подсистемы социальной мифологии. В частности, И. И. Кравченко на примере политической мифологии выделяет следующие особенности процесса дальнейшей рационализации мифологического сознания: «... в мифологии произошла радикальная перестройка отношений рационального и иррационального. В отличие от архаического мифа его светские, в особенности политические виды начинались не с иррациональной идеи, которая затем рационализировалась, а с рационального замысла, который потом обдуманно наполнялся иррациональным по сути, хотя рациональным по форме содержанием (достижения, успехи, обещания, демонстрации могущества, прозорливости и т.п.), но и эта формальная рациональность обычно принимала иррациональный облик с культами, ритуалами, символами действительности. Сама эмоциональность получала достаточно рациональные импульсы, коль скоро миф включал реальные ценности (справедливость, свобода, разум, политическое могущество, достославная история), возвеличивал реально существовавших или существующих героев, действительно позитивные цели. Целенаправленное мифотворчество рационализирует мифологическое сознание» [10, с. 12]. Мнение И. И. Кравченко отражает, по нашему мнению, особенности именно мифотворческих процессов, «внутренних», интерналистских факторов социальной мифологии.

Взгляд на социальную мифологию с позиции человека массы, человека, не участвующего в формировании «новой легитимности», новой картины мира, новой идеологии наиболее удачно выразил А. Н. Кольев: «Усложнение и ускорение социальных процессов, с одной стороны, а с другой – углубление рационализации всех сфер жизни в XX веке привели к парадоксу: всё более усложняющаяся рациональную картину мира можно отразить в массовом сознании только путём предельного опрошения социальных концепций – вроде концепций “конца истории”, “столкновения цивилизаций”, “золотого миллиарда” и т.п. Вместе с тем такого рода концепции сами становятся элементами социальных мифов,

средствами воздействия на массовое сознание, духовно-нравственные ориентации и политический процесс» [11, с. 8].

Таким образом, с развитием научной рациональности происходила существенная трансформация всех подсистем социальной мифологии, начиная с онтологической в эпоху Античности, заканчивая аксиологической в XX в.

Список литературы

1. Лебедев С. А. Философия науки : краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М., 2008. 692 с.
2. Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1996. 448 с.
3. Косарев А. Ф. Философия мифа : мифология и её эвристическая значимость. СПб., 2000. 304 с.
4. Гайденок П. П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003. 528 с.
5. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000. 224 с.
6. Мыслители Греции. От мифа к логике. М., 1998. 832 с.
7. Кориунов Г. П. Место и роль социальной мифологии в структуре массового сознания. Минск, 2009. 208 с.
8. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. 700 с.
9. Хренов Н. А. От эпохи бессознательного мифотворчества к эпохе рефлексии о мифе // Миф и художественное сознание XX в. / отв. ред. Н. А. Хренов. М., 2011. С. 11–82.
10. Кравченко И. И. Политическая мифология : вечность и современность // Вопр. философии. 1999. № 1. С. 3–17.
11. Кольев А. Н. Политическая мифология : реализация социального опыта. М., 2003. 384 с.

The Role of Rationality in the Process of Transformation of the System of Social Mythology

A. G. Ivanov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch
3, Internatsionalnaya str., Lipetsk, 398050, Russia
E-mail: agivanov2@yandex.ru

The transformation of the system of social mythology under the influence of rationality is considered in the article. The system of social mythology is represented as a set of ontological, gnoseological, axiological and praxeological subsystems. With the development of science rational components penetrate in social mythology, changing the content of its basic properties: from the collapse of syncretism in antiquity to the occurrence of the mythology of the man of the masses in the twentieth century. Special attention is paid to utopia as a kind of rationalized social myth. The conclusion is that the content of all subsystems of social mythology has changed significantly under the influence of scientific rationality.

Key words: rationality, the system of social mythology, syncretism, utopia, mythological consciousness.

References

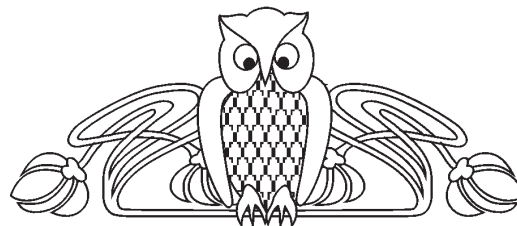
1. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: kratkaya entsiklopediya (osnovnye napravleniya, kontseptsii, kategorii)* (Philosophy of science: a brief encyclopedia {main directions, concepts, categories}). Moscow, 2008. 692 p.
2. Hübner K. *Die Wahrheit des Mythos*. München, 1985. 415 S. (Russ. ed.: Hubner K. *Istina mifa*. Moscow, 1996. 448 p.).
3. Kosarev A. F. *Filosofia mifa: Mifologiya i ee evristicheskaya znachimost* (Mythology and its heuristic significance). St.-Petersburg, 2000. 304 p.
4. Gaydenko P. P. *Nauchnaya ratsionalnost i filosofskiy razum* (Scientific rationality and philosophical mind). Moscow, 2003. 528 p.
5. Eliade M. *Aspecte que mithe*. Paris, 1964. 187 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Aspekty mifa*. Moscow, 2000. 224 p.).
6. *Mysliteli Gretsii. Ot mifa k logike: soch.* (Thinkers of Greece. From myth to logic: works.). Moscow, 1998. 832 p.
7. Korshunov G. P. *Mesto i rol sotsialnoy mifologii v strukture massovogo soznaniya* (The place and role of social mythology in the structure of the mass consciousness). Minsk, 2009. 208 p.
8. Mannheim K. *Ideologie und Utopie*. Bonn, 1929. 250 S. (Russ. ed.: Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni*. Moscow, 1994. 700 p.).
9. Khrenov N. A. Ot epokhi bessoznatel'nogo mifotvorchestva k epokhe refleksii o mife (From the era of the unconscious myth-making in the era of reflection on the myth). *Mifi khudozhestvennoe soznanie XX veka* (Myth and artistic consciousness of the XX century). Ed. by N. A. Khrenov. Moscow, 2011, pp. 11–82.
10. Kravchenko I. I. *Politicheskaya mifologiya: vechnost i sovremennost* (Political mythology: the eternity and modernity). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1999, no. 1, pp. 3–17.
11. Kolev A. N. *Politicheskaya mifologiya: Realizatsiya sotsial'nogo opyta* (Political mythology: Implementation of social experience). Moscow, 2003. 384 p.

УДК 001.3

НАУКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Косыхин Виталий Георгиевич –

доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки,
Саратовский государственный университет
E-mail: Kosyhinvg@rambler.ru

В статье рассматриваются проблемы становления и развития науки как социального института в пространстве технократической цивилизации. Выявляется альтернатива технологического и технократического подходов к научному знанию. Демонстрируется сущностное единство естественных и гуманитарных наук на основе общности их технократической организации. Ставится проблема влияния глобальной экономики и процесса интернационализации научных институтов на современные реформы образовательных систем ведущих стран мира. Подчеркивается необходимость выработки новых стратегий взаимодействия науки и общества. Дается анализ состояния научного знания с точки зрения феноменологии и философии постмодерна.

Ключевые слова: наука, техника, мышление, технология, технократия.

Прочитанные М. Хайдеггером в 1953 г. два доклада «Наука и осмысление» и «Вопрос о технике» вывели на новый уровень философское осмысление проблем бытия науки в эпоху господства техники. Признавая факт ведущей роли научного знания в современной культуре, осознаваемой, прежде всего, как культура технических достижений и инноваций, Хайдеггер

ставит вопрос о сущности научно-технического подхода к пониманию мира, о технике и техническом отношении к окружающему как факторах, определяющих жизнь современного человека. Он приходит к выводу, что основания понимания роли и значения техники находятся не в сфере технического, а в области мышления, которое по-особому, техническим образом представляет себе истину бытия. Это мышление укоренено в представлении о наличном, данном, предстоящем как единственно возможном и поэтому определяется Хайдеггером через понятие *Gestell* (в русском переводе «постав»). Поскольку техническое мышление, согласно Хайдеггеру, имеет тенденцию к упрощению и обеднению понимания бытия мира и человека, он видит в нем существенную опасность: «Постав, однако, подвергает риску не только человека в его отношении к самому себе и ко всему, что есть. В качестве миссии он посылает человека на путь раскрытия потаенности способом поставления. Где господствует последнее, изгоняется всякая

другая возможность раскрытия потаенности <...> Где правит постав, на всякое раскрытие потаенного ложится печать управления, организации и обеспечения всего состоящего в наличии. Управление, организация, обеспечение не дают обнаружиться даже своей собственной основной черте, а именно этому раскрытию как таковому <...> Господство постава грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины» [1, с. 233–234].

Исходя из двойственного значения греческого слова *techné* как умения и как искусства, Хайдеггер вводит оппозицию технического и поэтического, рассматривая последнее как спасительную форму человеческого бытия в условиях техногенной цивилизации.

При всей значимости предпринятого Хайдеггером онтологического анализа проблемы научно-технического мышления, нам представляется более подходящим рассмотреть эту проблему несколько иначе, учитывая процессы, разворачивающиеся в области науки и образования за последние десятилетия, и опыт их осмысления современной философией. Оставаясь внутри науки и не переходя в сферу поэтического, мы полагаем, что техническое мышление в науке может находиться и, соответственно, рассматриваться в сфере влияния двух подходов: технологического и технократического. Первый из них укоренен в области собственно научно-исследовательской деятельности, тогда как второй является следствием функционирования науки как социального института в условиях современной жизни общества. Анализ различия этих двух подходов к научному познанию мира и является темой данной статьи.

Существование современной науки как социального института опирается на определенное мировоззрение. Оно наиболее адекватно соответствует принятой научной картине мира и имеет своей главной целью наиболее эффективное использование природных и интеллектуальных ресурсов в интересах человечества. Поскольку в условиях современной глобальной цивилизации акцент ставится, в первую очередь, на экономическую продуктивность, вполне правомерно выглядело бы определение такой науки как во многом технократической, т.е. вписанной в систему функционирования общественных институтов управления. Техническая наука при подобном понимании вещей вовсе не противоположна науке социально-гуманитарной. Имея, в сущности, одни и те же основополагающие структурные и методологические предпосылки и критерии

научной деятельности, современные социально-гуманитарные науки, несмотря на определенные различия с науками естественными, вполне подходят под определение технократических наук. Это внутреннее, сущностное родство между естественными и социально-гуманитарными науками имеет свое основание не только в одинаково институциональном характере этих двух областей научного знания, что вызвано необходимостью адекватного реагирования на общественные ожидания, но и в том сущностном единстве, которое характеризует проект Новоевропейской науки в целом. В некотором смысле именно общественные ожидания являются весьма действенным стимулом для формирования тех стандартов точности, доказуемости и объективности, к которым стремится современная наука. Другое дело, что сами эти общественные ожидания вызываются необходимостью соответствия современному мировоззрению, т.е. определенной картине мира, в свою очередь, находящей свое оправдание в европейской философии последних столетий, неразрывно связанной с рождением и развитием того феномена, который мы привычно обозначаем термином науки Нового Времени.

Становление науки как социального института начинается в XVII в., сначала в качестве проекта нового универсального методологического познания и преобразования мира в философии Ф. Бэкона и Р. Декарта, который завершится созданием первой научной механистической картины мира в «Математических началах натуральной философии» И. Ньютона (1685). Необходимость общественной организации науки в эту эпоху получает признание в учреждении субсидируемых правительствами европейских стран первых научных организаций – Французской академии (1635), Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе (1660), Берлинской академии наук (1700) и Петербургской академии наук (1724). Научные организации были призваны координировать усилия ученых, в первую очередь, в области разработки и внедрения технологических инноваций. Все это принесло существенные плоды уже в XVIII в., когда эпоха Просвещения вместе с реформой университетского образования и начавшейся промышленной революцией делает науку неотъемлемой частью жизни общества, переходящего на индустриальный путь развития.

В XVII–XVIII вв. происходит полная реформа философии, завершающаяся реформой всех наук. В эмпиризме и рационализме Нового времени было осознано универсальное единство наук через общность методологических подходов. Конкретные науки мыслились формами

такого универсального знания. Причем подобное понимание было прерогативой не только фило-софов, но и самих ученых-практиков.

Усиление потребностей общества в широкой индустриализации, наступление промышленной революции и рост научного самосознания в XIX в. вывели на первый план естественные науки, призванные решать конкретные, прежде всего, технические задачи, уже не нуждаясь в предполагаемом философией метафизическом универсальном обосновании. Такая постановка вопроса была в принципе неприемлема для формирующейся институционально-эмпирической науки, которая все более осознает себя социальным институтом, а не видом познания, зависимым от принципов и методов современной метафизики. По сути дела, это означало кризис того проекта структуры научного знания, знания вообще, которое еще в XVII в. отождествлялось Декартом с философией, подобной дереву, чьим корнем является метафизика, стволом – физика, а ветвями – остальные науки. Что интересно, сам Декарт отождествлял методы и доказательства философии с математикой, постулируя пространство научного теоретико-методологического знания как *mathesis universalis*. Это, бесспорно, имело свои онтологические основания, так или иначе разделяемые такими крупнейшими учеными, как И. Ньютон или Г. В. Лейбниц.

Однако если мы обратимся от теории бытия к реальному положению вещей, сложившемуся в современной науке, то сразу же бросается в глаза его радикальное отличие от декартовского проекта: современное научное знание, представляющее в виде многочисленных конкретных наук, в различной степени между собою связанных, не мыслит метафизику в качестве своего корня. Конкретные науки вроде бы не испытывают в этом никакой нужды, пытаясь добыть собственные мировоззренческие предпосылки напрямую из предмета своего изучения в основном методом экстраполяции.

Попытка возрождения в измененном виде прежнего картезианского подхода для нахождения общей основы для философии и конкретных наук была предпринята в XX в. феноменологией Э. Гуссерля. Его система универсальной феноменологии ставила задачей выявление общей априорной формы возможного мира научности вообще через разработку «изначальных понятий», которым, по мысли Гуссерля, надлежало стать «основными понятиями всех наук». Эта позиция никак не могла служить мостом между философией и современными конкретными науками, причем не столько из-за своей формальной утопичности, сколько опять-таки в силу методо-

логической проблематичности для современной технической науки и ее представителей, далеких от феноменологической методологии.

Сегодня мы, возможно, становимся свидетелями новой научной революции, резкого ускорения исследовательских процессов в науке, связанного с переходом общества на качественно новый постиндустриальный, или информационный, уровень развития. Широкое применение компьютерной техники, начиная с последнего десятилетия XX в., повсеместное распространение новых технологий поставили на повестку дня вопросы о роли и перспективах науки в современной цивилизации. Процессы определения приоритетных направлений научных исследований, усиления междисциплинарного научного сотрудничества, создания новых институтов и организации взаимодействия ученых разных стран формируют то теоретическое, технологическое и социальное пространство, в котором живет и развивается наука.

В условиях технократически организованной глобальной культуры научные исследования подвергаются возрастающему контролю со стороны экономических элит, поскольку требуют все больших финансовых вложений, прежде всего, в высокотехнологичные отрасли, что порождает проблему соотношения фундаментальных и прикладных исследований, их значения для будущего самой науки. Ощущается огромная потребность в специалистах, которые отвечают повышенным требованиям и технологическим вызовам современности. Будущее мировой экономики связывают с созданием новых высокотехнологичных рабочих мест. Этим объясняются непрерывные реформы в образовательных системах ведущих промышленно развитых стран мира – России, США, Китая, Великобритании и Франции.

Наука, являясь существенной частью общественной жизни, не может не быть затронута коммерциализацией и усилением господства, выражаясь языком Ж.-Ф. Лиотара, экономического жанра дискурса в современных обществах. То же можно сказать и о дискурсивных практиках современной науки, как технической, так и социально-гуманитарной. Требования повышенной эффективности научной и образовательной деятельности ставят ученых в совершенно новые условия работы и у нас в стране, и за рубежом. Достаточно упомянуть события последних лет – реформу Академии наук в России, преобразования в системе образования и оценке эффективности научных разработок во Франции и Великобритании.

Культурная сфера жизни современных стран активно связана с внедрением новых информа-

ционных технологий в такие традиционные ее сферы, как образовательные учреждения, музеи, библиотеки, кинематограф и музыкальная индустрия. Доступ к источникам информации по всему миру, активные коммуникационные обмены между учеными разных стран переводят науку в состояние «коммуникативного экстаза» (Ж. Бодрийяр), что означает существование в условиях постоянно возрастающей динамики всех видов и форм научной деятельности.

Однако этот процесс несет с собой риск технократической подмены понятия научно-технического прогресса, когда формально технократический подход одерживает победу над подходом содержательно-технологическим. В терминах бодрийяровского анализа он «экзальтирует знаки на базе отрицания вещей, реальности» [2, с. 148]. В результате можно говорить об угрозе господства формы над содержанием в современном понимании и организации научной деятельности со стороны различных общественных институтов. При чисто технократическом подходе к науке и образованию утрачивается понимание сущности и значения процессов, происходящих в этих областях внутри бесконечного обмена знаками между разного рода контрольно-бюрократическими инстанциями. Этот коммуникативный экстаз постмодернистской технократии приводит к вполне предсказуемому итогу, когда наукообразный формализм, говоря словами того же Бодрийяра, принимает свою «экстатическую форму, где он, уже не нуждаясь даже в объекте, бесконечно вращается вокруг самого себя, чтобы, в конце концов, исчезнуть в этом вращении» [3, с. 13].

В этом процессе стирается всякое различие между формой и содержанием научной деятельности, между реальностью и ее знаковой симуляцией. Лучшей аллегорией для выражения этого процесса Бодрийяр считает один из рассказов Борхеса, где речь идет о том, как картографы некоей империи колоссальными усилиями составили детальнейшую карту ее территории. Но закат империи не только сделал напрасным труд картографов, но и привел к забвению карты, которая, будучи никому не нужной, понемногу, как и сама империя, стала добычей песков.

Бодрийяр перетолковывает эту историю в духе технократической современности, где «симуляция носит отнюдь не территориальный характер и, не обладая бытием референта (*d'un être référentiel*), не обладает никакой субстанцией. Она вовсе не является воспроизведением реального, но, скорее, реального без реальности: гиперреального. Территория теперь вовсе не предшествует карте и не служит ей образцом.

Ибо отныне карта предшествует территории, и это – предшествование симулякров» [4, с. 10].

Жажда тотального технократического контроля над наукой и технологиями приводит к обратному результату и оборачивается галлюцинациями царства деталей, пунктов и параграфов, в которых любой научно осмысленный дискурс теряет смысл. Борьба с подобными технократическими тенденциями ведется во многих странах и является одним из ведущих условий развития современной науки. Например, чрезмерно запрограммированные системы образования и науки Франции и Германии стараются перенять опыт гораздо более свободной от бюрократических ограничений англо-саксонской системы, которая сама существует в значительной степени технократизированном пространстве.

Для иллюстрации двух возможных подходов к пониманию организации научных исследований, технократического и технологического, обратимся к концепциям ведущих представителей философии науки И. Лакатоса и П. Фейерабенда.

Концепция Лакатоса ставит в центр своего внимания развитие и конкуренцию научно-исследовательских программ, призванных, по его мнению, сменить громоздкие и устаревшие научные теории в качестве стержневого элемента организации исследовательской деятельности. Теоретический уровень научного познания осуществляется внутри научно-исследовательских программ. Теории обретают свое значение только в свете целей и задач этих программ. Однако здесь возникает вопрос о самом понятии научной программы, вернее, о тех основаниях, на которых строятся программы научных исследований в социализированном, т.е. связанном с общественными ожиданиями (ожиданиями политиков, экономистов, массмедиа – кого угодно, кроме самих ученых) мире современной науки. Программа означает программирование научной деятельности через поэтапный контроль над ее осуществлением, иначе это не программа. При свойственном современному обществу тяготении к технократической унификации всего и вся это может оборачиваться сужением теоретического анализа проблем и утратой связи между фундаментальными и прикладными исследованиями, ограничением свободы научного поиска. К достоинствам этого подхода можно отнести наличие четких критериев оценки результативности труда ученых, хотя сама эта результативность действует в основном на уровне второстепенных прикладных детализаций. Реализация уже имеющихся программ вовсе не подразумевает незапрограммированных открытий, к тому же научная легитимация программ происходит,

как правило, задним числом, что признается и самим Лакатосом в понятии рациональной реконструкции.

Технократическому видению программируемого будущего науки Лакатосом П. Фейерабенд противопоставил свою концепцию «теоретического реализма». Для Фейерабенда он состоит в том, что наше восприятие реальности в науке уже детерминировано фундаментальными теориями. Исследователь всегда смотрит на мир сквозь призму какой-либо теории. Это означает, что в науке не существует «чистого» эмпирического опыта, любой эмпирический опыт уже опирается (явно или скрыто) на какую-то теорию. Не существует и научных фактов, которые бы не зависели от научных теорий. Любой факт становится фактом, только когда он уже интерпретирован в качестве факта научной теорией. Соответственно, язык наблюдений зависит от теоретического языка.

Фейерабенд предлагает свою концепцию развития и роста научного знания, которое возрастает благодаря пролиферации (размножению) теорий. Эти теории являются несоизмеримыми, так как используют различные понятия, методы и мало связаны друг с другом. Фейерабенд трактует сам процесс познания не как постепенное приближение к истине, но как все возрастающий океан малосовместимых альтернатив. Поэтому существует множество равноправных типов знания, которые делают невозможным наличие общей, единой теории познания. Ученый в своей деятельности руководствуется принципом пролиферации или свободного распространения теорий, согласно которому в технологически ориентированной науке «допустимо все». Ученый вправе выдвигать любые гипотезы и теории, и если они плодотворны – хорошо, а если бесполезны или даже ошибочны, то борьба с этими теориями также способствует росту научного знания и внутреннему прогрессу науки.

Подобный технологический подход, сохраняющий постоянное внимание к фундаментальным основаниям науки, позволяющий видеть факты только в свете теории, хорошо коррелирует с некоторыми фактами истории науки, в частности, с созданием теории относительности и квантовой механики. Так, В. Гейзенберг в воспоминаниях о Н. Боре, относящихся к 1922–1927 гг., т.е. к периоду создания квантовой механики, рассказывает, что именно «беседы о физических и философских основаниях атомной теории» позволили им перейти уже на вторую ступень анализа, ступень прикладного физического уточнения и математизации [5, с. 47].

Оппозиция технологического и технократического подходов представляется нам опре-

деляющей как для понимания роли и значения процессов, происходящих в рамках взаимодействия науки и современного общества, так и для решения основных исследовательских задач, стоящих перед наукой и связанной с ней системой образования. Поскольку ни один из этих двух подходов не может быть полностью исключен из современного бытия науки в качестве социального института, то в ближайшие десятилетия возможны, на наш взгляд, лишь два основных варианта развития событий. Либо наука становится более технократической за счет усиления бюрократических процедур программирования и контроля результатов и, как следствие, ослабления своей исследовательской и технологической эффективности, либо она возвращается из плена технократических иллюзий в технологическое измерение исследовательской деятельности. Последнее возможно только через непрограммируемое, а значит и неподвластное полному технократическому контролю (когда технократизм распространяется исключительно на создание формальных условий для научного творчества) переосмысление получаемых наукой результатов в свете содержательного подхода фундаментальных научных и философских теорий.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Время и бытие* : статьи и выступления. М., 1993. С. 221–238.
2. Baudrillard J. *La société de consommation*. P., 1991. 318 p.
3. Baudrillard J. *Les stratégies fatales*. P., 1983. 273 p.
4. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. P., 1981. 236 p.
5. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. 368 с.

Science as a Social Institute in the Space of Technocratic Civilization: Problems and Perspectives

V. G. Kosykhin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: Kosyhinvg@rambler.ru

The article examines the problems of emergence and development of science as a social institution in the space of technocratic civilization. The alternative of two possible approaches – technological and technocratic – is shown. The essential unity of the sciences and humanities that is based on the community of technocratic organization is demonstrated. The problem of the influence of the global economy and the process of internationalization of research institutes for modern reform of educational systems in leading scientific countries is raised. The necessity to develop new strategies of interaction between science and society is emphasized. The analysis of the condition of scientific knowledge from phenomenological and postmodern perspectives is given.
Key words: science, technics, thinking, technology, technocracy.

References

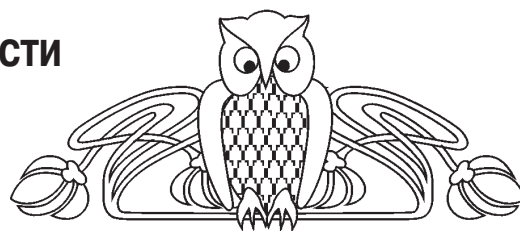
1. Heidegger M. Die Frage nach der Technik. *Die Künste im technischen Zeitalter*. München, 1954. S. 70–108. (Russ. ed.: Khaydegger M. Vopros o tehnike. *Vremya i bytiye: statyi i vystupleniya*. Moscow, 1993, pp. 221–238).
2. Baudrillard J. *La société de consommation* (The Consumer society). Paris, 1991. 318 p.
3. Baudrillard J. *Les stratégies fatales* (Fatal strategies). Paris, 1983. 273 p.
4. Baudrillard J. *Simulacres et simulation* (Simulacra and simulation). Paris, 1981. 236 p.
5. Heisenberg W. *Schritte über Grenzen*. München, 1973. 313 S. (Geizenberg V. *Shagi za gorizont*. Moscow, 1987. 368 p.).

УДК 167

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Листвина Евгения Викторовна –

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, Саратовский государственный университет
E-mail: listvamer@yandex.ru

В статье выявляются характерные черты социокультурной трансформации России последних двух десятилетий посредством анализа ее архетипических основ (поиск ключевого события, столкновение архетипов, маргинализация культурных ориентиров). Обозначенные существенные вопросы могут быть решены в рамках актуальной социокультурной ситуации, то есть ситуации, которая находится в центре изучения или переживания обществом или личностью и обусловлена сконцентрированной в ней доминантными потоками, определяющими социокультурное развитие изучаемого исторического отрезка. Также в статье предложены способы их решения (определение приоритетов государственной культурной политики, поиск ценностного консенсуса, формирование объединяющих духовных оснований отечественной культуры).

Ключевые слова: современная социокультурная ситуация, культурное событие, культурные ориентиры, архетип.

Прежде чем обратиться к весьма актуальной проблеме, занимающей сегодня исследователей современной отечественной культуры, необходимо дать определение социокультурной ситуации как той сферы, в которой мы все находимся и конструируем свое социокультурное бытие. Социокультурную ситуацию можно определить как «совокупность условий и обстоятельств, структурирующих социальное пространство с точки зрения культурного приоритета и развивающихся во времени культурную доминанту процесса общественного развития на личностном, групповом уровнях и уровне социума» [1, с. 11]. Также становится необходимым выявить понятие ориентира, под которым в данной статье понимается направленность научной, общественной деятельности, определение индивидом своего положения в пространстве, в данном случае мы можем сказать, в пространстве культуры.

Все эти вопросы можно решить в рамках актуальной социокультурной ситуации, т.е. такой, которая находится в центре изучения или переживания обществом или личностью и обусловлена сконцентрированными в ней доминантными потоками, определяющими социокультурное развитие изучаемого отрезка. Выявление культурных ориентиров в данном случае – необходимая, насущная потребность социума, который нуждается в определении трендов своего движения и ищет правильную опору в культурных, ментальных основаниях, что отмечается в проекте «Основ государственной культурной политики» 2014 г. [2].

Рассмотрим специфические черты, характеризующие современную российскую социокультурную ситуацию, опираясь на ее архетипические основы. Думается, что архетип как исходное положение, как ядро культуры может служить «культурной универсалией, сопрягающейся с представлением о предельных основаниях культуры, используемой для обозначения базовых и наиболее устойчивых ее первоэлементов, уникальным основанием той или иной локальной культуры; алгоритмом мироустройства, выступающим в качестве системообразующего фактора», создающим единое социокультурное пространство, в котором разворачивается жизнь общества [3].

Если говорить об особенностях русского архетипа, то можно назвать его первой потребностью центральное событие. Именно вокруг него собирается русская культура, строятся ментальные схемы, организуется национальное самосознание, возникает смысл личностного и

социального бытия и их нормальное для личности соотношение. Как справедливо отметил А. И. Чернокозов, русская культура нуждается в центральном событии, которое упорядочивало бы событие индивидуальное и событие космоса [4, с. 235].

Поиск события – так можно охарактеризовать культурное состояние России. Именно этот поиск и оформление в национальном сознании делает возможным построение вокруг него системы ценностей, равновесие в культурном, социальном, глобальном планах. Во многом мы ищем событие в хайдеггеровском понимании, когда стремимся ощутить в нем мощнейший ориентир-аттрактор: «...как сможет достичь нас какое-то путеводительство, если не высветится Событие, которое, призывая, требуя человека, озарит его существо, даст ему сбыться и в этом о-существлении выведет смертных на путь мыслящего, поэтического обитания на земле?» [5, с. 192]. Событие сопричастности, событие, развертывающееся во всей своей мощной и величественной красоте, событие, адекватное самоощущению социума, – вот тот ориентир, который сейчас становится преобладающим, главным в культурном поиске российского общества, при котором необходимо решение вопроса консолидации общества, преодоление ценностной аномии.

Не менее важным положением при характеристике современной социокультурной ситуации в России становится смена ценностей, которую мы переживали на протяжении XX в. С одной стороны, XX в. обозначил приоритет рационалистических ценностей, но при опоре на конкретное событие они смогли дать практический результат как в области культуры, так и в других областях. Духовная же жизнь в последние десятилетия не имела единого начала, и поиск ее идеалов был сведен к личностным экспериментам при максимальных возможностях экспериментирования с различными учениями, течениями и трендами, причем с позиций акцентированного глобализма, снятия культурных границ. Это обусловило неустойчивость таких процессов внутри современной русской культуры.

В результате, происходит столкновение архетипов, которое является характерной чертой современной российской социокультурной ситуации и наиболее болезненным ее аспектом. В нашей стране столкновение архетипов различных уровней четко обозначено и выражено. И от него зависит будущее страны в целом. На наш взгляд, это не преувеличение, а констатация факта. То, что изо дня в день произносится, внедряется, выплескивается средствами массовой информации, не только становится рекламой

чужого образа жизни, но и затрагивает наше подсознание, наши архетипическое, символическое поля. А в последние два десятилетия те глубинные, ментальные основы, схемы и приоритеты, которые воспитывают человека на национальной социокультурной базе, подвергались размыванию, если так можно выразиться, на клеточном уровне. Социум раздробился на своеобразные ниши – различных групп и слоев, которые могут существовать замкнуто, параллельно и (или) оторванно друг от друга, каждый со своими ценностями. В последнее десятилетие это усугубилось наличием сетевых сообществ, оказывающих глубокое воздействие на ценностные ориентиры, в первую очередь, молодежи. Некоторые исследователи сделали попытки проанализировать ценностные ориентиры поколения 20–25-летних, но это лишь первые шаги, не дающие полного среза аксиологической ситуации [6]. В связи с этим сложно сказать, сохранилось ли единое социокультурное поле отечественной культуры. Однако мы можем констатировать факт, что представители различных поколений в последнее время все чаще выказывают потребность в сплавивающих ценностных ориентирах, но испытывают сложность в определении того, что может их безоговорочно, безусловно объединить.

Не менее важным аспектом столкновения архетипов явилось выхолащивание их глубинного значения при активном внешнем использовании. Это то, что называется, по А. С. Ахизеру, эффектом «псевдо», рекламная лубочная выставка символик, некий перетасованный архетипический симулякр без внутреннего содержания, которое новым поколениям недоступно, практически полностью утеряно и, главное, невостребованно. Средства массовой информации, реклама, кинематограф, фэнтезийная литература с элементами эскапизма – все они использовали архетипическую структуру культуры в своих целях, не заботясь о целостности и сохранении архетипов и не думая об их хрупкости. Архетип оказался на поверхности – в силу реализации коммерческого интереса, но это же стало наиболее опасным как непосредственным для него, так и для носителей культуры, которые теряют его глубинное значение при постоянном использовании без сакрального смысла.

В современном состоянии социокультурной среды России можно отметить и пространственно-временные особенности: наблюдается изменение культурного пространства – его сужение и в прямом смысле, когда территория государства уменьшилась, исчезли целые культурные регионы и нарушилась многолетняя социокультурная структура, и в переносном – пространство также

раздробилось: можно отметить преобладание культуры регионов, часто созданных не на основе культурной традиции, а по политико-административному принципу. Существует разбалансированность временных параметров: все большее дробление на короткие временные отрезки. Если ранее таковыми были, например, допетровское и петровское времена, дореформенная и пореформенная Россия в XIX в., то в XX в. разрывы более мощные и в то же время очень короткие. Это создает сложность в восприятии и усиливает противоречия между поколениями.

В результате вхождения России в последние два десятилетия в общемировую культуру без «железного занавеса» отсутствует дозированность культурной информации, что приводит к нивелировке как приобщению к неопределенным «мировым ценностям», внедрению и закреплению в нашем сознании чужих образов и архетипов или использованию внешнего архетипического образа, без внутреннего содержания, его пустой оболочкой.

Как в такой ситуации можно определить характерные черты направления и развития культурных ориентиров? В числе первых следует назвать доминирующее положение индивидуального культурного ориентира, его выстраивание. Советское время имело одну особенность: оно давало официальные ориентиры. Это были директивные ориентиры – со знаком плюс либо со знаком минус, и такое положение вещей обеспечивало легкость в восприятии мира, социокультурной ситуации, а также себя как личности в многообразии происходящих событий. Целые поколения или социальные группы жили не особо задумываясь над глубинными социокультурными процессами и принимая то, что предложено в качестве единственно ориентира, используя его для заполнения социокультурного вакуума.

Теперь же социокультурная ситуация поставила нас перед фактом неизбежного личностного определения ценностной шкалы, внутреннего личностного определения ориентиров и самостоятельного следования им. В этом случае увеличиваются возможности личностной идентификации, когда индивид внешне не ограничен жесткими рамками социальных групп. Но такое явление так же, как и рассмотренное выше, обладает двойственностью. Человек не может до конца освободиться от влияния социокультурных ориентиров, сформированных воспитанием, социальной средой, политическими или иными пристрастиями, с одной стороны. С другой стороны, личность оказывается освобожденной от каких-либо направляющих вспомогательных путей, которые ранее предлагало общество, что

создает у нее глубокое внутреннее культурное и психологическое напряжение.

Также происходила маргинализация культурных ориентиров, поскольку большинство населения России в последние годы либо ощущало себя выброшенным из привычных рамок и социокультурных ниш, либо создавало в первых поколениях новые элементы своего культурного поля. Таким образом, это большинство являло собой все признаки маргинальности: всеядность, некритическое отношение к артефактам иной культуры, в некоторых социокультурных группах внешне акцентированное отрицание своих культурных ценностей и пр. Отсюда вытекает своеобразно выраженное стремление к элитарной культуре в разных вариантах – или той, как ее понимала каждая социокультурная группа в советское время (что касается старших поколений), или той, как ее понимают современные молодежные субкультуры. Вместе с тем это стремление отражает практически неосознанное приобщение к массовой культуре, в большей степени к ее мертвой ипостаси (мы следуем за Р. Хогартом, делившим массовую культуру на живую, т.е. не заслоняющую гуманистического смысла и творческого постижения мира, и мертвую – коммерциализированную, манипулирующую людьми). На наш взгляд, это также связано с изменением архетипической сущности многих культурных явлений и процессов, поскольку часто мы стремимся к уже изжитым, выхолощенным ориентирам, потерявшим свой первоначальный глубинный смысл.

Сложности культурного ориентира в его калейдоскопичности, что можно назвать следствием предыдущей черты: наблюдается «все во всем», в котором индивид увязает, не находя ценностной социокультурной опоры. Довольно долгое время культурные ориентиры не требовали от человека принятия жесткого решения, что создавало хаотичную ценностную среду. С одной стороны, это было свободное и гибкое движение, а с другой – отсутствие ориентационного (пусть даже субъективного) центра, необходимого каждому. В конечном итоге, такое состояние констатирует общие трудности в создании внутреннего центра личностной культурной ориентации. Клиповое сознание, о котором много говорят в последнее время, отражает отсутствие выстроенной внутренней шкалы, субъективную временную и понятийную чехарду, существующую в сознании отдельного человека.

Вышеизложенное приводит к невозможности или сложности для индивида определения, обозначения собственной культурной потребности. Это, в первую очередь, отмечается на

внутреннем уровне и характеризуется пассивным движением за предлагаемым, сознательным следованием за модой, отбрасыванием внутренне своего, неумением его отличить и заметить. Отсюда и обозначенная нами трудность в определении главного события, без которого невозможно для России дальнейшее культурное движение.

Необходимо отметить сложный для нашей страны момент изменения ориентира с духовного на откровенно материальный аспект, который признавался доминирующим в 1990-е – начале 2000-х гг. С одной стороны, это считалось привлекательным и удачно ложилось на штамповую формулировку 60–70-х гг. XX в. о «повышении жизненного уровня и удовлетворении растущих потребностей трудящихся». С другой же – это лишение привычного состояния русского человека с его глубинной потребностью в духовном. Да и само определение духовного претерпело серьезные изменения, особенно в насаждаемой социокультурной установке «если ты такой умный, то почему ты такой бедный?». В этом положении сконцентрирована вся культурная проблема современного русского человека, так как в его понимании бедность и ум, интеллектуальное развитие всегда состояли в иных отношениях и пропорциях. Это неразрешимое противоречие приводило к определенному «зашкаливанию», внутреннему интеллектуальному и, главное, моральному, этическому срыву.

В изложенных выше наблюдениях, на наш взгляд, своеобразно проявляется российское тяготение к абсолютному: мы по привычке начали абсолютно, некритично принимать предлагаемые нам ценности и ориентиры. Это усугубляло и без того сложное социокультурное состояние России конца XX в. В результате оценки такого положения общества необходимо определить особые духовные скрепы социума. М. Мчедлова отмечает, что «духовные скрепы – это очень широкое понятие, которое может быть использовано как определенный понятийный инструментарий, <...> который может вполне эффективно определять ценностные основания общества для достижения ценностного консенсуса» как источника устойчивости общества [7].

Рассматривая в данной работе особенности изменения культурных ориентиров современной России, мы не претендуем на быстрое и однозначное разрешение этих проблем. Но, думается, что, выделяя ряд серьезных социокультурных проблем, акцентируя и заостряя на них общественное внимание, мы можем выработать определенные социокультурные стратегии по их преодолению, потребность в которых зафиксирована в проекте «Основ государственной культурной

политики». В этом документе обозначены значение и роль государства в формировании социокультурных ориентиров с признанием и учетом большого потенциала культуры и способов его использования: «...государственная культурная политика исходит из понимания важнейшей общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности. Знание своей культуры и участие в культурной деятельности закладывают в человеке базовые нравственные ориентиры: уважение к истории и традициям, духовным основам наших народов и позволяют раскрыть таланты, дарования и способности каждого человека» [2]. Таким образом, определяя ключевые направления развития общегосударственной культурной политики в современной социокультурной ситуации, мы признаем важную роль культуры в формировании устойчивости социума и отмечаем поворот социума к осознанному культурному строительству, без которого невозможно личностное и социальное самосознание.

Список литературы

1. Листвина Е. В. Социокультурная ситуация : опыт исследования. Саратов, 2008. 82 с.
2. Проект «Основы государственной культурной политики». URL: <http://mkrf.ru/open-ministry/public-discussions/proekt-osnov-gosudarstvennoj-kulturnoj-politiki> (дата обращения: 23.11.2014).
3. Колчанова Е. А. «Архетип» как категория философии культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тюмень, 2006. URL: <http://cheloveknauka.com/arhetip-kak-kategoriya-filosofii-cultury#ixzz3J3y14jw1> (дата обращения: 14.11.2014).
4. Чернокозов А. И. История мировой культуры. Ростов н/Д, 1997. 295 с.
5. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. М., 1993. С. 177–192.
6. Шепелин И. Как куются духовные скрепы. URL: http://slon.ru/russia/kak_kuyutsya_dukhovnye_skrepy-1012408.xhtml (дата обращения: 14.11.2014).
7. Табачников Е. Поколение «Я», или Мы выросли в 2000-е, если...// Поколение «Я». Эссе и стили. М., 2011. С. 38–133.

Social and Cultural Situation and Cultural Landmarks of Modernity

E. V. Listvina

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: listvamer@yandex.ru

The characteristic features of Russia's sociocultural transformation during the last two decades are determined in this article due to the analysis of its archetypical bases such as the search of a key event, the collision of archetypes, the marginalization of cultural reference points. The pointed vital issues can be resolved within an actual sociocultural situation, that is the situation which is in the center of studying or experience by society or the personality. This sociocultural situation is caused by the dominant streams concentrated in it which defining the sociocultural development of the researching historical period. Also in the article the ways of their solutions are proposed, these are the definition of priorities of the state cultural policy, the search of valuable consensus, the formation of the uniting spiritual bases of native culture.

Keywords: contemporary social and cultural situation, cultural event, cultural landmarks, archetype.

References

1. Listvina E. V. *Sotsiokulturnaya situatsiya: opyt issledovaniya* (Socio-cultural situation: experience of research). Saratov, 2008. 82 p.
2. *Proekt «Osnovy gosudarstvennoy kulturnoy politiki»* (Project «Bases of state cultural policy»). Available at: <http://mkrf.ru/open-ministry/public-discussions/proekt-osnov-gosudarstvennoj-kulturnoj-politiki> (accessed 23 November 2014).
3. Kolchanova E. A. *«Arkhetip» kak kategoriya filosofii kultury: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk* («Archetype» as a category of philosophy of culture: abstract dis. cand. a philosopher sciences). Tyumen, 2006. Available at: <http://cheloveknauka.com/arkhetip-kak-kategoriya-filosofii-sultury#ixzz3J3yI4jw1> (accessed 14 November 2014).
4. Chernokozov A. I. *Istoriya mirovoy kultury* (The history of the world's culture). Rostov-on-Don, 1997. 295 p.
5. Khaydegger M. *Preodolenie metafiziki* (The overcoming of metaphysics). Khaydegger M. *Vremya i bytie: stati i vystupleniya*. Moscow, 1993, pp.177–192.
6. Shepelin I. *Kak kuyutsya dukhovnye skrepy* (As forged spiritual braces). Available at: http://slon.ru/russia/kak_kuyutsya_dukhovnye_skrepy-1012408.xhtml (accessed 14 November 2014).
7. Tabachnikov E. *Pokolenie «Ya», ili My vyrosli v 2000-e, esli... (Generation «I», or we grew up in 2000s, if...)*. *Pokolenie «Ya». Esse i stili*. M., 2011, pp. 38–133.

УДК 111.1+101.2+929 Ларюэль

ОТ ПОСТМЕТАФИЗИКИ К ПОСТФИЛОСОФИИ: Ф. ЛАРЮЭЛЬ

Малкина Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет
E-mail: MalkinaSM@rambler.ru

В статье осуществляется критическое рассмотрение проекта не-философии Ф. Ларюэля как попытки воплощения мысли М. Хайдеггера о «преодолении метафизики». Данный мыслитель пытается уйти от бесконечной рефлексивности философского дискурса, вернуться от интерпретации к реальному. Рассматриваются понятие «философского решения», принцип «односторонней дуальности», задачи не-философии. Делается вывод о поиске косвенных стратегий развития философии, необходимости постановки вопроса об основаниях философского мышления в проекте не-философии, а также о таких ее чертах, как отказ от каких-либо норм, условность терминологии.

Ключевые слова: постметафизическое мышление, не-философия, Ларюэль, реальное, философское решение.

«Одну из самых интересных попыток в современной философии предпринял Франсуа Ларюэль: он обращается к некоторой Всецелости, которую характеризует как «нефилософскую» и, странным образом, «научную» и в которой коренится «философское решение»» [1, с. 56], – так характеризуют в своей работе «Что такое философия?» Ж. Делез и Ф. Гваттари проект Франсуа Ларюэля (р. 1937), французского философа, руководителя Международной не-философской ор-

ганизации, творчество которого в России только начинает исследоваться (см., в частности, работы С. С. Хоружего [2] и Л. А. Гоготишвили [3]). Как и многие философы пост-современности, Ларюэль пытается задать вопрос о сущности философии из ее философского «не-места» – такой философской «утопией» для него выступает его собственный проект не-философии. Если Ж. Деррида ставит вопрос о философском праве [4], то Ларюэль, скорее, пытается быть «еретиком» по отношению к философским нормам и традиционной правовой сфере, пытаясь поставить под вопрос саму нормативность философии.

Ларюэля также можно отнести к представителям постметафизического мышления, но с одной оговоркой: «Это, если угодно, следующая фаза европейского философского процесса, вслед за длительным этапом «преодоления метафизики» <...> «преодоление метафизики», кульминировав в бурной интерлюдии постмодернизма, в наши дни существенно углубилось, радикализовалось – и переросло в «преодоление философии»» [2, с. 108]. Ларюэль стремится

найти территорию мышления, которая уже не принадлежала бы философской нормативности, пытаюсь придать новый импульс утверждению Хайдеггера, заявившего в «Письме о гуманизме» о том, что «Будущая мысль уже не философия, потому что она мыслит ближе к истокам, чем метафизика» [5, с. 220].

Если для Ж. Деррида философию не следует понимать как одну дисциплину среди многих, поскольку «любое мышление <...> является философским» [6, с. 22] и невозможно «покинуть философию», выбрав какой-либо «не-философский дискурс» [7, с. 10], то Ларюэль как раз и предпринимает попытку выйти за пределы философии в зону «не-философии».

Франсуа Ларюэль продолжает развивать интенции деструкции М. Хайдеггера, деконструкции Ж. Деррида, идеи «ослабленного мышления» Дж. Ваттимо, математизации онтологии А. Бадью, «распри» дискурсов Ф. Лиотара и философии концептов Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Одна из основных интенций его философии – не содержательная инновация, а структурное обновление философии, поиск новых стратегий философствования, нового способа мышления и модусов существования философии. Не-философия – «наука о философии и особая технология обращения с ней» [8, с. 99], она «разрабатывает технологию, способную иметь дело с материальной предметностью концептов» [8, с. 100]. Радикальность его поисков выражена в названии его проекта – «не-философия», что означает не отрицание философии, а, скорее, философствование «на полях», на пределе философии, «концептуальное изобретение далеко за пределами философской новизны» [9, с. 24–25].

Выход «на поля» философии осуществляется Ларюэлем за счет своеобразного трансцендентального жеста, выявляющего условия возможности философского мышления и пытающегося сместить их в сторону новых горизонтов: «“Не” в выражении “не-философия” должно пониматься как аналогичное “не” в выражении “неевклидова” геометрия: не отрицание или опровержение философии, но приостановка специфической структуры (философский эквивалент пятой аксиомы Евклида о параллельных прямых), которую Ларюэль рассматривает как конститутивную в традиционной философской практике» [9, р. 25]. В этом смысле не-философия пытается не столько выявить «основание основания», сколько ускользнуть от этого базового философского аксиоматического конструирования, поскольку философскими средствами проинтерпретировать эти аксиомы не представляется возможным (так как мы снова и снова будем вынуждены строить

философские конструкции). Вследствие «не-философского эпохэ», приостановки действия философских аксиом Ларюэль пытается выявить новые возможности самой философии.

В основании каждой философии, утверждает Ларюэль, лежит некое *решение*, которое она принимает догматически и которое заставляет ее делить мир, рассматривая сквозь призму бинарных оппозиций. Поскольку для философии подобный путь логоцентризма, с точки зрения Ларюэля, является неизбежным, то он планирует выявлять эти основания через не-философию.

Преодоление бинарных оппозиций, лежащих в основании любой философии, Ларюэль предлагает осуществить через так называемый принцип «односторонней дуальности» (*la dualité unilatérale*), который должен расширить сферу философии, обеспечив синтез нефилософскими средствами. Этот синтез не должен быть ни диалектическим (в любом из вариантов диалектики), ни философским вообще.

Философское решение не может быть философски теоретизировано не из-за недостатка рефлексивности, а именно из-за нее: рефлексивность не может схватить решение, выбор, лежащие в ее основе, поскольку сама суть рефлексивности состоит в зеркальности, удвоении, поэтому она может лишь быть «удвоением в квадрате», а не возвращением к единству. На этом основании Ларюэль категорически возражает, чтобы его проект считали очередной метафилософией, ведь метафилософия – это философия философии, рефлексия рефлексии, а именно рефлексивность Ларюэль и пытается «вынести за скобки».

«Решение» состоит в расщеплении на обусловленное данное (*datum*) и априорные условия данности (*factum*), которые одновременно объединяют и разъединяют базовую дихотомию, лежащую в основании какой-либо философии (например, синтез, разъединяющий и объединяющий эмпирическое и трансцендентальное у Канта, и т.п.). При этом *datum* и *factum* связаны друг с другом как лента Мебиуса, одновременно отсылая друг к другу, но и порождая в этой же отсылке различие. «В определенном смысле структура решения является круговой в том, что она уже предполагает себя в любом феномене или группе феноменов, которые она артикулирует. Отсюда подозрение, что философия пытается все интерпретировать, ничего не объясняя, потому что структура *эксплананса*, решение, уже предполагается в *экспланандуме*, феномене или феноменах, подлежащих объяснению» [9, с. 26]. Именно это и составляет условие абсолютной спекулятивности философии, когда можно от-рефлексировать все что угодно – главное при-

вести в движение это «изначальное решение»: таким образом, мир остается зеркалом философии, обращение к миру является предлогом для самоинтерпретации философии (отсюда и склонность философии к метафилософским поискам собственной сущности).

Эта бесконечная рефлексивность, по Ларюэлю, обесмысливает философский дискурс, делая его неспособным понять реальное: «Замкнутость философии, как внутри самой себя, так и внутри собственной унитарной или полемологической множественности вынуждает ее разворачивать себя в качестве предположительно неисчерпаемого, но принципиально дефицитного ресурса. Налицо скудость решения, что является следствием ее единства или заикленности, ее самореферентности или самодостаточности: все разнообразные философии в качестве своего уникального достижения разными путями выводят двойственность из единства, неделимого самого по себе, и эта скудость тождественна войне, которую они ведут между собой» [10, с. 106].

Те или иные философии представляют собой лишь различные интерпретации, несравнимые между собой из-за разницы в обуславливающих их решениях. Поэтому Ларюэль и говорит о своем проекте как своеобразной «науке философии», *mathesis universalis*, исходящей из необходимости зарегистрировать это изначальное решение и не идти по спекулятивному кругу философствования.

Таким образом, Ларюэль выделяет две проблемы «не-философии»: 1) онтологию единого, которую он связывает с проблемой бытия и Другого, никогда их полностью не разъединяя, 2) проблему статуса философии [11, с. 138].

Философия, по Ларюэлю, всегда была зеркалом по отношению к реальному, осуществляясь путем своего спекулятивного обновления. Задача не-философии – восстановление такого единства, когда мысль имманентно, т.е. не спекулятивно, принадлежит сфере реального. Не-философия, по Ларюэлю, выступает как «опыт реального, избегающий ауто-позиционирования, не являющийся кругом реального и кругом мышления <...> Реальное скорее имманентно самому себе, а не форме мысли, “логике”» [12, с. 6], т.е. особенность построения онтологии реального у Ларюэля заключается в различных стратегиях, составляющих не-философию, которые должны позволить избежать рефлексивного удвоения и сохранить чистую имманенцию. Сфера мышления для Ларюэля – это не противопоставляемое бытию сознание, а мышление, принадлежащее той же сфере реального, мышление-бытие. «Когда Ларюэль пишет о своем собственном *mathesis*

universalis, то трансцендентальное у него никогда не означает условий возможности, оно означает имманентную “силу мышления”. Не-философия вообще не претендует на истину. Вместо этого она является мыслью вдоль реального, но не о реальном» [13, с. 136] – и, по мнению Дж. Малларки, именно это воздержание от референтности, эпистемологическая пассивность вдоль реального делает ее наиболее строгой познающей мыслью. Ларюэль мог бы, перефразировав Канта, заявить: «Я ограничил сферу философии, чтобы освободить место для реального».

Проблема, однако, состоит в том, насколько выразимым является такое неспекулятивное мышление реального. Не является ли это просто-напросто возвращением к апофатической трансценденции вместо мышления подлинно имманентного? Действительно, такое реальное, взятое без какой-либо онтологической или рефлексивной оппозиции, одновременно является у Ларюэля абсолютно Другим, как отмечает в одном из интервью 1991 г. «Как Одно» (*En Tant Qu'Un*) сам Ларюэль: «Не-тетическое трансцендентальное – это “Чужой”, абсолютно безликий монстр, безликая чуждость» [14, с. 224].

В отношении второй проблемы – статуса философии – Ларюэль выдвигает две задачи не-философии [8, с. 99]: де-потенциализировать и восполнить философию. С точки зрения Ларюэля, философия не умирает, а, наоборот, как ребенок, ощущает себя всемогущей, поэтому ей надо помочь «повзрослеть» и лишить ее воли к власти, которая может привести лишь к неврозам. Поэтому избавление философии от иллюзий всевластия – это первая задача. Вторая задача – восполнение. Философия мечется между желанием построить очередную всеподавляющую систему и критикой предшествующих систем. Учитывая ее спекулятивную основу, она всегда «при деле», создавая систему и подвергая ее критике. Ларюэль хочет вместо этого «холостого хода» философии «переизобрести ее в качестве самой силы изобретения» [8, с. 99].

В не-философии мы имеем, прежде всего, критическое исследование самолегитимации философии. С точки зрения Ларюэля, бинарное оппозиционирование философии, лежащее в основе ее спекуляции, неуклонно отдаляет ее от реального, заставляя блуждать в мире бесконечных отражений Зазеркалья рефлексии. Поэтому себя он позиционирует как в своем роде философского ниспровергателя, стремящегося подорвать любые философские нормы и сам институт философии как таковой.

Ларюэль не говорит о том, чем философия должна быть или что она должна делать. Не-

философия «использует философию при отсутствии какого-либо философски нагруженного интереса к нормативному определению философии» или, другими словами, «задает философски незаинтересованное, т.е. не-нормативное определение сущности философии» [9, с. 25]. При этом важно отметить, что для не-философии критика философии не должна сама превращаться в жесткую тетическую программу, ибо перестройка философии вовсе не имеет целью построение новой философской системы. Да и сам процесс критики здесь не носит жестко системного характера: показателен неудержимый дрейф самого не-философского проекта Ларюэля, претерпевшего ряд модификаций и представляющего в виде «Философии – I», «Философии – II», «Философии – III», «Философии – IV» и «Философии – V», сохраняющих не очень «твердое ядро» теории, к которой пристраиваются видоизмененные, в соответствии с актуальными тенденциями философии, «защитные пояса».

Как отмечает переводчик и исследователь творчества Ларюэля Р. Брассье, «в отличие от кантовской критики, не-философское подвешивание решения не ведомо нормативным, этико-юридическим телосом» [9, с. 33]. Это означает, что не-философия не имеет какой-либо цели (ведь цель была бы уже захвачена каким-либо философским решением). Но тогда возникает вопрос: а в чем смысл данного проекта? По мысли Ларюэля, однонаправленность решения включает позитивное расширение сферы решения, однако вопрос о результатах данного расширения остается открытым, находясь в состоянии перманентного ожидания новых возможностей.

Понять из самого проекта Ларюэля, в чем конкретно состоит это расширение и какие новые возможности оно открывает, для большинства его читателей и критиков представляется делом крайне сложным или почти невозможным: этот проект выглядит как пустая бесцельная абстракция. Сам Ларюэль против этого ничего не имеет, ведь любая конкретика связала бы его с тем или иным решением, но для других практическое значение данного проекта растворяется в тени его терминологической неясности, когда традиционные понятия философии и науки употребляются в новом (не-философском?) смысле, недоступном для понимания ни для кого, кроме самого автора (поскольку все остальные понимают эти слова по-другому). Примером может служить дискуссия между Деррида и Ларюэлем [15], где Деррида постоянно пытался указать на эту неясность Ларюэлю, требуя уточнять употребляемые понятия.

Впрочем, для самого Ларюэля это вовсе не досадный промах, а скорее, специально достигаемый эффект. Одной из попыток «выстроить философию вдоль реального» оказывается последняя «Не-философия – V», которая рассматривает философию по сути как материальный феномен, в результате чего не-философия превращается в «квантику», насыщаясь (псевдо)физическими терминами («концептуальная гравитация», «матричная сущность», «векторная сущность», «модуль», «фаза» и т.д.). Ларюэль предлагает концептуальный коллаيدر, где намеренно сталкиваются в радикализованной форме концепты из философии и науки. Такое столкновение должно не приводить к присвоению философии наукой или наоборот, но вести к «изобретениям в области мысли» [8, с. 100]. Поэтому Ларюэль и не стремится к точности философских и научных понятий – он заранее покидает обе эти территории.

В своем проекте Ларюэль пытается осуществить определенный трансцендентальный жест по отношению к философской традиции: не столько вернуться к образцу (реальному или воображаемому), сколько осуществить эпохэ, вынести за скобки то, что он называет «философским решением» и философской рефлексивностью, «зеркальностью», чтобы тем самым установить философски незаинтересованное определение сущности философии, которое Ларюэль называет «не-философским использованием философии». Однако для Деррида подобный жест не выходит за рамки той же традиционной философии: «Наивность состоит в вере, что можно быть наивным – что можно начать с рождения, как будто только что родился <...> Эта декларируемая непосредственность скрывает более глубокую, состоящую в вере, что можно начать, в то время как все уже начато» [7, с. 69]. Деррида в такой наивности упрекает крупнейших трансценденталистов – Канта и Гуссерля, но данный упрек вполне применим и к Ларюэлю.

Чтобы понять суть проекта не-философии, необходимо определить ее место (не философия, а ... что и где?). То, что мы не уходим прочь от философии, становится понятным из того, к чему обращена не-философия и на каком языке она говорит. Как отмечает С. С. Хоружий, не-философия «решает не “научные”, а исключительно философские задачи, точнее даже сказать внутри-философские» [2, с. 106]. А именно: это работа с основаниями самой философии. Но что может быть более близким к метафизике, которая и занимается прежде всего первоначалами, чем вопрос о ее основаниях?

Не случайно метафизика в своем подчеркнутом мета-определении, как отмечает А. Г. Черняков,

может принять форму собственного некро-лога, выступая, скорее, особым жанром, чем смысловым содержанием. Так, когда речь идет о конце философии, не стоит принимать этот разговор буквально, это лишь риторический прием, возвращающий нас к философии же. В этом смысле «философия – текст текстов, живущих собственным умиранием (“действительный только через свое осуществление и свой конец”» [16, с. 26]. Эту же мысль мы можем найти и у Деррида в работе «Об апокалиптическом тоне, принятом недавно в философии» [17], где он отмечает, что любой разговор о конце философии является лишь формой ее интенсификации. В этом смысле, как справедливо замечает С. С. Хоружий, проект Ларюэля не только принадлежит магистральному руслу современного философствования, но, пожалуй, вообще глубоко консервативен и лежит в русле философии *par excellence*.

Именно в этом смысле можно согласиться с Ж. Делезом и Ф. Гваттари: «Каждая дисциплина сама по себе обладает существенным отношением с соответствующим ей “не”. План философии префилософичен, поскольку он рассматривается сам по себе, независимо от заполняющих его концептов; там же, где план сталкивается с хаосом, – там находится не-философия. *Философии нужна понимающая ее не-философия, ей нужно нефилософское понимание, подобно тому как искусству нужно не-искусство, а науке – не-наука.* Им это нужно не как начало или же конец, в котором они призваны исчезнуть, осуществив свое назначение, – нет, они нуждаются в этом в каждый момент своего становления или развития» [1, с. 279].

Таким образом, постметафизические размышления о правах философии и ее основаниях, в конечном счете, представляют собой события мысли, которые, волей или неволей, продолжают философию, открывая новые горизонты и возможности мысли.

Список литературы

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.; СПб., 1998. 288 с.
2. Хоружий С. С. Контексты проекта не-философии // Философия и культура. 2011. № 4. С. 106–110.
3. Гоготшивили Л. А. Имманентное, трансцендентное и дуальное на пятом этапе не-философии Ф. Ларюэля // Философия и культура. 2011. № 4. С. 111–129.
4. Derrida J. Du droit à la philosophie. P., 1990. 662 p.
5. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 192–220.
6. Derrida J. Ethics, institutions, and the right to philosophy. Oxford, 2002. XI + 111 p.

7. Derrida J., Ferraris M. A taste for the secret. Cambridge, 2001. VIII+161 p.
8. Ларюэль Ф. Представление не-философии // Философия и культура. 2011. № 4. С. 99–105.
9. Brassier R. Axiomatic heresy : The non-philosophy of François Laruelle // Radical Philosophy. 2003. Vol. 121. P. 24–35.
10. Laruelle F. Philosophie et Non-Philosophy. Liège ; Bruxelles, 1989. 255 p.
11. Laruelle F. A Summary of Non-Philosophy // Pli: The Warwick Journal of Philosophy. 1999. Vol. 8. P. 138–148.
12. Laruelle F. Principes de la Non-Philosophie. P., 1996. VIII+375 p.
13. Mullarkey J. Post-continental philosophy. An outline. L.; N.Y., 2006. XII + 260 p.
14. Laruelle F. En tant qu'un. La «non-philosophie» expliquée aux philosophes. P., 1991. 256 p.
15. Derrida J., Laruelle F. Controverse sur la possibilité d'une science de la philosophie // La Décision Philosophique. April 1988. № 5. P. 62–76.
16. Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб., 2001. 460 p.
17. Derrida J. D'un ton apocalyptique adopté naguère en philosophie. P., 1983. 98 p.

From Post-metaphysics to Post-philosophy: F. Laruelle

S. M. Malkina

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: MalkinaSM@rambler.ru

In this paper a critical examination of the project of non-philosophy of F. Laruelle as an attempt of realization of Heidegger's thought about «overcoming of metaphysics» is carried out. Laruelle tries to get away from the endless reflexivity of philosophical discourse, to return from the interpretation to the real. The concept of «philosophical decision», the principle of «one-sided duality» and the problems of non-philosophy are discussed. It is concluded that Laruelle's project finds itself in the search of indirect strategies in development of philosophy, raises the question on the bases of philosophical thinking in the project of non-philosophy, having as its essential features the rejection of any traditional norms and the conventionality of terminology.

Key words: post-metaphysical thinking, non-philosophy, Laruelle, the real, philosophical decision.

References

1. Deleuze G., Guattari F. *Qu'est-ce que la philosophie?* Paris, 1991. 206 p. (Рус. ed. : Делез Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* Moscow; St.-Petersburg, 1998. 288 p.).
2. Khoruzhiy S. S. Konteksty proekta ne-filosofii (The context of non-philosophy project). *Filosofiya i kultura* (Philosophy and culture), 2011, no. 4, pp. 106–110.

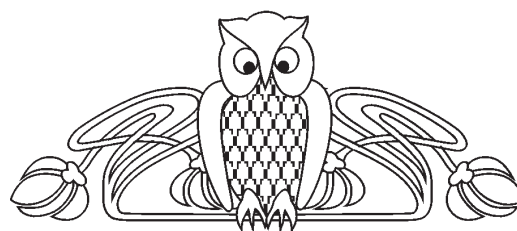
3. Gogotishvili L. A. Immanentnoye, transtsendentnoye i dualnoye na pyatom etape ne-filosofii F. Laryuela (The immanent, transcendental, and the dual on the fifth stage of non-philosophy of F. Laruelle). *Filosofiya i kultura* (Philosophy and culture). 2011, no. 4, pp. 111–129.
4. Derrida J. *Du droit à la philosophie* (On the right to philosophy). Paris, 1990. 662 p.
5. Heidegger M. *Platons Lehre von der Wahrheit. Mit einem Brief über den Humanismus*. Bern, 1947, S. 53–119 (Russ. ed.: Khaydegger M. Pismo o gumanizme. Khaydegger M. *Vremya i bytiye*. Moscow, 1993, pp. 192–220).
6. Derrida J. *Ethics, institutions, and the right to philosophy*. Oxford, 2002. XI + 111 p.
7. Derrida J., Ferraris M. *A taste for the secret*. Cambridge, 2001. VIII + 161 p.
8. Laryuel F. Predstavleniye ne-filosofii (Introduction of non-philosophy). *Filosofiya i kultura* (Philosophy and culture), 2011, no. 4, pp. 99–105.
9. Brassier R. Axiomatic heresy: The non-philosophy of François Laruelle. *Radical Philosophy*, 2003, vol. 121, pp. 24–35.
10. Laruelle F. *Philosophie et Non-Philosophy* (Philosophy and Non-Philosophy). Liège; Bruxelles, 1989. 255 p.
11. Laruelle F. A Summary of Non-Philosophy. *Pli: The Warwick Journal of Philosophy*, 1999, vol. 8, pp. 138–148.
12. Laruelle F. *Prinçipes de la Non-Philosophie* (Principles of Non-Philosophy). Paris, 1996. VIII + 375 p.
13. Mullarkey J. *Post-continental philosophy*. An outline. London; New-York, 2006. XII + 260 p.
14. Laruelle F. *En tant qu'un. La "non-philosophie" expliquée aux philosophes* (As one. The «non-philosophy» explained to philosophers). Paris, 1991. 256 p.
15. Derrida J., Laruelle F. Controverse sur la possibilité d'une science de la philosophie. *La Décision Philosophique* (Controversy over the possibility of a science of philosophy. The Philosophical Decesion), april 1988, no. 5, pp. 62–76.
16. Chernyakov A. G. *Ontologiya vremeni. Bytiye i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya i Khaydeggera* (The ontology of time. Being and Time in the Philosophies of Aristotle, Husserl and Heidegger). St.-Petersburg, 2001. 460 p.
17. Derrida J. *D'un ton apocalyptique adopté naguère en philosophie* (Of an apocalyptic tone recently adopted in philosophy). Paris, 1983. 98 p.

УДК 165.4

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ: К РАЦИОНАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КОНЦЕПЦИИ К. ПОППЕРА

Мартынович Сергей Федорович –

доктор философских наук,
профессор кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный университет
E-mail: smart@mail.ru

Статья посвящена проблеме рациональной реконструкции концепции методологии науки К. Поппера. В понятии рациональной реконструкции выделяются такие аспекты научной рациональности, как логичность, методологичность, аксиологичность и телеономичность исследования. Реконструируется конвенциональный подход к построению теории научного метода, который базируется на выборе ценности свободы научного поиска при сохранении эмпирического характера исследования. В концепции метода рациональной дискуссии акцентируется понятие объективного идеального инструмента рациональной критики. Поскольку опыт понимается как метод отличия одной теоретической системы от другой, постольку теория познания эмпирической науки осмысливается как теория эмпирического метода. Поскольку «базисные» предложения принимаются как выдержавшие проверку на текущий момент состояния научной дискуссии, постольку открытие нового научного факта является предложением конвенции относительно зачисления предложения, его выражающего, в разряд научных утверждений.

Ключевые слова: методология науки, рациональная реконструкция, К. Поппер.

Идеи К. Поппера определили тематику дискуссий в методологии науки XX столетия. В число основных были включены такие проблемы методологии науки, как проблемы индукции и демаркации, устранение психологизма, дедуктивная проверка теорий, опыт как метод науки, фальсифицируемость как критерий демаркации, проблема «эмпирического базиса» науки [1].

В понятии рациональной реконструкции целесообразно выделить такие аспекты научной рациональности, как логичность, методологичность, аксиологичность и телеономичность исследования. Геометрия Евклида, скажем, логична, но нормы аксиологического метода её систематизации не сводятся к нормам логического следования – они обладают спецификой методологии. Идеалы и цели исследования также не тождественны нормам логики и методологии – они характеризуются своими особенностями.

Концептуализируемое Поппером понятие единого метода рациональной дискуссии включает ясную и чёткую формулировку проблемы, а также критическое исследование её решений. Метод рациональной дискуссии рассматривается как общий метод рационального дискурса: философии, науки, рационально организованной практики. Определяя философию как критический рационализм, Поппер называет критический метод диалектическим, т.е. методом обнаружения и устранения логических противоречий в познании. В концепции этого метода акцентируется понятие объективного идеального инструмента рациональной критики, в качестве которого избрано логическое противоречие, его тотальная элиминация – норма этого метода.

Критика натуралистического подхода к построению теории научного метода, который сводится к описанию реальной истории научной методологии, открыла возможность проекта методологии, акцентирующего логические и аксиологические аспекты исследования. В результате сложился конвенциональный подход к построению теории научного метода, который базируется на выборе ценности свободы научного поиска при сохранении эмпирического характера исследования.

Обсуждение необходимости методологических решений показало, что натуралистический подход к теории научного метода с неизбежностью ведёт к возобновлению проблемы индукции теперь уже на метауровне. Справедливо полагая, что наиболее интересной для методологии науки является не проблема значения слов и смысла предложений, а проблема роста знания, Поппер исследовал её на материале такого роста. Это вело к пониманию эпистемологии как теории научного знания.

Эмпирическая наука рассматривается как эмпирико-теоретическая система, синтетичность, неметафизичность и эмпиричность являются её атрибутами. Опыт рассматривается как метод науки и отличия одной теоретической системы от другой. Теория познания эмпирической науки осмысливается как теория эмпирического метода.

Главным объектом методологического анализа науки становится теория. В редуцированном виде в качестве теории может выступать хотя бы одно строго универсальное высказывание, предметная область которого (множество семантически фиксируемых событий) является неопределённой. Различие уровней универсальности предполагает идею численной универсальности. Численно универсальное высказывание относится к конечному, следовательно, исчислимому множеству событий. Его можно представить как

конъюнкцию соответствующего множества сингулярных высказываний, поэтому оно в принципе верифицируемо. Поскольку логической формой теории является строго универсальное высказывание, постольку попытка её верификации ведёт к проблеме индукции, обсуждение которой привело Поппера к фальсификационизму как методологии науки.

Главной проблемой методологии науки становится проблема демаркации, отличия науки от ненауки (метафизики, логики, математики). Проблема демаркации, её критерий, цель различно истолковываются в контекстах логического позитивизма и критического рационализма. Поппер обсуждал проблему демаркации с антииндуктивистских позиций на основе метода фальсификации. Фальсификация есть метод установления ложности утверждения по правилу *modus tollens* классической логики. *Modus ponens* и *modus tollens* (латинские термины – «модус утверждающий» и «модус отрицающий») есть два вида умозаключения, получаемые посредством гипотетических высказываний (т.е. высказываний вида «если *p*, то *q*»), в символической записи: $p \supset q$.

Modus ponens есть умозаключение вида: $p \supset q$; *p*, следовательно, *q*.

Modus tollens есть умозаключение вида: $p \supset q$; не-*q*, следовательно, не-*p*.

На основе понятия фальсификации Поппер предложил принцип фальсификации, согласно которому фальсифицируемость (возможность фальсификации) утверждения фактом применяется как критерий демаркации науки и ненауки. Если утверждение (теория) фальсифицируемо опытом (хотя бы потенциально), то оно научно и – наоборот.

Принципиальная фальсифицируемость утверждения, т.е. опровержимость его опытом оценивается как признак его эмпиричности, научности. При этом существенно то, что научное, т.е. эмпирически осмысленное предложение может быть как истинным, так и ложным. Утверждения метафизики рассматриваются с этой точки зрения как неэмпирические, ненаучные, эмпирически неосмысленные.

Фальсифицируемость понимается как возможность проведения различия фальсифицируемых и нефальсифицируемых высказываний внутри осмысленного языка. Верификационизм как теория её решения, предложенная логическим позитивизмом, оказался неприемлемым, поскольку научные теории нельзя окончательно подтвердить фактами (верифицировать), но можно, как полагал Поппер, окончательно фальсифицировать.

Опираясь на идею причинности, теории посредством дедукции объясняют и предсказывают факты. Различие принципиальной (потенциальной) фальсифицируемости теории фактами и фактической её фальсификации ведёт к исследованию проблемы эмпирического базиса науки. Рассмотрение чувственного опыта в качестве эмпирического базиса науки ведёт к психологизму в понимании науки, который чреват солипсизмом. Дискуссия о протокольных предложениях, рассматриваемых как базис науки, которую инициировали участники Венского кружка, обострила проблему объективности эмпирического базиса. Для подтверждения объективности протокольных предложений необходимо решить вопрос об их обосновании. Обсуждение этого вопроса привело к осознанию трилеммы обоснования: протокольные предложения могут приниматься без обоснования интуитивно (догматизм), могут обосновываться чувственным опытом (психологизм) или другими предложениями (регресс в бесконечность). В качестве выхода из этой проблемной ситуации предлагается конвенциональное понимание принятия «базисного» предложения в качестве научного: «базисные» предложения принимаются как выдержавшие проверку на текущий момент состояния научной дискуссии: в любой последующий момент их проверка может быть продолжена. Это значит, что открытие нового научного факта, на самом деле, является предложением конвенции относительно временного прекращения intersubъективной его проверки и зачисления предложения, его выражающего, в ряд разряд научных утверждений.

Различия в использовании понятий «истинно» и «подкреплено» принципиальны: предложение может быть истинным, но мы знаем только то, что оно выдержало проверку. Каждое новое подтверждение предложения опытом есть его «подкрепление», которое как не гарантирует его истинности, так и не отвергает её.

Реализм и цель науки прямо связаны. Принимая концепцию эмпирического реализма в решении вопроса о реальности объектов науки, Поппер проводит различие позитивных оснований теории (джастификационизм) и критических оснований теории (критический рационализм). Объяснение понимается им как цель науки.

Поппер выдвигает аргументы за реализм здравого смысла и против теории познания здравого смысла. Истина и правдоподобность также осмысливаются как цели научного исследования. Критика теории познания, основанной на здравом смысле, связана с тем, что она возобновляет проблему индукции, является джастификаци-

онистской. Обусловленность всякого знания теорией приводит к тому, что логикой роста научного знания полагается выдвижение предположений (гипотез) и их опровержение опытом. Методология науки Поппера в целом выступает как единство установок эмпирического реализма и критического рационализма.

Разработав концепцию критического рационализма на основе установок эмпирического реализма, Поппер определил новый идеал методологии научного исследования. Анализ структуры научного знания уступил место обсуждению проблемы его роста, что определило формирование концепций постпозитивистской методологии науки.

Отрицая эпистемологический фундаментализм, Поппер выдвинул тезис теоретизма, согласно которому любой элемент научного знания теоретически обусловлен. Любое знание, предположительно, подвержено ошибкам. Познание понимается в контексте концепции фаллибилизма как их систематическое устранение на основе метода рациональной дискуссии [2]. Научное исследование есть решение проблем, в ходе которого обнаруженные противоречия устраняются тем или иным способом. Устранение ошибок означает рост научного знания, его переход от одной проблемы к другой.

Рост научного знания рассматривается как проявление эволюции, теория роста научного знания строится в контексте эволюционной эпистемологии [3]. Для прояснения её предметной определённости Поппер сформулировал концепцию «трёх миров», в которой он различил физический мир, ментальный мир, а также мир созданных человеком объективированных смыслов. Исследование третьего мира рассматривается как дело эпистемологии, методологии и логики науки. Простота данной трихотомии не делает неосмысленным вопрос о способе соотношения этих миров.

Исследование философского творчества Поппера показало, что наивный фальсификационизм был преобразован в усовершенствованный фальсификационизм. Согласно первому, опровергнутые предположения непосредственно заменяются новыми, в контексте же второго теории (предположения) сравниваются по степени их правдоподобия, выявляется лучшая по этому основанию теория.

Интересен и продуктивен компаративистский подход к анализу направлений методологии науки, противостоящих друг другу или различающихся существенным образом. Сравнение, например, позиций логического позитивизма и постпозитивизма показало, что в основании этих

традиций – единая прагматически ориентированная концепция семантического конвенционализма в понимании науки.

Философия критического рационализма актуализирует тему научной рациональности, при осмыслении которой рациональность противопоставляется иррациональности. Решение проблемы демаркации науки и ненауки Поппером является основой понимания научной рациональности. Общий метод рациональной дискуссии способствует прояснению метода обоснования знания, осознанию актуальности гипотетико-дедуктивной модели объяснения эмпирических фактов, принятие которых носит характер рационально мотивированной конвенции. Научная рациональность понимается как норма когнитивного поведения (учёного, сообщества учёных), согласно которой учёные «смело» выдвигают гипотезы для решения проблемы и «беспощадно» опровергают их.

Исследование логики наук (естественных и социальных) предполагает противопоставление нашего знания нашему незнанию. Мы имеем знание (прогресс естественных наук), дающее теоретическое видение и понимание мира, при этом наше незнание безгранично и отрезвляюще, что следует из факта прогресса естествознания. Решение научной проблемы ведёт к открытию новых проблем, обнаруживая бездну незнания.

Теория познания должна прояснять отношения между нашим растущим знанием и «пониманием того, что мы на самом деле ничего не знаем» [4]. Отношение знания и незнания показывает, что познание не начинается с восприятий, наблюдений, собирания данных, фактов. Оно начинается с проблем: нет знания без проблем, как нет проблем без незнания.

Осознание проблемы заключается в том, что наше знание есть на самом деле «предполагаемое знание», которое логически может выражаться в открытии противоречий внутри нашего предполагаемого знания, а также противоречий предполагаемого знания и фактов. Осознание проблемы есть открытие противоречия между нашим предполагаемым знанием и нашими предполагаемыми фактами.

Результаты исследований в социальных науках, как и в других, зависят от значимости проблем и научно честного подхода к ним. Это относится как к теоретическим, так и к практическим проблемам, которые являются исходными моментами исследований в области социальных наук. Практические социальные проблемы приводили к теоретическим. Отправным пунктом научной работы всегда является проблема, наблюдение, создающее проблему.

Метод наук, социальных и естественных, состоит в выдвижении и критике пробных решений тех проблем, с которых начались наши исследования. Если пробное решение недоступно для предметной научной критики, то оно исключается из рассмотрения как ненаучное. Критика состоит в попытках опровержения. Выдержавшая критику гипотеза временно принимается для последующего обсуждения и критики. Инструментом рациональной критики является логическое противоречие.

Напряженность между знанием и незнанием ведёт к проблемам и пробным решениям. Она никогда не преодолевается: наше знание есть всегда только предположение некоторых пробных решений. Само понятие знания включает, в принципе, возможность того, что оно может оказаться ошибочным, т.е. незнанием. Единственный способ оправдать наше знание является лишь временным: он состоит в критике, в апелляции к тому факту, что *до сих пор* наше пробное решение выдерживало критику.

Критика ошибочного тезиса методологии «натурализма» (социальным наукам следует научиться у естественных наук тому, что такое научный метод) актуальна. Натурализм требует начинать исследование с наблюдений, измерений, со сбора данных, затем индуктивно их обобщать и формулировать теории. Приближает ли это к возможному идеалу научной объективности социальных наук? Натурализм полагает, что достичь объективности в социальных науках труднее, чем в естественных. Быть объективным значит не зависеть от своих собственных ценностных суждений, быть «свободным от ценностей», но это едва ли возможно. Все эти тезисы натурализма ошибочны, считает Поппер, они основаны на неправильном понимании методов естественных наук как индуктивных. В целом соотношение наук определяется тем, что их предметы есть множества проблем и их пробных решений.

Критикуя философский релятивизм как исторический релятивизм, отрицающий объективную истину и допускающий только истины для определенной эпохи, а также социологический релятивизм, признающий только истины для определенной группы, Поппер отмечает, что такая точка зрения ответственна за предысторию догм индуктивизма, натурализма и социологического релятивизма.

Как понимать объективность наук, естественных и социальных? Неверно, что объективность науки зависит от объективности учёного, что позиция, скажем, физика более объективна, чем позиция социолога. Научная объектив-

ность основана на критической позиции: она есть социальный результат взаимной критики обсуждаемых проблем. Объективность объясняется в терминах «конкуренции» (учёных, школ), «критической традиции», «социальных институтов» (конкурирующие журналы, конференции), «государственной власти» (её терпимость к свободному научному обсуждению).

Структура взаимной критики проблем включает вопрос об истинности определённого утверждения, а также вопрос о его значимости, с точки зрения вненаучных проблем. Поиск истины – главная, но не единственная научная ценность. Релевантность, интерес, значимость утверждений, с точки зрения научной проблемы, плодотворность, объяснительная сила, простота и точность есть научные ценности первого порядка.

Чистота чистой науки – идеал, за который следует бороться средствами научной критики. Поскольку объективность и свобода от ценностей есть сами по себе ценности научной критики, постольку требование свободы от ценностей ведёт к парадоксу. Задача взаимной научной критики состоит в отделении вненаучных оценок от вопросов истинности. Метод науки предполагает выбор интересных проблем, критику всегда пробных и временных попыток их решить. Научный метод отождествляется с критическим методом.

Дедуктивная логика определяется в качестве органа критики, как теория правильности логических выводов, логического следования. Дедуктивная логика – теория перенесения истинности от посылок к следствию. Она обретает статус теории рациональной критики, показывая, как из критикуемого утверждения следует неприемлемое заключение. Утверждение опровергнуто, если посредством правильного логического вывода получено неприемлемое заключение.

Научные теории – это дедуктивные системы утверждений, поэтому они являются попытками объяснения фактов, решения теоретических проблем. В то же время теории как дедуктивные системы утверждений можно рационально критиковать посредством сравнения их следствий с фактами. Понятия истины и объяснения оказываются связанными в процессе рациональной критики пробных решений.

Список литературы

1. Поппер К. Р. Логика научного исследования / пер. с англ., под ред. В. Н. Садовского. М., 2005. 447 с.
2. Поппер К. Р. Предположения и опровержения. Рост

научного знания / пер. с англ. А. Л. Никифорова, Г. А. Новичковой. М., 2004. 638 с.

3. Поппер К. Р. Объективное знание : эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути. М., 2002. 384 с.
4. Поппер К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук : Карл Поппер и его критики / пер. с англ. Д. Г. Лахути. М., 2000. С. 298–313.

The Methodology of Science: Towards a Rational Reconstruction K. Popper's Concept

S. F. Martynovich

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia.
E-mail: smart@mail.ru

The article considers the problem of a rational reconstruction K. Popper's concept of the methodology of science. The notion of rational reconstruction includes such aspects of scientific rationality as logicality, methodological, axiological and purposeful aspects of investigation. They are reconstructed conventional approach to the construction of the theory of scientific method, which is based on the choice of the values of freedom of scientific research, while maintaining empirical research. The concept of the method of rational discussion emphasizes the concept of an objective ideal tool rational criticism. Because the experience is understood as a method of differences one theoretical system from another, insofar the theory of knowledge of empirical science is conceptualized as a theory of empirical method. Since the «basic» statements are accepted as withstood the test at the moment of state of scientific debate, insofar opening of a new scientific fact is proposed as convention regarding admission statement, it expresses, in the category of scientific statements.

Key words: methodology of science, rational reconstruction, K. Popper.

References

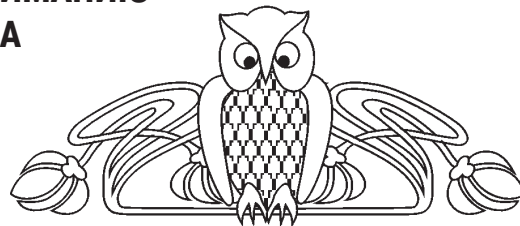
1. Popper K. *The Logic of scientific discovery*. London, 1959. 513 p. (Russ. ed.: *Logika nauchnogo issledovaniya*. Per. s angl., pod red. V. N. Sadovskogo. Moscow, 2005. 447 p.).
2. Popper K. *Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge*. London; New York, 2002. 582 p. (Russ. ed.: *Predpolozheniya i oproverzheniya. Rost nauchnogo znaniya*. Per. s angl. A. L. Nikiforova, G. A. Novichkovoy. Moscow, 2004. 638 p.).
3. Popper K. *Objective knowledge: An evolutionary approach*, Oxford, 1972. 395 p. (Russ. ed.: *Obektivnoe znanie: evolyutsionnyy podkhod*. Per. s angl. D. G. Lakhuti, Moscow, 2002. 384 p.).
4. Popper K. R. The Logic of social sciences. Popper K. R. *In search of a better world*. London, 1992, pp. 64–81. (Russ. ed.: *Logika sotsialnykh nauk. Evolyutsionnaya epistemologiya i logika socialnykh nauk: Karl Popper i ego kritiki*. Per. s angl. D. G. Lakhuti. Moscow, 2000, pp. 298–313).

УДК 316.66

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Негруль Виктория Владимировна – преподаватель кафедры социологии, Институт истории и государственного управления, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Тирасполь, Молдова
E-mail: vika-n@yandex.ru

В последние десятилетия в работах российских философов всё чаще делаются ссылки на психологию, которая в своих экспериментах якобы подтверждает установки субъективистской эпистемологии, хотя сами психологи не претендовали и не претендуют на повышение статуса психологии восприятия до уровня эпистемологии. Возрождение субъективизма, психологизма, релятивизма и скептицизма в облики телесного подхода осознанно или неосознанно, но неизбежно ведёт к агностицизму и, соответственно, к полному отказу от поиска истины. Автор статьи утверждает, что эпистемология не сводится к психологии восприятия и в связи с этим так называемый «телесный подход в когнитивной науке» не может претендовать на гносеологический статус.

Ключевые слова: эпистемология, принципы и экономическое поведение, рациональность, дискурс, интересность.

Под эпистемологией обычно понимают философское учение о познании, в котором анализируются сущность, принципы, предпосылки и эволюция познания. «Будучи философской дисциплиной, эпистемология, – подчеркивает П. К. Мозер, – является наукой (а) о природе знаний и, в особенности, их обоснования; наукой об определении их компонентов, (в) существенных условиях и источниках знаний, (с) о границах знаний» [1, с. 4]. Ключевой проблемой эпистемологии является вопрос об истинности научной теории, о ее отношении к действительности. В настоящее время получает распространение термин «эпистемология», прежде всего, в англоязычных странах для обозначения частной эпистемологии – науки натуралистической, социальной, компьютерной, экономической [2, с. 172].

Широкое распространение эпистемологии отражает процесс совершенствования теории познания, необходимость научной рефлексии в области критического анализа традиционных методов (формально-логических, диалектических, математических) и оценки эффективности новых – объективистских и субъективистских. Все это актуализировано необходимостью поиска реального предмета теории познания и объекта философского учения о познании. Об актуальности этой проблемы свидетельствует разворачивающийся в философской (и не только) литературе

дискурс по поводу гуманистической и научной целесообразности смены классической эпистемологии неклассической постмодернистскими парадигмами, предполагающими признание многомерного образа реальности, неустрашимой множественности описаний и «точек зрения» отношений дополнительности и взаимодействий между ними [3, с. 128].

Данному вопросу посвящены философско-методологические исследования И. Т. Касавина, Л. А. Маркова, Ю. С. Моркина, Н. М. Смирнова. Высказываются различные мнения по поводу актуальности методологических парадигм – от полного отрицания классической эпистемологии и замены ее неклассической постмодернистской до совершенного непринятия последней. От выбора методологической исходной позиции зависит степень адекватности социально-философского исследования не только теоретическим, но и практическим потребностям совершенствования общественной деятельности.

Исходя из актуальности проблемы, целью данной статьи является анализ основных тенденций социально-философских теорий социального познания, в том числе и экономической эпистемологии.

В течение веков в европейской культуре явно или неявно господствовала и продолжает сохранять влияние субъектно-объектная гносеология, создателями которой являются Р. Декарт, Дж. Локк, И. Кант. Она воздействовала не только на различные философские, научные, вообще теоретические построения, но и на многообразные методики обучения и образования, на педагогику в целом, а также на искусство. Именно оппозиция субъекта и объекта в ее разнообразных вариантах олицетворяла рациональность, являлась базовой для систематической гносеологии, основанием ее «научности». Все, что выходило за пределы этой оппозиции или относилось к сфере досубъектно-объектного различия, рассматривалось как иррациональное, выпадающее из предметного поля теории познания, вообще из рациональной философии [4, с. 21].

В классической гносеологии социально-экономическая действительность определяется объективной, противостоящей сознанию исследователя, что непременно предполагает существование единственно верной трактовки генезиса устройства и функционирования экономической системы, поскольку элемент субъективности изначально исключен из объекта исследования. Именно в этом и проявляется фундаментализм классической гносеологии: реальность устроена единственно верным способом и именно таким, каким авторы ее себе представляют в доктринальных конструкциях, а не каким-либо иным, и поэтому как естественно-научное, так и социально-историческое понимание безальтернативны (не толерантны) и безусловны (аксиоматичны) [5].

Приверженцы классической гносеологии в своих исследованиях основываются на методологической установке, противопоставляющей субъект и объект познания: социально-экономическая реальность не строится на повседневности intersubъектных коммуникаций, а существует независимо от воли и сознания субъектов, которые лишь открывают при помощи разума или исторического опыта объективно действующие взаимоотношения людей. В результате такого гносеологического подхода сам процесс познания экономической системы, включая и экономическое поведение, оказывается односторонним, поскольку субъект познавательной активности может полностью охватить своим сознанием социальную реальность.

Субъект познания был представлен в классических гносеологических исследованиях одновременно и как индивидуальный эмпирический, осуществлявший «живое» созерцание, непосредственное чувственное познание-отражение, и как «сознание вообще», т.е. предельно абстрактный субъект, лишенный каких бы то ни было индивидуальных чувственных либо конкретно-исторических характеристик.

Классическая гегелевская парадигма по своим исходным принципам, утверждая высокую активность развивающегося духа в его абсолютности и всеобщности, основывалась на предельной абстракции субъекта, сведении сущности индивида к духу – сознанию и самосознанию. К. Маркс, отказавшись от понимания сознания как неизменной естественной способности человека, видел задачу исследования познания в осмыслении социально-исторического процесса развития познавательного опыта человечества. Тем не менее следует подчеркнуть, что введение традиционной теорией познания субъектно-объектного мира в философию и научное познание

явилось в свое время высокопродуктивным приемом абстрагирования, рационалистического идеального представления познавательной деятельности и самого знания.

В разработку современных эпистемологических проблем включились многие философы и представители конкретных наук в области общей эпистемологии – В. А. Лекторский, И. П. Меркулов, Е. Н. Князева, Б. И. Пружинин, М. А. Розов; в социальной эпистемологии – И. Т. Касавин, В. А. Колпаков, М. Фуко; в экономической теории познания – М. Блауг, П. Мировски, Л. Боланд, О. И. Ананьин, П. А. Отмахов, В. С. Автономов.

Интерес к осмыслению эпистемологии объясняется, в первую очередь, противоречивой ситуацией, сложившейся в современной науке и философии: «С одной стороны, для них характерен глубокий кризис, с другой – не менее впечатляющий подъем и развитие» [6, с. 238]. По мнению В. Лекторского, особенности классической эпистемологии характеризовались такими фундаментальными принципами познания, как критицизм, когда эпистемология выступала, прежде всего, как критика принятых систем знания с точки зрения определенного идеала, фундаментализм и нормативизм, что предполагало требование обоснования идеала знания и утверждение определенных типов знания в качестве нормы (должного), субъектоцентризм – признание самого факта существования субъекта в качестве несомненного базиса процесса познания [7].

В XX в. начала складываться неклассическая эпистемология, что было связано с новым пониманием познания и знания, сдвигами в современной науке и культуре в целом. Основными чертами нового понимания эпистемологии, как подчеркивает В. Лекторский, являются: 1) отказ от абсолютистского критицизма, что означает наряду с критикой принятие определенных познавательных традиций, доверие к результатам деятельности других, без чего невозможны коллективная научная деятельность и продвижение по пути к истинному знанию; 2) отказ от фундаментализма, обнаружение изменчивости познавательных норм; 3) отказ от субъектоцентризма: субъект теперь рассматривается как продукт коммуникаций, межсубъектной деятельности в процессе универсального научного и повседневного дискурса; 4) признание наряду с научными другими форм и типов знания. Таким образом, неклассическая эпистемология выдвинулась на роль нового способа понимания реальности и человека [7].

Последние тридцать лет новые подходы к теории познания разрабатывает и социальная эпистемология, концентрированным ядром

которой остается принцип социальной обусловленности познания общественных процессов. Социальная эпистемология увязывает процесс познания с человеческой деятельностью и поведением, с такими источниками познания, как дискурс и интерсубъектность, с новым подходом к определению фундаментальной пары понятий гносеологии «субъект–объект», в которой подлинным субъектом является «мыслительный коллектив» [8].

В XX в. учет новых социокультурных и ценностных факторов познания требовал пересмотра фундаментальных положений, дополнения их постмодернистскими концепциями, включая в центр внимания философов культурологические аспекты познания и методологии наук о культуре (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей). Было замечено, что многие фундаментальные элементы знания и познавательной деятельности органически соединяют в себе когнитивные и ценностные начала, разятие которых разрушает целостность и истинность, системность знания [4, с. 24–29].

В постмодернистской эпистемологии произошло смещение акцента с познания субъектно-субъектных отношений к не менее фундаментальному субъектно-объектному отношению в социальном взаимодействии. В этом подходе воплощается идея целостности человека, повышения его субъектности в политике, экономической жизни. Стремление выразить назревшую потребность в новом подходе проявилось в отказе от употребления самих терминов «теория познания» и «гносеология». Все чаще их стали заменять термином «эпистемология», особенно после критики К. Поппера и отождествления им классической теории познания Дж. Локка, Дж. Беркли, Д. Юма, И. Канта с «философией веры», которой противопоставлена современная эпистемология – гносеология научного познания роли человека в современной повседневной жизни. Этим как бы подчеркивалось, что познание далеко не всегда имеет исключительно функцию отражения, но, скорее, представляет собой творчески-созидательные, гипотетико-проблемные способы освоения социальной реальности, основанные на продуктивном воображении, интерсубъективных соглашениях, социокультурных предпосылках, индивидуальном и коллективном жизненном опыте.

Обширные исследования, в первую очередь зарубежных эволюционных эпистемологов К. Лоренца, Д. Кэмпбела, Г. Фоллмера и др., а также отечественных ученых в этой области показывают, что человек имеет биопсихосоциальную природу и должен рассматриваться в этом триедином измерении. Поэтому вся жизне-

деятельность человека представляет объект познания одновременно и природного, и духовного мира. Из этого следует, что модели эволюции и самоорганизации сложных систем необходимо применять и к познавательной деятельности человека, рассматриваемой в рамках коэволюции. Тем самым предметное поле неклассической теории познания (эпистемологии) расширяется. Она становится социально-исторически и гуманитарно ориентированным синтетическим знанием, преодолевающим «голый теоретизм», ограниченную автономность познания с ее внутренними законами, не имеющими отношения к реальной познавательной деятельности. В постмодернистском направлении идет поиск реального предметного поля познания и объекта философского учения о познании.

В общем и целом постмодернистская эпистемология предполагает переоценку фундаментализма, признание многомерного образа реальности. Преодоление тотального господства одной (любой) доктрины – это, по существу, не только идеологическое, но и методологическое требование для философии познания в XXI в. [3, с. 128].

Многих отечественных философов теперь привлекает в постмодернистской эпистемологии познавательный потенциал интерактивной деятельности широкого круга людей по углублению и согласованию представлений о социальной реальности. Как отметил П. М. Петровский, «Философия постмодернизма сформировала систему методологических установок, которые ориентируют на разностороннее, глубинное и неисчерпаемое познание социума и человека как сложной ценностной конструкции. Познавательный и ценностный аспекты этой философии дополняются раскрытием деятельностных, коммуникативных и творческих возможностей каждого человека» [9, с. 228].

В основе формирования современной экономической эпистемологии «лежало переосмысление логики развития экономической мысли сквозь призму постпозитивистских концепций Т. Куна, особенно И. Лакатоша». В этом русле принципиально важной была признана концепция Н. Картрайт о характере знаний, сформулированных в экономических теориях. Ввиду невозможности измерения основных факторов и сопутствующих им условий в общественных процессах, а, следовательно, и выявления причинно-следственных связей Н. Картрайт утверждает, что «цель научного поиска не универсальные закономерности на уровне явлений, а раскрытие природы вещей – поиск сил и свойств, которыми они обладают, а также условий и спо-

собов, благодаря которым эти свойства могут быть использованы для получения ожидаемых эффектов» [10, с. 276].

Основным вопросом (предметом) экономической эпистемологии является уяснение степени соответствия мысленных конструкций социально-экономической реальности, т.е. речь идет, собственно, об истинности экономической теории. Этот вопрос актуален особенно для этой науки как непосредственно обслуживающей потребности экономики. Здесь можно обнаружить три основные позиции: 1) полное отрицание соответствия научной теории экономической практике; 2) релятивизм; 3) убежденность в том, что истина все-таки достижима, если продолжать и далее совершенствование методологии экономической эпистемологии и экономической науки.

Одна из идей, заслуживающих глубокой разработки, это – создание «эпистемологических фильтров» на пути заблуждений, роль которых призвано играть научное уточнение и однозначное применение терминологии и методологии экономической науки как инструмента научного описания экономической реальности. Постмодернистская эпистемология оказала неоднозначное влияние на методологию общественных наук. Если универсалисты классического направления убеждены в том, что основной целью научного исследования является познание законов функционирования и развития объективной реальности, а сама наука представляет собой процесс накопления знаний, углубляющих и расширяющих наше видение мира, то приверженцы постмодернистского релятивизма отрицают саму возможность достижения такой цели в силу не только изменчивости самого объекта, но и неустранимой ограниченности, специфичности нового понимания субъекта познания [11, с. 416]. Субъект как бы растворяется в перманентном универсальном дискурсе, посткоммуникативном процессе интересубъектности, и сам этот процесс становится неотъемлемой частью реальности, которая является для индивидуального субъекта такой же объективной, как и материальная.

Новая парадигма, представленная в этом утверждении, акцентирует внимание исследователя на открытии возможностей экономики для удовлетворения потребности личности как самоцели и главного средства общечеловеческого развития. Экономическая теория в этом направлении прошла путь от «экономики» – науки о домашнем хозяйстве в Древней Греции и в эпоху Средневековья, когда она носила преимущественно нормативный, иррациональный характер, навязывая и обосновывая должное поведение хозяйствующему субъекту, через этап «политической

экономии», в которой центром внимания исследователей являлось не производство, а сфера обращения и капиталистическое богатство, к парадигме современной экономической теории, которая получила в англоязычной литературе название – «экономике» [12, с. 128–129].

В теориях, объединяемых этим термином и развиваемых А. Маршаллом, Дж. М. Кейнсом, М. Р. Фридманом, получили признание идеи свободной конкуренции, «государства всеобщего благоденствия», пытающиеся примирить в экономическом поведении рационализм и прагматизм.

В конце XX в. большую популярность приобретает институционально-социологическое направление в экономике (Т. Веблен, У. К. Митчел, Дж. К. Гэлбрейт): объектом исследования, по их мнению, должна стать не абстракция в форме «экономического человека», а реально действующий в системе реальных социальных институтов субъект экономического поведения личности. Понять поведение личности в обществе в целом и в экономической сфере жизнедеятельности в частности можно, только расширив рамки междисциплинарного анализа путем вовлечения в экономические исследования социологов, политологов, психологов, философов.

Не отказываясь от эпистемологической установки, что теория хотя и не исчерпывающе, но все же способна дать реальное представление о социуме, Н. Картрайт считает модели социального объекта не способными тестировать регулярность, поэтому многие экономисты полагают теории эвристически полезными, но искусственными конструкциями, не имеющими к реальности прямого отношения: таковы «аналоговые экономики» Р. Лукаса, «правдоподобные миры» Р. Сагдена, «притчи» А. Рубинштейна [13, с. 2]. Такого же мнения придерживается и один из наиболее известных авторов второй институциональной волны Д. Норт, утверждая, что неклассическая теория оказалась неспособна объяснить процесса экономических изменений: для этого требуются фундаментальная перестройка нашего образа мысли, уяснение новых принципов эпистемологии [13, с. 7].

Д. Норт вскрыл главный недостаток институциональной парадигмы экономической теории – игнорирование интересубъектного характера экономического поведения, в котором реализуется не только воля индивидуального субъекта, но и совокупный опыт прошлых поколений, воплотившийся в менталитете институциональной структуры общества, сформировавший устойчивую среду культурных норм, символов, убеждений, стереотипов мышления и восприятия

реальности, которые играют детерминирующую роль в определении выбора рациональных действий по удовлетворению тех потребностей, которые сложились в данной общности.

Как показал анализ институциональных подходов, они страдают общим недостатком – переоценкой детерминирующей роли социальной среды в определении поведения экономических агентов. Но это затрудняло возможность научного объяснения разнообразия их стратегий и тактик в однородных ситуациях.

Современная эпистемология обнаруживает новые возможности для расширения научного поиска адекватных реальности моделей экономического поведения в концепциях интересубъектного формирования знаний, убеждений и норм социального взаимодействия в процессе равнособъектного универсального дискурса.

Поскольку социально-институциональный подход содержит лишь предельно общую картину влияния на экономическое поведение социально-культурных и ценностных факторов, он нуждается в дополнении когнитивным подходом Э. Кларка, который дистанцировался от индивидуалистической концепции познания и принятия решений, отдавая предпочтение интересубъективистскому источнику опыта – взаимодействующим субъектам [14, с. 35].

Эволюционируя от классической экономической теории о поведении в сфере хозяйства, неклассическая эпистемология распространяет концепцию рационального выбора на все сферы жизнедеятельности человека, поскольку всегда и везде он среди возможных альтернатив выбирает ту, что, по его мнению, максимально удовлетворяет потребности, учитывая ограничения окружающей среды, свои личные возможности и предпочтения. При этом понятие рациональности складывается под влиянием многочисленных факторов, осознаваемых индивидом под влиянием личного и социально-исторического опыта в рамках конкретного типа культуры.

В связи с этим «неправомерным является стремление (в концепции “экономического империализма”) рассматривать мотивы экономического поведения как универсалии, определяющие поведение индивидов в любой сфере деятельности. Это создает иллюзию однородности общества на уровне ментальности» [15, с. 63].

В действительности, с позиций социальной эпистемологии экономическая рациональность не сводится к расчетам непосредственной выгоды. Представляя соотношение цели и средств ее достижения, понимание рациональности, максимизации выгоды является многоплановым, отображая разное соотношение в рациональном

поведении индивидов оценок личной и общественной значимости, ближайших и перспективных целей, допустимости использования тех или иных средств для достижения цели, влияние специфических черт менталитета различных социальных общностей.

Включение в процесс формирования экономического поведения ценностно-когнитивно ориентированных субъектов означает вступление экономической рациональности в новый этап своего развития: расширяется круг экономических агентов, считающих в ряде ситуаций более рациональным сотрудничество, чем конкуренцию, компромисс, чем борьбу, направленную на устранение оппонентов, коллективные соглашения, чем индивидуальные решения [16, с. 248].

Таким образом, неклассическая эпистемология расширяет представления экономистов о разнообразии направлений в производстве знаний и их применения для анализа практических изменений в экономике и повседневной жизни, утверждая принципы равнособъектного научного дискурса, взаимодополнительности различных методологий, взаимопроникновения субъекта и объекта в социальном познании, принципы социально-институциональной обусловленности поведения личности наряду с признанием многомерного образа социальной реальности как продукта интересубъектной коммуникации и, следовательно, многопланового характера социально-экономической рациональности – основного мотива поведения человека.

Список литературы

1. The Oxford handbook of epistemology / ed. P. K. Moser. Oxford, 2002. 320 с.
2. Меркулов И. П. Как возможна рациональная эпистемология // Философские науки. 2004. Вып. 10. С. 172–187.
3. Честнов И. Л. Методология и методика юридического исследования : учеб. пособие. СПб., 2004. 128 с.
4. Микешина Л. А. Философия науки : современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие. М., 2005. 464 с.
5. Гносеологические установки «классической научной рациональности» в учениях естественно-правовой и исторической школ права. URL: http://blog.pravo.ru/blog/Methodology_of_science_and_jurisprudence/7096.html (дата обращения: 17.04.2014).
6. Розин В. М. Современные проблемы эпистемологии (по следам чтения книги «Эпистемология : перспективы развития») // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI, № 1. С. 238–245.
7. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. 256 с.

8. Социальная эпистемология : идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М., 2010. 712 с.
9. Петровський П. М. Цінність гуманітарної методології постмодернізму для демократичного врядування // Філософські дослідження: зб. наук. пр. Луганськ, 2011. Вип. 14. С. 216–228.
10. Cartwright N. Ceteris paribus laws and socio-economic machines // The Economic world view. Studies in the ontology of economics. Cambridge, 2001. P. 175–293.
11. Ананьин О. И. Философия и методология экономической науки // Философия социальных и гуманитарных наук. М., 2006. С. 353–436.
12. Нуреев Г. Р. Предпосылки новой экономической парадигмы // Вопросы экономики. 1993. № 4. С. 121–144.
13. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. 256 с.
14. Ананьин О. И. Онтологические предпосылки экономических теорий. М., 2013. 50 с.
15. Любченко В. С. Экономическое поведение : методология социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2007. № 2. С. 60–64.
16. Сорос Дж. Кризис глобального капитализма / пер. с англ. Р. Ткачук, А. Фролкин. Киев, 1999. 259 с.
4. Mikeskina L. A. *Filosofiya nauki: sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya: ucheb. posobie* (Science philosophy: Modern epistemology. Scientific knowledge in dynamics of culture. Methodology of scientific research: manual.) Moscow, 2005. 464 p.
5. *Gnoseologicheskie ustanovki «klassicheskoy nauchnoy ratsionalnosti» v ucheniyakh estestvenno-pravovoy i istoricheskoy shkol prava* (Gnoseological installations of «classical scientific rationality» in doctrines of natural and legal and historical schools of the right). Available at: http://blog.pravo.ru/blog/Methodology_of_science_and_jurisprudence/7096.html (accessed 17 April 2014).
6. Rozin V. M. *Sovremennyye problemy epistemologii (po sledam chteniya knigi «Epistemologiya: perspektivy razvitiya»)*. (Modern problems of an epistemology (in the wake of reading the book «Epistemology: development prospects»)). *Epistemologiya i filosofiya nauki* (Epistemology and Philosophy of Science), 2012, vol. XXXI, no. 1, pp. 238–245.
7. Lektorskiy V. A. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* (Epistemology classical and nonclassical). Moscow, 2001. 256 p.
8. *Sotsialnaya epistemologiya: idei, metody, programmy* (Social epistemology: ideas, methods, programs). Ed by I. T. Kasavin. Moscow, 2010. 712 p.
9. Petrovskiy P. M. *Tsennost gumanitarnoy metodologii postmodernizma dlya demokraticeskogo upravleniya* (The value of humanitarian methodology of a postmodernism for democratic management). *Filosofskie issledovaniya: sbornik nauchnykh statey* (Philosophical researches: collection of scientific articles). Lugansk, 2011, iss. 14, pp. 216–228.
10. Cartwright N. Ceteris paribus laws and socio-economic machines. *The Economic world view. Studies in the Ontology of Economics*. Cambridge, 2001, pp. 175–293.
11. Ananin O. I. *Filosofiya i metodologiya ekonomicheskoy nauki* (Philosophy and methodology of economic science). Moscow, 2006. 53 p.
12. Nureev G. R. *Predposylki novoy ekonomicheskoy paradigmy* (Of the prerequisite of a new economic paradigm). *Voprosy ekonomiki* (Voprosy Ekonomiki), 1993, no. 4, p. 121–144.
13. Nort D. *Ponimanie protsessy ekonomicheskikh izmeneniy* (Understanding of process of economic changes). Moscow, 2010. 256 p.
14. Ananin O. I. *Ontologicheskie predposylki ekonomicheskikh teory* (Ontologic prerequisites of economic theories). Moscow, 2013. 50 p.
15. Lyubchenko V. S. *Ekonomicheskoe povedenie: metodologiya sotsiologicheskogo issledovaniya* (Economic behavior: methodology of sociological research). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* (Theory and Practice of Social Development), 2007, no. 2, pp. 60–64.
16. Soros G. *The Crisis of Global Capitalism*. New York, 1998. 245 p. (Russ. ed.: Soros G. *Krizis globalnogo kapitalizma*. Per. s angl. R. Tkachuk, A. Frolkin. Kiev, 1999. 259 p.).

Epistemological Approaches to Understanding of Economic Behavior of the Person

V. V. Negruľ

Dnestr State University of T. G. Shevchenko
110 B, Gorky str., Tiraspol, 3300, Moldova
E-mail: vika-n@yandex.ru

During the last decades the works of Russian philosophers increasingly make references to psychology that allegedly confirms positions of the subjectivist epistemology in its experiments. But psychologists themselves don't pretend to rising of the status of the psychology of perception to the level of epistemology. Revival of subjectivism, psychologism, relativism and skepticism in the guise of corporal approach, consciously or unconsciously, but inevitably leads to agnosticism and, accordingly, to the complete abandonment of the search for truth. The author argues that epistemology can't be confined to the psychology of perception, and, in this connection, the so-called «corporal approach in cognitive science» cannot apply for a gnoseological status.

Key words: epistemology, principles and economic behavior, rationality, discourse, intersubjectnost.

References

1. The Oxford Handbook of Epistemology. Ed. by P. K. Moser. Oxford, 2002. 320 p.
2. Merkulov I. P. *Kak vozmozhna ratsionalnaya epistemologiya. Filosofskie nauki* (As the rational epistemology is possible. Russian Journal of Philosophical sciences), 2004, iss. 10, pp. 172–187.
3. Chestnov I. L. *Metodologiya i metodika yuridicheskogo issledovaniya: ucheb. posobie* (Methodology and technique of legal research: Manual). St.-Petersburg, 2004. 128 p.

УДК 114;116

НЕГАТИВНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Павлова Наталия Владимировна –

старший преподаватель кафедры английского языка
для гуманитарных направлений и специальностей,
Саратовский государственный университет
E-mail: pavlova_saratov@mail.ru

В статье обсуждается кризис идентичности современного социального субъекта в контексте интенсивных негативных коммуникаций. Исследуются социальные механизмы формирования кризиса идентичности под действием негативных социальных коммуникаций, анализируются социальные факторы, затрудняющие процессы личностной самоидентификации. Показано, что в кризисе идентичности современного человека значительную роль играет виртуализация социума, многочисленные виртуальные коммуникации. Утверждается, что современная социальная реальность становится онтологически изоморфной виртуальной реальности, а механизмы реализации кризиса идентичности при этом переносятся из виртуальных пространств в реальное социальное пространство. Обсуждается связь кризиса идентичности с феноменами неистинной информации и потери смыслов, типичных для современного социального пространства.

Ключевые слова: негативные коммуникации, идентичность, кризис, виртуальные коммуникации, самоидентификация.

Представления о множественных коммуникациях лежат в основании постнеклассической социально-философской парадигмы, осмысляющей социум именно как динамичную систему коммуникаций, связей, взаимодействий, определяющую и социальную структуру, и форму социального пространства. В самом широком смысле под коммуникацией сегодня понимают любое межличностное и социальное взаимодействие. Однако можно показать, что в современном социуме коммуникации утрачивают свой однозначно положительный характер, возникают многочисленные ситуации, когда коммуникации отрицательно воздействуют на индивида [1]. В самом деле, традиционно межличностные коммуникации интерпретируются как благо, как то, что позволяет развиваться не только личности, но и социуму в целом, что дает возможность человеку идентифицировать себя с определенной социальной группой. Но в современном обществе, как бы оно ни называлось (постиндустриальным, информационным, обществом постмодерна, обществом риска или как-то иначе), объем и интенсивность коммуникаций становятся настолько значительными, что следует уже говорить не об отдельных коммуникациях, а о целых коммуникационных «потоках», а влияние коммуникаций на человека

нередко можно оценить как избыточное, «захлестывающее», наносящее вред – отрицательное.

В связи с этим имеет смысл говорить не только об отрицательном влиянии коммуникаций на человека и на социальные группы, но и о существовании отрицательных коммуникаций, или *негакоммуникаций* [1, с. 51]. Под ними понимаются любые коммуникации, которые отрицательно влияют на сознание, физическое и психическое здоровье, личностное развитие, независимое восприятие и свободу человека. Основными характеристиками негативных коммуникаций являются интенсивность, множественность, непреднамеренность, агрессивность. Существенной особенностью отрицательных социальных коммуникаций является то, что чаще всего они происходят между индивидом и коллективным субъектом (большой социальной группой или социумом как целым). Мы будем называть индивида, вовлеченного в постоянные негакоммуникации, отрицательно коммуницирующим субъектом, о нем следует говорить всякий раз, когда число отрицательных коммуникаций начинает превышать число положительных. Можно создать и классификацию отрицательных коммуникаций, принимая за основу основные отрицательно воздействующие акторы: интенсивные информационные потоки, потоки рекламы, потоки экономических и финансовых взаимодействий, слишком интенсивный городской ландшафт. Исследование негакоммуникаций на сегодняшний день является актуальной задачей социальной философии и психологии и еще только начинается, однако уже сейчас можно выделить отдельные значимые аспекты отрицательного влияния коммуникаций на человека.

Особое место в осмыслении негакоммуникаций, на наш взгляд, занимает проблема идентичности отрицательно коммуницирующего субъекта. Известно, что проблема идентичности впервые была сформулирована Э. Эриксеном [2], и традиционно личностная идентичность понимается как сформированный и принимаемый на себя образ, отражающий все разнообразие отношений личности к окружающему миру, сопровождающийся осознанием личной

адекватности, стабильностью собственного «я» вне зависимости от динамики социальных ситуаций, способностью личности к решению возникающих задач. Личностная идентичность считается критерием взрослой и зрелой личности, отсутствие идентичности свидетельствует о незрелости человека или его психологических расстройствах.

В этой работе мы хотим показать, что неадекватные коммуникации с необходимостью приводят к кризису личностной идентичности, неадекватному и неоднозначному осознанию человеком собственного «я». Мы полагаем, что наиболее заметно кризис идентичности проявляется в многочисленных виртуальных пространствах, составляющих важную часть пространства современных социальных коммуникаций. Рассмотрим основные причины и механизмы возникновения кризиса идентичности, связанного с отрицательными коммуникациями.

Во-первых, кризис идентичности может возникать благодаря слишком интенсивному воздействию множественных виртуальных коммуникаций в IT-виртуальных пространствах. В самом деле, подобные виртуальные пространства оказываются очень «плотными» [3, 4], перенасыщенными всевозможными целенаправленными и случайными коммуникациями, так что практически любая персона в них слишком активно коммуницирует с многочисленными и разнообразными виртуальными субъектами (виртуальными личностями, виртуальными группами, виртуальными сообществами, виртуальными организациями), оказывается под воздействием очень интенсивных информационно-коммуникационных потоков. Это затрудняет однозначную идентификацию индивида с конкретной социальной группой: входя в многочисленные и разнообразные виртуальные социальные группы, человек неизбежно приходит к «размытости» собственной идентичности, теряется в океане взаимодействий, влияний, эмоций, оценок и пр. В результате возникает феномен «расщепления» субъекта виртуальных коммуникаций, который становится настолько частым, что имеет смысл говорить о множестве или «пучке» виртуальных личностей, сосредоточенных в одном субъекте, о «человеке виртуальном» со сложной личностной самоидентификацией

В связи с этим стоит особо отметить, что именно в IT-виртуальных пространствах сосредоточено множество ложной информации о различных социальных феноменах, бытуют неверные критерии оценки собственных возможностей, способностей, профессиональных и личностных качеств. Так, например, в интернет-

пространстве легко можно войти в самые разные профессиональные союзы или сообщества по интересам, не имея на это реальных оснований, и практически каждый может не только объявить, но и возомнить себя литератором, художником, ученым, творческим человеком. Это приводит к неверной самооценке, к мнимой интеграции в творческие и интеллектуальные группы – к ложной самоидентификации. Такое явление, на наш взгляд, следует расценивать как резко отрицательное, нарушающее нормальное развитие личности, критическое для ее истинной идентификации, ее подлинного становления.

Во-вторых, сам человек в виртуальных пространствах нередко сознательно конструирует множество собственных личностей: выбирает удобные, полезные для той или иной ситуации пол, возраст, внешность, психологические характеристики, отвечающие тем или иным целям виртуального общения, и меняет их в случае необходимости. Широкое поле возможных разнообразных коммуникаций в виртуальном пространстве обуславливает необходимость не только создания, но и частой смены подобных сконструированных виртуальных «личностей», а вместе с ними – и частой, а иногда и беспорядочной смены идентичности. Сильная психологическая и эмоциональная зависимость субъекта от виртуального пространства приводит к тому, что все созданные таким образом виртуальные личности продолжают сосуществовать в течение довольно длительного времени, а единая, целостная личность перманентно расщепляется и множится.

Здесь, на наш взгляд, следует остановиться на связи кризиса идентичности в виртуальном пространстве и феномене «трансформации или утраты телесности». Известно, что в виртуальном пространстве реальная человеческая телесность перестает быть значимой: и потому, что возможно конструирование иной телесности, и потому, что тело «не помещается» в виртуальном пространстве, остается в реальности, становится ненужным и забытым [5]. Но ведь именно человеческая телесность оказывается чрезвычайно важной в процессах самоидентификации, особенно этнической, гендерной и возрастной. Однако сконструированная виртуальная телесность, как правило, значительно отличается от реальной, что делает самоидентификацию, связанную с ее непрерывным осознанием, неверной, усиливает кризис идентичности.

Чрезвычайно важным представляется следующее обстоятельство: ситуация кризиса идентичности принципиально не меняется и в современном реальном социуме, в социальной

реальности. С одной стороны, скорость и интенсивность социальных взаимодействий, большая плотность социального пространства, хаотичность его динамики, множественность вынужденных коммуникаций делают современный социум онтологически изоморфным пространству виртуальной реальности. Современный социум по своим характеристикам все более становится подобным пространству социальных сетей: в нем так же быстро сменяются ситуации, существует широкое поле возможностей, коммуницирует огромное множество субъектов, присутствуют неопределенность и незаконченность действий. С другой стороны, в этой сложной социальной реальности участвуют субъекты, интенсивно и часто включающиеся и в виртуальную реальность психологически и эмоционально зависящие от нее, во многом определяемые ею и переносящие в реальность «следы» виртуальности. Наложение «виртуальных» свойств социальной реальности и виртуализация отдельных социальных субъектов приводят к тому, что и в реальном социуме субъект оказывается не менее расщепленным: разделяясь и множась при помощи многочисленных социальных ролей, своих сохраняющихся и в реальности виртуальных личностей, он психологически мало чем отличается от человека виртуального и так же, как и последний, испытывает постоянный кризис идентичности. В самом деле, современный человек постоянно и активно коммуницирует с таким числом различных профессиональных, национальных, гендерных, политических групп, что просто не способен адекватно оценить информацию, необходимую для идентификации. Именно множество коммуникаций, большинство из которых являются непреднамеренными, вынужденными, назойливыми, агрессивными, т.е. отрицательными, являются тем механизмом, который обуславливает невозможность верной самоидентификации, реализует кризис идентичности.

Нельзя не упомянуть и еще одну особенность кризиса идентичности современного человека. Всякая самоидентификация связана с принятием некоторого множества базовых ценностей и смыслов, характерных для определенной социальной группы. В этом случае процесс самоидентификации можно интерпретировать как движение к постижению неких смыслов, что требует значительных интеллектуальных усилий и немалого времени. В современном же социуме, в ситуации необходимого существования множественных отрицательных коммуникаций и интенсивных информационных потоков постоянно обрушивающиеся на человека «лавины»

смыслов в принципе не могут быть постигнуты субъектом. Нередки и ситуации, когда смыслы в передаваемой информации не просто теряются, а изначально отсутствуют. Субъекты не передают друг другу и не постигают смыслов, а значит – и не могут самоидентифицироваться. Принципиальная невозможность осмысления или бессмыслица, не отличаясь познавательно, сливаются в единое поле социального абсурда, в котором исчезает сама возможность верной идентификации. Ситуация усугубляется упомянутой выше постоянной и быстрой сменой социальных ролей и профессий. Возникает эффект «отсутствия самоидентификации», на наш взгляд, типичный для огромных и пестрых социальных сообществ, например мегаполисов. Современный человек не справляется с социальной мобильностью, информационными потоками, множественными интенсивными коммуникациями, бессмыслицей происходящего и не способен идентифицировать себя.

Итак, современный человек в современном социуме постоянно испытывает кризис идентичности, связанный с воздействием на него чрезмерных и агрессивных отрицательных коммуникаций. Нарушая психологическую и личностную целостность субъекта, неадекватные коммуникации не позволяют человеку осознавать себя, верно и полезно для собственной персоны отождествлять себя с необходимыми для полноценного развития социальными группами. Неадекватные коммуникации играют такую значительную роль в формировании кризиса идентичности социального субъекта, что можно и нужно говорить о коммуникационном кризисе идентичности, который, на наш взгляд, становится для современного социума не только типичным, но знаковым феноменом. «Рецепты» преодоления коммуникационного кризиса идентичности на сегодняшний день отсутствуют, поскольку полностью избежать неадекватных коммуникаций в современном социуме невозможно. Но можно попытаться минимизировать их, а это, в первую очередь, связано с осознанием чрезмерности коммуникаций, их возможного отрицательного влияния на персону.

Список литературы

1. Павлова Н. В. Отрицательные социальные коммуникации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 51–54.
2. Эриксон Э. Идентичность : юность и кризис. М., 1996. 344 с.
3. Афанасьева В. В. Тотальность виртуального. Саратов, 2005. 103 с.
4. Гасилин В. Н., Тягунова Л. А. Виртуализация социума. Саратов, 2007. 113 с.

5. Афанасьева В. В. Homo virtualis // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 59–64.

The Phenomenon of Negative Social Communication and Identity Crisis

N. V. Pavlova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: pavlova_saratov@mail.ru

The article discusses the phenomenon of negative social communication that appears to be the cause of identity crisis in postmodern society. The author seeks to identify the problems related to self-identity formation by analyzing the social mechanisms and social factors which are involved in the process. The author claims that cyber communication, which is considered to be a distinguishing characteristic of postmodern society, has become one of the most significant factors contributing to unresolved identity issues. The author argues that the causes of identity crisis can be described with the concept of reality-virtuality continuum.

The author concludes by arguing that the absurdity and lack of coherent meaning attributed to communication in postmodern society should be also viewed as risk factors for identity crisis.

Key words: negative communication, identity, crisis, cyber communication, self-identity.

References

1. Pavlova N. V. Otritsatelnye sotsialnye kommunikatsii (Negative social communication). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 2, pp. 51–54.
2. Erikson E. *Identity: Youth and Crisis*. New York, 1968. 336 p. (Russ. ed.: Erikson E. Identichnost: yunost i krizis. Moscow, 1996. 344 p.).
3. Afanasyeva V. V. *Total'nost virtual'nogo* (The total character of the virtual). Saratov, 2005. 103 p.
4. Gasilin V. N., Tyagunova L. A. *Vyrtualizatsiya sotsiuma* (Digitally-mediated society). Saratov, 2007.
5. Afanasyeva V. V. Homo virtualis. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010, vol. 10, iss. 2, pp. 59–64.

УДК 130.2

ВРЕМЯ: ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ

Пилипенко Елена Александровна –

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры инженерной физики, Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: e.pilipenko@bk.ru

Статья посвящена анализу существующих противоречий в описании времени в неклассических физических парадигмах. Показано, что теория относительности и квантовая теория определяют противоположные свойства времени. Обсуждаются эпистемические основания подобных разногласий. Противоречивость фундаментальных физических теорий, в первую очередь, связана с декларацией континуальности времени в теории относительности и его возможной дискретностью в квантовой теории, что обуславливает принципиально разные способы описания действительности на микро-, макро- и мегаровнях материи. Обосновывается необходимость последовательного гносеологического исследования основных концепций времени.

Ключевые слова: время, пространственно-временной континуум, дискретность времени.

Время – важнейший бытийный феномен, фундаментальная философская и физическая категория, позволяющая описывать появление, становление, движение, развитие и исчезновение материальных и нематериальных объектов и создавать самые разные (физические, исторические, социальные, культурные) модели действительности. Достаточно упомянуть, например,

необходимость временных представлений при построении всякой значимой физической теории. Представления о времени наряду с представлениями о пространстве всегда лежат в основаниях практически любой онтологии.

Несмотря на такую значимость, проблема времени все еще далека от решения. Происхождение времени, его течение, наличие либо отсутствие единой неизменяемой его меры, однородность или неоднородность, необратимость либо обратимость, философские принципы его описания – все эти и многие другие вопросы еще недостаточно прояснены, а парадигмы времени как в естественных науках, так и в философии постоянно меняются [1–5].

Известно, что только за последнее столетие онтология времени несколько раз была переосмыслена. Еще в конце XIX в. доминировала известная концепция абсолютного времени. Начиная с работ Ньютона, считалось, что время «течет равномерно и независимо от каких-либо факторов» [6], оно было всего лишь измеряемой длительностью. Как результат, в естественных

науках время рассматривалось как величина абсолютная: временной интервал от начала какого-либо процесса до его завершения считался независимым от характера этого процесса. Постулировались и эмпирически проверялись и другие существенные характеристики времени: непрерывность, однородность, направленность из прошлого в будущее, независимость от пространства. Пространственная одновременность событий является одной из главных философских характеристик классической механики. Пространство и время считались абсолютно не связанными категориями, соотнесенными лишь через движение материальных объектов, которые, кроме того, никаким либо образом не могли повлиять друг на друга. Эти представления и составили основания абсолютной концепции времени, существованию которой обязана своим становлением вся классическая наука.

Наряду с этим в эпистемологии и в позитивных науках времени приписывалась некая особость: оно всегда полагается «сложнее» пространственных координат, определяется как самостоятельный континуум со специфическими свойствами. Временные изменения труднее наблюдать, в отличие от пространства, время скрыто, невидимо, загадочно, мнимо, даже мифично. Мифом, например, является всем известная необратимость времени: фундаментальные законы классической физики обратимы относительно времени. В то же время всем очевидна практическая необратимость времени в физической реальности: в прошлое нельзя вернуться, во времени нельзя двигаться в любом направлении, как это происходит в пространстве. Для ликвидации разрыва с эмпирическим восприятием времени и была введена так называемая «стрела времени», существование которой много позже было интерпретировано И. Пригожиным в терминах неравновесной термодинамики.

Ситуация существенно изменилась после создания теории относительности и квантовой механики. Первым радикальным изменением в онтологии времени стала его относительность. Относительность времени доказал А. Эйнштейн, полностью исключив традиционное понятие одновременности: «... Всякое тело отсчета (система координат) имеет свое особое время; указание времени имеет смысл лишь тогда, когда указывается тело отсчета, к которому оно относится» [7]. С точки зрения Эйнштейна, «время» есть показания часов, которые находятся в непосредственной близости от места события, и именно часы определяют основной принцип теории относительности – принцип наблюдаемости [8]. Оказалось, что часы в движущейся системе идут

медленнее, нежели в состоянии покоя. Работы Г. Лоренца и А. Эйнштейна показали, что относительность времени следует из постоянства скорости света: известно, что последняя является не только инвариантной, но и максимально возможной скоростью чего бы то ни было вообще. Одним из важных выводов, следующих из такого странного поведения света, было то, что события, одновременные в одной системе отсчета, будут не одновременными в другой при условии, что эти системы отсчета движутся относительно друг друга, – время при этом может и должно оцениваться как относительная величина.

И если пространство в специальной теории относительности теряет классические ньютоновские характеристики, то время приобретает и вовсе уж нетривиальные свойства, немислимые в физической и философской традициях. Оно может замедляться, теряет однородность, может становиться даже мнимым! В самом деле, в теории относительности при движении со скоростью больше скорости света временные отрезки измеряются в мнимых временных единицах, что, с точки зрения механики Ньютона, лишено какого-либо физического смысла. Важнейшей особенностью этих представлений является то, что они полностью сосредоточены на теории измерения: исследования происходят только с точки зрения кажущихся изменений, и именно поэтому они являются взаимными [9]. Основным источником кажимости, вполне возможно, является эмпирический подход к субъективному наблюдению, который опирается на отношение объекта к воспринимающему его субъекту, поэтому кажимость является одним из фундаментов познания согласно специальной теории относительности.

Особую роль в неклассических представлениях о времени сыграли работы Г. Минковского, которому принадлежит заслуга объединения пространства и времени в знаменитый четырехмерный континуум с неевклидовой, т.е. с непрямоугольной метрикой. Это обозначило обратную, сущностную связь времени и пространства: время можно измерять с помощью пространственных координат, а пространственные измерения можно производить с участием времени. Следует особо отметить, что четырехмерный пространственно-временной континуум предполагается существующим объективно, именно в нем происходят все мировые события, и в этом смысле он может быть охарактеризован как объективное бытие, в отличие от переживаемого непосредственно потока времени, которое представляет собой не более чем субъективное восприятие бытия.

Главный результат теории относительности заключается в том, что не существует абсолютного времени, отдельного от трёхмерного пространства, равно как не существует и абсолютного пространства с прямоугольными координатами и абсолютными расстояниями. Пространство и время, разделённые в обыденном сознании, становятся частью *единого бытийного основания* всех физических процессов. Согласно Г. Рейхенбаху, «три измерения пространства и одно измерение времени составляют четыре оси этого континуума, а физические события представлены в виде «мировых линий» <...> Настоящее время <...> лишь точка отсчета <...> Структура пространственно-временного многообразия везде одинакова, в том числе и по отношению к обоим направлениям времени» [10].

В общей теории относительности все еще более усложняется, возникает нетривиальный гносеологический феномен: время, пространство, материальные частицы, взаимодействия считаются связанными всевозможными обратными связями, так что появляется принципиальная возможность описывать все многообразие физических процессов в формализме некой единой, пока гипотетической теории, а сами пространство и время делают настолько относительными, что последние могут предполагаться даже не первичными, а эмерджентными.

Итак, теория относительности была первой физической теорией, которая радикально изменила взгляды на пространство, время и движение. С возникновением специальной теории относительности было твердо установлено, что всякое движение может описываться только по отношению к другим телам, которые могут приниматься за системы отсчета, связанные с определенной системой координат; пространство и время тесно взаимосвязаны друг с другом, ибо только совместно они определяют положение движущегося тела. Именно поэтому время выступает как четвертая координата в теории относительности для описания движения, хотя и отличная от пространственных координат. Пространство-время оказывается существующим только в совокупности с наполняющими его материальными объектами, поэтому можно утверждать, что оно сущностно связано с материей [11]. При этом под материей понимаются все реальные частицы, все физические поля, определяющие все возможные взаимодействия, а также физический вакуум с виртуальными частицами. Материя оказывается функцией пространства-времени и наоборот – пространство-время зависит от помещаемых в него материальных объектов [12].

Зависимость пространства-времени от материи определяет его неевклидову, непрямоугольную, криволинейную метрику, а также невозможность его существования до появления материи. Следовательно, пространство-время «не является вечным». Несмотря на «невечность», его генезис до сих пор точно не определен, хотя существуют знаковые космологические гипотезы, например теория Большого Взрыва и Большого Отскока, пытающиеся описать его происхождение. Но, похоже, именно здесь находится граница научного познания и начинается сфера гносеологических парадоксов. В самом деле, всякое возникновение есть временной процесс, именно поэтому описание появления самого времени становится невозможным, поскольку время еще отсутствует. Хотя очевидно, что на вопрос: может ли время начаться и закончиться или оно течет вечно? – теория относительности однозначно отвечает, что имеет начало и конец.

Итак, время с точки зрения теории Эйнштейна имеет сложную онтологию. Время сущностно связано с пространством, образуя единый *четырёхмерный пространственно-временной континуум (хронотон)*, *неоднородно, непрерывно, необратимо*, влияет на характеристики материальных объектов и само зависит от них, может замедляться, изменять свой ход (знаменитый «парадокс близнецов»).

Сложность представлений о времени в теории относительности порождает некий онтологический скепсис, определенное философское недоверие. Красивое, правильное, однородное, независимое от пространства и материи ньютоновское абсолютное время не только прекрасно постигается интуитивно, но и поддерживается метафизическими представлениями, например, представлением о Вечности или Абсолюте, неких незыблемых мировых основаниях. Неоднородное, завязанное в единый узел с пространством и материей относительное время не укладывается не только в повседневное, но и в классическое онтологическое сознание, отторгается им как слишком сложное и не постигаемое интуитивно. Подобный скепсис поддерживается еще одним важнейшим гносеологическим фактом: две великие неклассические физические парадигмы – теория относительности и квантовая теория – радикально расходятся в представлениях о времени.

Действительно, в квантовой теории возможна совершенно иная картина времени. Дело в том, что при квантовом описании возникают многочисленные физические аномалии (такие как бесконечность зарядов, бесконечность энергии), устранить которые можно либо с помощью

не имеющих физического смысла сложнейших математических спекуляций, либо введением имеющей точный физический смысл гипотезы о существовании минимального временного интервала. Идея квантования пространства и времени в микромире приводит к построению модели, в которой непрерывные в макромире пространство и время в микромире дробятся на некие «последние» элементы – так называемые элементарную длину, аналог демокритовского амера, и хронон, минимальный интервал времени [11]. Эта гипотеза вошла в современную физику как гипотеза о прерывности пространства и времени [13].

Если гипотеза о дискретности времени верна, то в микромире не существует мгновенных явлений и непротяженных, точечных процессов, поскольку длительность любого микропроцесса и размеры любого микрообъекта принципиально отличны от нуля. Но непрерывность пространства и времени необходима для описания микрообъектов с помощью дифференциальных уравнений, а именно так они описываются в квантовой механике. Но тогда квантовая механика просто игнорирует возможную дискретную структуру пространства и времени «в малом», обедняет их реальное содержание [14].

Однако можно предположить, что в микромире должна существовать пространственно-временная граница, характеризуемая некоторой минимальной длиной l и некоторым минимальным промежутком времени t , которые устанавливают нижнюю границу применимости непрерывных пространственно-временных представлений, основополагающих и для ньютоновской динамики, и для теории относительности. Итак, проблема согласования непрерывного и дискретного представлений о времени сводится к описанию предельного перехода от микро- к макро- и мегауровням мира. Возможно, «кванты» времени соединены друг с другом по такому закону, что на малых масштабах времени и длины они создают дискретную структуру, а на больших плавно переходят в непрерывное, гладкое пространство-время.

В микромире время становится и ненаблюдаемым в привычном смысле, в результате появляется множество параллельных теоретических моделей описания, даже таких, которые вовсе не используют пространственно-временного формализма. В микромире возможны ситуации, когда теряют смысл классические временные отношения «раньше» – «позже», и исследователи имеют дело со связанными «комками» событий, которые взаимно друг друга обуславливают, но не следуют одно за другим [15]. Принцип при-

чинности в квантово-механических системах тоже становится сомнительным, теряют классические смыслы каузальные связи, и вводится предел применимости причинно-следственного описания, которое теперь выступает лишь как макроскопическая аппроксимация.

Таким образом, описания времени в различных неклассических физических теориях на сегодняшний день существенно расходятся. В теоретической физике существуют альтернативные теории природы, основанные на противоположных представлениях о структуре времени и пространства, а фундаментальной проблемой теоретической физики становится создание единой теории, которая сможет заменить ньютоновскую, фальсифицированную фактами, но внутренне непротиворечивую. Провести это объединение на основании классических и даже традиционных неклассических представлений о времени, по-видимому, невозможно. Вот почему возникают все новые и новые революционные идеи, такие как многомерность, эмерджентность и структурированность времени [16]. Время все еще остается самым загадочным феноменом, а современная физика не справляется с его описанием, поэтому сравнительный эпистемологический анализ самых значимых концепций времени представляется необходимым.

Список литературы

1. Аскин Я. Ф. Проблема времени, ее философское истолкование. М., 1966. 200 с.
2. Аскин Я. Ф. Бесконечность Вселенной во времени // Бесконечность и Вселенная. М., 1969. С. 156–168.
3. Мостепаненко А. М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М., 1974. 240 с.
4. Свечников Г. А. Причинность и связь состояний в физике. М., 1971. 184 с.
5. Иванов В. Г. Детерминизм в философии и физике. Л., 1974. 196 с.
6. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / пер. с лат. и прим. А. Н. Крылова. М., 1989. 688 с.
7. Эйнштейн А. К электродинамике движущихся тел // Эйнштейн А. Собр. науч. тр. : в 4 т. Т. 1. Работы по теории относительности. 1905–1920. М., 1965. С. 56–57.
8. Эйнштейн А. Физика и реальность / пер. с англ., под ред. У. И. Франкфурта. М., 1965. 359 с.
9. Уитроу Дж. Естественная философия времени / пер. с англ., под ред. М. Е. Омеляновского. М., 2003. 400 с.
10. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени / пер. с англ., под ред. Ю. Б. Молчанова, Ю. В. Сашкова. М., 1962. 344 с.
11. Афанасьева В. В. Онтология научной неопределенности. Саратов, 2007. 105 с.

12. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М., 1983. 1628 с.
13. Чудинов Э. М. Пространство и время в современной физике. М., 1969. 590 с.
14. Вьяльцев А. Н. Дискретное пространство-время. М., 2006. 400 с.
15. Баращенко В. В. Об экспериментальной проверке принципа причинности // Вопр. философии. 1965. № 2. С. 110–116.
16. Афанасьева В. В., Кочелаевская К. В., Лазерсон А. Г. Пространство : новейшая онтология / под общ. ред. проф. В. В. Афанасьевой. Саратов, 2013. 223 с.

Time: Relative Ontology

E. A. Pilipenko

Saratov State Agrarian University
1, Teatralnaya sq., Saratov, 410012, Russia
E-mail: e.pilipenko@bk.ru

This article is devoted to ontological analysis of non-classical notions of time and existing contradictions in the description of the time in the major non-classical physical paradigms. It is shown, that the Relativity and the quantum mechanics postulate opposite properties of time, which are significantly different from ones postulated in Newtonian mechanics. Epistemic grounds of such differences are discussed. Contradictory of fundamental physical theories firstly is related with a declaration of continuity of time in relativity theory and its discrete nature of the quantum theory, and it causes fundamentally different ways of describing the reality on the macro-and mega-levels matter. Need for ontological analysis of sequential time and epistemological study of its basic concepts is justified.

Key words: time, space-time continuum, discrete of time.

References

1. Askin Ya. F. *Problema vremeni, ee filosofskoe istolkovanie* (ProTime problem, its philosophical interpretation). Moscow, 1966. 200 p.
2. Askin Ya. F. Beskonechnost Vselennoy vo vremeni (Infinity of the universe in time). *Beskonechnost i Vselennaya* (Infinity and the universe). Moscow, 1969. 166 p.
3. Mostepanenko A. M. *Prostranstvo i vremya v makro-, mega- i mikromire* (Space and time in macro- and mega-microcosm). Moscow, 1974. 240 p.
4. Svechnikov G. A. *Prichinnost i svyaz sostoyaniy v fizike* (Causality and communication conditions in physics). Moscow, 1971. 184 p.
5. Ivanov V. G. *Determinizm v filosofii i fizike* (Determinism in philosophy and physics). Leningrad, 1974. 196 p.
6. Nyuton I. *Mathematical principles of natural philosophy*. Cambridge, 1972. 379 p. (Russ. ed.: Nyuton I. *Matematicheskie nachala naturalnoy filosofii*. Per. s lat. i prim. A. N. Krylov. Moscow, 1989. 688 p).
7. Enshteyn A. On the electrodynamics of moving bodies. *Annalen der Physik*, 1905, pp. 891–921. (Russ. ed.: Enshteyn A. *K elektrodinamike dvizhushchikhsya tel*. Moscow, 1965, pp. 56–57).
8. Enshteyn A. *Physics and reality*. Franklin Institute, 1936, pp. 313–347 (Russ. ed.: *Fizika i realnost*. Per. s angl., pod red. U. I. Frankfurt). Moscow, 1965. 359 p.
9. Uitrou D. *The natural philosophy of time*. London; Edinburgh, 1961. 379 p. (Russ. ed.: Uitrou D. *Estestvennaya filosofiya vremeni*. Per. s angl., pod red. M. E. Ome-lyanovskiy). Moscow, 2003. 400 p.
10. Reykhenbakh G. The direction of time. Cambridge, 1962. 396 p. (Russ. ed.: Reykhenbakh G. *Napravlenie vremeni*. Per. s angl., pod red. Yu. B. Molchanov, Yu. V. Sachkov). Moscow, 2003. 364 p.
11. Afanaseva V. V. *Ontologiya nauchnoy neopredelenosti* (Ontology of scientific uncertainty). Saratov, 2000. 105 p.
12. *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* (Great encyclopedic dictionary). Ed. by A. M. Prohorov. Moscow, 1983. 1628 p.
13. Chudinov J. M. *Prostranstvo i vremya v sovremennoy fizike* (Space and time in modern physics). Moscow, 1969. 590 p.
14. Vyaltsev A. N. *Diskretnoe prostranstvo-vremya* (Discrete space-time). Moscow, 2006. 400 p.
15. Barashenkov V. V. Ob eksperimentalnoy proverke print-sipa prichinnosti (On the experimental verification of the principle of causality). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1965, vol. 2, pp. 110–115.
16. Afanaseva V. V., Kochelaevskaya K. V., Lazerson A. G. *Prostranstvo: noveyshaya ontologiya* (Space: the latest ontology). Ed. by prof. V. V. Afanaseva. Saratov, 2013. 223 p.

УДК 7.037/038::001.1

АВАНГАРД КАК «НАУЧНОЕ» ИССЛЕДОВАНИЕ ИСКУССТВА

Попов Денис Александрович –

кандидат философских наук, доцент кафедры этики и эстетики,
Саратовский государственный университет
E-mail: pvden@yandex.ru

Статья посвящена воздействию научно-технических достижений начала XX в. на авангардное искусство. Прослеживаются основные направления влияния науки на авангард: прежде всего, это заимствование художниками анализа и синтеза как ведущего творческого метода. «Художественная материя» подвергалась разложению на простейшие элементы, свойства которых детально исследовались и демонстрировались публике, затем из элементов синтезировалось новое произведение, тем самым отвергалось подражание природе, копирование реально существующих объектов. Новое произведение обладало новыми, возникшими в результате экспериментов свойствами. Авангард также подражал науке в непрерывном самообновлении, стремясь развиваться столь же динамично, однако авангардистам не удалось выявить значения простейших художественных форм, которые можно было интерпретировать по-разному, результатом стало возникновение постмодернистского искусства. **Ключевые слова:** искусство, авангард, наука, анализ и синтез, метод, художественные формы.

Авангардное искусство, пережившее свой расцвет в первой половине XX в., остается предметом жарких споров как среди публики, так и среди профессиональных критиков. Несмотря на то, что статус его признан и утвержден, а мастера авангарда стали классиками и заняли свое место в истории искусства, сделанное ими по-прежнему нуждается в более глубоком осмыслении, особенно в контексте наступившей эпохи постмодерна и информационного общества.

О том, что авангард – порождение своего времени и неразрывно с ним связан, писали уже современники [1, с. 13]. Вместе с тем упомянутая связь, на наш взгляд, до сих пор не подвергалась детальному анализу, пишущие об авангарде ограничивались, как правило, самыми общими указаниями на то, что он есть искусство эпохи масштабных научных открытий и технических изобретений, но как именно мировоззрение эпохи научно-технической революции влияло на характер творчества авангардистов специально и подробно не исследовалось. Вместе с тем, на наш взгляд, понять авангард можно только в контексте воздействия на умы современников грандиозных научно-технических достижений начала XX в.

Наука в этот период вновь подтвердила свой статус ведущей области духовной деятельности человечества, определяя собой мировоззренческие доминанты большинства современников. В то же время восприятие науки в начале XX в.

уже заметно отличалось от того мифологизированного образа «научности», что сложился в умах просвещенной публики XVIII–XIX вв.

Прежде всего, масштабность научно-технических достижений оставила далеко позади многие самые смелые фантазии XIX в. Создаваемая на основе новейших научных достижений техника поражала воображение, меняла привычную среду обитания, открывала новые возможности, бесконечно расширяя границы доступного человеку. Автомобили и электричество, аэропланы и радиосвязь, телефон и телеграф стали рукотворными чудесами, порожденными научным знанием.

Одновременно «научная революция» А. Эйнштейна продемонстрировала, что в науке нет ничего раз и навсегда установленного, что она с легкостью отбрасывает свои прошлые убеждения ради новых представлений и концепций. Привычная, устоявшаяся «механистическая» картина мира, создававшаяся наукой на протяжении XVIII – первой половины XIX вв., исчезла, рассеялась, и многими, в том числе и художниками авангарда, подобная трансформация воспринималась как некая мировоззренческая катастрофа. «Все стало неверным, шатким и мягким. Я бы не удивился, если бы камень поднялся на воздух и растворился в нем. Наука казалась мне уничтоженной: ее главнейшая основа была только заблуждением, ошибкой ученых, не строивших уверенной рукой камень за камнем при ясном свете божественное здание, а в потемках, наудачу и на ощупь искавших истину, в слепоте своей принимая один предмет за другой» [2, с. 29].

Но «самоуничтожение» науки обернулось только ее триумфом, открытием новых горизонтов. Это заставляло видеть в ее развитии некий эталон, образец, который, будучи перенесенным на иные области духовной деятельности, мог дать аналогичный впечатляющий результат. Отсюда сознательное и бессознательное равнение авангардистов на науку, попытки «заимствовать» ее методы и одновременно желание оттолкнуться от нее, стремление найти в науке то, что сделало бы искусство столь же успешным, но и стремление сохранить дистанцию, оградить специфику искусства от ее возможного поглощения scientизмом.

Авангардисты, как правило, не имели специального научного образования и были знакомы с наукой как бы со стороны, и все же они довольно четко формулировали для себя, в чем состоит специфика научных методов и благодаря чему наука и техника добились столь впечатляющих результатов. Прежде всего, авангардисты обратили внимание на аналитизм, свойственный науке. Наука, как им представлялось, непрерывно разъединяла материю на все более и более простые составные элементы, детально выявляя свойства каждого из них. Затем наступала стадия синтеза, когда выявленные и исследованные простые элементы комбинировались заново, позволяя создавать новые системы с новыми свойствами в виде технических конструкций, служащих человеку.

Этот путь казался привлекательным художникам авангарда, которые подозревали, что если так же «разъять» материю искусства и выявить те отдельные элементы, из которых она состоит, то можно точно так же изучить их возможности и свойства, которые сами по себе уже могли обладать несомненной художественной ценностью. Не менее важным оказывался и синтез, который становился своего рода алхимической ретортой, где ранее выявленные и сплавленные воедино элементы должны были способствовать таинственному рождению нового произведения искусства.

Такое творчество изначально отрицало всякий мимесис – подобно тому, как техническое устройство не есть прямое копирование природы, а есть созданная человеком новая сущность, превосходящая природные объекты, точно так же и новое произведение искусства оказывалось не подражанием какому-либо природному объекту и не его описанием, а самоценным эстетическим творением. Это объясняет причину последовательного движения авангарда к беспредметности, поскольку миметическое, подражательное искусство никогда не смогло бы превзойти объект своего подражания, и лишь беспредметное творчество открывало, как казалось авангардистам, новые неограниченные возможности, подобные возможностям научно-технического конструирования, «превосходящего» природу своими результатами. «Создать нечто, что не копировало бы природы и, однако, обладало бы определенным содержанием», – вот задача, которую ставит перед собой авангард, и такая задача оказывается более высокой, чем те, что ставило перед собой традиционное искусство [3, с. 243].

Имитация научного метода художниками авангарда часто осуществлялась интуитивно, они «на ощупь» выявляли опытным путем возможности отдельного цвета, формы, фактуры, звука, а

также возможности их комбинаций между собой. Однако среди них немало было и тех, кто подражал «научной деятельности» вполне осознанно и переводил свои исследования на рациональный язык науки, сопровождая свои произведения теоретическими работами. При этом для описания свойств простейших художественных элементов использовалась терминология, во многом копирующая «научную»: характеризуя цвета, формы, звуки, художники говорили о «силах», «напряжениях», «энергии», «движении».

Среди теоретиков нового искусства особую активность проявляли ведущие представители русского авангарда, которые оставили после себя значительное количество программных сочинений, являющихся своего рода комментарием к их творчеству и его обоснованием. Пристального внимания в данном случае заслуживает творчество В. Хлебникова, К. Малевича, В. Кандинского как наиболее видных деятелей русского авангардного искусства, но отметим, что аналитикой по образцу научной методологии занимались не только они, но и многие менее известные авангардисты, пытавшиеся выявить свойства художественных элементов и выстроить на основании проведенного анализа свою собственную художественную систему.

Отметим, что для всех рассматриваемых нами теоретиков характерно некое притяжение-отталкивание по отношению к науке. Они подражали ее методам и одновременно подчеркивали неизбежно существующие различия между наукой и искусством.

Велимир Хлебников – один из немногих авангардистов, имевших обширные познания в области научных достижений своей эпохи, сам занимавшийся в юности научной работой [4]. Это не мешало ему скептически относиться ко многим из популярных в его время научных концепций, и отрицая, к примеру, марксизм и дарвинизм [1, с. 80], Хлебников не оставлял попыток создать свою собственную, «настоящую» науку об истории. Математические теории, созданные им, стремились зафиксировать некие повторяющиеся числовые закономерности в мировых событиях. Но гораздо более интересны его «научные» исследования в области стихотворчества. Объектом изучения для Хлебникова стал звук как первичный «атом» поэтического произведения. Каждому звуку он приписывал выявленное им особое значение, затем, переходя к синтезу, рассматривал результаты их различного сочетания между собой. В итоге возникла особая поэтико-фонетическая система, воздействующая на слушателя не прямыми смыслами, а теми, которые интуитивно рождались из различных

комбинаций звуков. Непосредственная передача привычного смысла устранилась, чтобы уступить место глубинному уровню коммуникации, основанному на имманентно присущих звукам значениях. Свою задачу Хлебников видел в создании единого для всех народов языка, который стал бы «новым собирающим вихрем, новым собирателем человеческого рода» [5, с. 154].

В аналогичном направлении, но в области живописи двигались Казимир Малевич и Василий Кандинский. Малевич провозгласил освобождение живописных «форм» от смысла, формы, обретшие самостоятельность, лишённые смысловой нагрузки, должны были явить зрителю свой истинный облик и интуитивно постигаемую, подлинную сущность. Живопись, по определению Малевича, «есть сконструирование цвета в общую массу, которая является живописной тканью» [6, с. 235], из нее последовательно устраняется все, что является, по мнению Малевича, чуждым живописному искусству, привнесённым в него извне, т. е. любая предметность и любые смыслы, связанные с научным, религиозным или иным мировоззрением. В результате такого «разложения» остаются лишь цвета и формы, которые «стремятся выразить тайную силу ощущений» [6, с. 77], «явление» которых публике и есть подлинное назначение искусства. При этом Малевич не скрывает, что данный подход во многом заимствован у науки, которая, по его мнению, «занята соединением и разъединением явлений», и такой же должна стать и всякая человеческая деятельность, которая «заключается в этой одной беспредметной работе соединений и разъединений элементов, нужность или ненужность последних останется неразрешенной» [6, с. 133].

Еще более последователен и систематичен в своих исследованиях В. Кандинский. Подобно Хлебникову, он получил университетское образование, привившее ему любовь к науке и научным исследованиям, отсюда гораздо большее, чем у Малевича, наукоподобие его сочинений и декларируемое желание создать «настоящую» науку о живописи. В своих работах «О духовном в искусстве» [7] и «Точка и линия на плоскости» [2] он детально исследует значение каждого живописного элемента (цвета, геометрических форм), его внутренний смысл и воздействие на зрителя. Он изучает также их возможные комбинации, возникающие напряжения и чувства, которые они выражают. При этом каждая из исследуемых им форм оказывается «объективной» по своему содержанию, т. е. ее значение имманентно ей присущему и не зависит от субъективного восприятия зрителя.

«Аналитическое искусство» П. Филонова также подразумевало точную и упорную проработку «каждого» атома создаваемого произведения, и лишь затем от атома можно было двигаться к живому единому организму [8, с. 207].

Отметим также, что не только признанные лидеры авангарда занимались подобными исследованиями. В мастерской «органической культуры» М. Матюшина на основании опытов выявлялись взаимосвязи между формой и цветом [9, с. 157], в области абстрактной скульптуры В. Стржеминский и К. Кобро с помощью математики формулировали закономерности ритмического расположения простейших элементов в пространстве и их воздействие на зрителя [9, с. 359].

Однако аналитизм и синтетический подход не были единственным заимствованием авангардистов у науки. Сам пафос перманентного обновления авангарда также имел «научную» природу. Искусство начало подражать «зыбкости» науки и ее стремлению к постоянному пересмотру собственных оснований, оно должно было обновляться столь же радикально, как и наука. Отсюда непрерывная смена теоретических доктрин в авангардном искусстве, постоянный отказ от концепций, которые еще вчера считались истинными, а уже завтра провозглашались устаревшими, «превзойденными». Так, К. Малевич описывает свое движение от кубизма и футуризма к супрематизму как постоянные победы и достижения, при том и сам супрематизм не оставался неизменным, а делился на периоды, и каждый из них оказывался преодолением предыдущего [6]. М. Ларионов и Н. Гончарова стремились, по наблюдению А. Г. Лукановой, к постоянному обновлению художественного с целью до конца исчерпать возможности каждого из художественных направлений, демонстрируя тем самым менталитет «настоящих авангардистов» [10, с. 165]. Это постоянное внедрение новаторских концепций должно было имитировать скорость роста научного знания, искусство, развиваясь столь же стремительно, как и наука, получало возможность достичь аналогичных впечатляющих результатов.

Итоги этих экспериментов оказались неоднозначными и совсем не теми, на которые рассчитывали их инициаторы. Теоретики авангарда, как мы видели, искренне верили, что каждый художественный элемент имеет свой собственный постоянный смысл, который можно выявить и установить. Однако они не учли, что имеют дело не с неизменными свойствами естественно-научных объектов, а с глубоко субъективным личностным восприятием как художника, так

и зрителя. На практике простейшие элементы (звуки, формы, краски) не поддавались однозначному толкованию. Их значение оказывалось не имманентным свойством, а интерпретацией, вносимой реципиентом художественного воздействия.

Проблема «неопределенности» смысла и многообразия способов восприятия оказалась непреодолимой для авангарда. Если миметические поэзия и живопись были гораздо ближе к однозначности, позволяя создавать нечто вроде авторского послания публике, то абстрактное искусство породило многолинейное прочтение произведения и сделало авторский смысл неуловимым, прокладывая дорогу постмодернистскому искусству. Несет ли в себе смысл черный квадрат Малевича или же это просто квадрат? Все зависит от того, кто на него смотрит, кто вкладывает (или не вкладывает) в него некий смысл. Простейший художественный элемент выступает здесь в качестве знака, но знака, значение которого не предзадано изначально, оно произвольно предписано художником и может быть утеряно в ходе его передачи зрителю. Ошибка авангарда заключалась в вере, что подобное неизменное значение не только есть, но и может быть достоверно выявлено хотя бы на интуитивном уровне. Таким образом, замысел «научного» искусства оказывался изначально нереализуемым.

Однако, как часто бывает, стремясь к одной цели, авангард достиг другой. В своей исследовательской работе он выявил границы возможностей искусства и отдельных, простейших его элементов, а также принципиально разный смысл «научной» и «художественной» аналитики. Тем самым он в скрытой форме способствовал угасанию «сциентистских» иллюзий в искусстве и подготавливал наступление ситуации постмодерна.

Список литературы

1. Сарычев В. А. Кубофутуризм и кубофутуристы. Липецк, 2000. 256 с.
2. Кандинский В. В. Точка и линия на плоскости. СПб., 2005. 240 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 230–263.
4. Аристов В. В. Хлебников в Казани, 1898–1908. Казань, 2001. 65 с.
5. Хлебников В. Художники мира! // Собр. соч. : в 6 т. М., 2005. Т. 6, кн. 1. С. 153–158.
6. Малевич К. Черный квадрат. СПб., 2014. 288 с.
7. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. Л., 1989. 68 с.
8. Флорковская А. К. От «культы глубокой природы» Михаила Врубеля к «сделанным картинам» Павла Филонова // Символизм в авангарде. М., 2003. С. 199–209.
9. Након А. Б. Беспредметный мир. М., 1997. 416 с.
10. Луканова А. Г. Символистские тенденции в творчестве М. Ларионова и Н. Гончаровой // Символизм в авангарде. М., 2003. С. 156–166.

Avant-garde as a «Scientific» Study of Art

D. A. Popov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: pvden@yandex.ru

This article analyzes the influence of the early XX century scientific and technological achievements on avant-garde art. The author examines the main trends in this process. Artists have borrowed methods of analysis and synthesis from science in the creativity. Artists decomposed «artistic matter» into its simplest elements. Properties of the selected elements were studied in detail. Then they create a new work from these elements. This method has rejected the imitation of nature. New products have novel properties. Avant-garde art imitated science, using the self-renewal method. However, the avant-garde has not set the values of the simplest forms of art. They could be interpreted differently. This was the reason of postmodernism appearance.

Key words: art, avant-garde, science, analysis and synthesis, method, artistic forms.

References

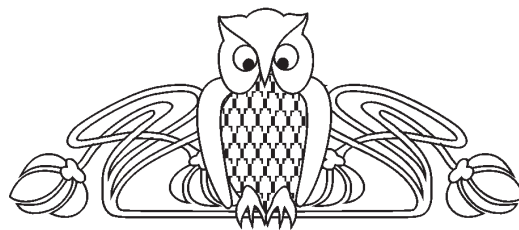
1. Sarychev V. A. *Kubofuturizm i kubofuturisty* (Cubofuturism and cubo-futurists). Lipetsk, 2000. 256 p.
2. Kandinsky W. *Punkt und Linie zu Fläche*. München, 1926. 190 s. (Russ. ed.: Kandinskiy V. V. *Tochka i liniya na ploskosti*. St.-Petersburg, 2005. 240 p.).
3. Ortega y Gasset J. La deshumanización del arte. Ortega y Gasset J. *Obras completas: 12 vol.* Madrid, 1950, vol. 3, pp. 353–386 (Russ. ed.: Ortega-i-Gasset Kh. *Degumanizatsiya iskusstva. Samosoznaniye yevropeyskoy kultury XX veka*. Moscow, 1991, pp. 230–263.).
4. Aritov V. V. *Khlebnikov v Kazani, 1898–1908* (Khlebnikov in Kazan, 1898–1908). Kazan, 2001. 65 p.
5. Khlebnikov V. *Khudozhniki mira!* (Artists of the world!). *Sobr. soch. : v 6 t.* (Collected works: in 6 vol.). Moscow, 2005, vol. 6, book 1, pp. 153–158.
6. Malevich K. *Chernyy kvadrat* (Black Square). St.-Petersburg, 2014. 288 p.
7. Kandinskiy V. V. *O dukhovnom v iskusstve* (Concerning the spiritual in art.). Leningrad, 1989. 68 p.
8. Florkovskaya A. K. От «kulta glubokoy natury» Mikhaila Vrubelya k «sdelannym kartinam» Pavla Filonova (From «cult of deep nature» by Mikhail Vrubel to «made paintings» by Pavel Filonov). *Simvolizm v avangarde* (Symbolism in the avant-garde). Moscow, 2003, pp. 199–209.
9. Nakov A. *Abstrait/Concret: Art non-objectif russe et polonaise*. Paris, 1981. 331 p. (Russ. ed.: Nakov A. B. *Bespredmetnyy mir*. Moscow, 1997. 416 p.).
10. Lukanova A. G. Simvolistskiye tendentsii v tvorchestve M. Larionova i N. Goncharovoy (Symbolist tendencies in the work of M. Larionov and N. Goncharova). *Simvolizm v avangarde* (Symbolism in the avant-garde). Moscow, 2003, pp. 156–166.

УДК130.3

СМЫСЛ ЛЮБВИ В МИСТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА

Сапунова Татьяна Алексеевна –
аспирант кафедры теологии и религиоведения,
Саратовский государственный университет
E-mail: tatochka064@mail.ru

Статья посвящена философскому осмыслению любви в контексте христианской восточно-патристической мистико-аскетической традиции, представленной Дионисием Ареопагитом. В данном ключе любовь мыслится как Абсолютное Сущее Безусловно Единое, называемое богословами Богом. По представлениям мистика, любовь является не просто именем Божиим, но и той онтологической силой, которая притягивает человека к Себе. Выделяя в любви этические и эстетические характеристики, Дионисий Ареопагит особое внимание обращает на гносеологический аспект, связанный с богопознанием и богопостижением, возможными только при устремлении души к духовному совершенствованию, осуществляемому как качественное изменение внутренней сущности человека, приводящее к обожению.

Ключевые слова: Дионисий Ареопагит, христианская мистика, любовь, Эрос, Бог, душа, обожение.

Проблема духовного бытия человека, его ориентация на систему абсолютных религиозных ценностей восточно-христианской традиции и его постижение Бога как источника любви находится в центре внимания богословской мысли. Построение отношений Бога и человека в любви – основная тема, проходящая сквозь богословские труды ранних отцов церкви. Именно поэтому любовь в христианской восточно-патристической мистико-аскетической традиции осмысливается, прежде всего, как Сущность и Имя Божье, которое дает единое и целостное бытие всему тварному миру. Рассматривая любовь в таком ключе, святые отцы обращаются к ее гносеологическому аспекту, который мыслится как мистическое постижение Божественных нетварных энергий.

Основной идеей и конечной целью мистического опыта отцы Церкви считали непрерывающийся акт обожения как мистический путь восхождения к Божеству. Для приближения к этому состоянию святые отцы избирали разные методы и средства, что послужило накоплению богатого мистического и духовного опыта и в дальнейшем формированию догматики всего христианского учения.

Согласно богословским представлениям, Бог познается через мир, поскольку Его теофания есть акт Божественной любви – некий ее круговорот, где нисхождение в мир, пребывание

в нем и возвращение к себе являются разновидностями Божественных действий. Именно поэтому проявление Божественной благодати в мире – это влияние Его имен на тварное бытие. В этом контексте многоименитость Божия показывает множественность Его «исхождений», следовательно, она обозначает многочисленность Его дел, при этом не нарушающую простоту и сверхмножественность его Бытия.

Если обратиться к сочинениям Дионисия Ареопагита, то можно заключить, что из всех Божественных имен он особо выделяет имена «Благость», «Красота», «Эрос» и подводит их под единую категорию апофатического богословия, утверждая непостижимое единство Божье как высшее Благо и источник всякой жизни. Таким образом, в его понимании, Благо не соотносится с моральной категорией, а возводится в онтологический статус. Бог-Благо творит мир из ничего и создает бытие всех существ или, говоря словами богослова: «ангелам, людям, бессловесным животным, птицам, зверям, пресмыкающимся, рыбам, амфибиям, животным, скрытым под землю <...> а за ним и бездушным растениям; и не имеющим жизни Бог дает существовать» [1, с. 696]. Причем в сочинениях Дионисия Ареопагита, посвященных этому вопросу, явно наблюдается дополнение онтологического статуса этическими и эстетическими характеристиками. Так, он утверждает, что «все сущее, возникая из Прекрасного и Добра, пребывая в Прекрасном и Добре, возвращается в Прекрасное и Добро» [2, с. 22]. Бог является совершенной Красотой, Сверхкрасотой и Всекрасотой, безначальной и бесконечной, источником и прообразом всякой красоты и всех красот. Именно через Него тварный мир получает свою красоту, т. е. стройность и меру. Небесной Красотой возжигается любовь, которая становится силой, связующей творения и Творца воедино.

Следует отметить, что преп. Дионисий Ареопагит умело связывает метафизическую эллинистическую «эотику» с библейской, наделяет ее религиозным, мистическим смыслом. Известно, что эллинистическая эротика предпо-

лагает жажду познания истины и соединение с ней, в то время как библейский смысл эротики первичной экстаичностью наделяет Божественное истинное любви, и в этом случае душевный порыв к познанию истины представляется вторичным моментом. В контексте подобного представления душа не постигает Бога, но в мистическом порыве к Нему движется по пути своего преображения.

Показательно, что, заведомо предполагая полемику вокруг Божьего имени Любовь, преп. Дионисий отправляет читателя к «божественным Речениям», где это слово не раз употребляется в Песни Песней, объясняя, что образ любви используется священнословами для обозначения того, чтобы отразить характер абсолютной любви. «Низкого ума люди, – пишет преп. Дионисий, – думают также, что речь идет о чем-то нашем, непристойном...», но на самом деле любовь «воспеваётся подобающим божественному образом» [2, с. 23]. Люди же, не вмещающая духовного смысла, воспринимают ее как частичное, сводимое только к телу, раздельное понимание любви.

Подобный методологический прием является при обращении Дионисия Ареопагита к антропологическому измерению любви, когда природа истинной Божественной любви представляется онтологическим обоснованием экстаических дарований человека, где «Божественный эрос экстаичен», поэтому любящие не могут принадлежать самим себе. Такая принадлежность определяется возлюбленным. Подтверждением этому служат и ссылки преп. Дионисия на слова апостола Павла «и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Таким образом, новозаветное определение любви совпадает с мистическим ее толкованием у Дионисия Ареопагита: человек выходит из себя к Богу, прекращая жить своей жизнью, проникает в жизнь Того, Кого он любит. «Короче говоря, – отмечает Ареопагит, – Красота и Благодать есть объект любовного желания, и Сама есть любовь (Эрос)» [1, с. 712]. Именно благодаря любви к доброму и прекрасному сотворенному миру, из-за переизбытка Своей благодати Бог оказывается за пределами Себя. Так называемое внекентическое Божественное самоумаление позволяет Богу выйти из Своего трансцендентного состояния и низвестись сверхсущественной неотделимой от Него силой вовне. В этом влечении Он побуждается к тварному и, испытывая к нему сильную любовь, обнаруживает Себя, как бы самоутвердившись в своем нетварном бытии. Интересен факт, что опытные божественные люди называют Бога Ревнителем, тем самым показывая особую ревностную заботу о сущем. Преп. Дионисий

называет Бога Производителем и Порожителем, который не может не печься о творении. Мистик старается дать рациональное объяснение бесконечной и безначальной Божественной любви, используя при этом схему совершающего движение вечного круга, где любовь происходит, пребывает и возобновляется по единой предвечно положенной модели.

Как показывает наблюдение богословов, ответом на божественную любовь является устремление души к выходящему из Себя Высшему Божественному Эросу. В этом экстаическом состоянии душа приобретает божественные качества и, соединившись с Богом энергийно, выходит из себя и становится всецело Божьей.

Основанный на мистических интуициях язык духовных созерцателей тайн Божьих описывает озарение человека непреступным светом «божественного гнозиса», познаваемого через неведение. Именно посредством этих «сверхсущественных лучей божественного мрака» человеческий ум выходит из себя и, насыщаясь Божественным эросом, онтологически очищается и обновляется.

В целом учение о любви у преп. Дионисия Ареопагита сводится к гносеологическому вопросу о богопознании, теснейшим образом связанному с процессом мистического восхождения к Богу, и состоит из трех стадий: *katharsis*, *fotismos*, *teleiosis*. Согласно их трактовке, первая стадия предполагает очищение человеческого ума и освобождение его духа «от всякой разнообразной смеси» – от чувственно-материального содержания. Для *katharsis* характерен этический момент, предполагающий исполнение заповедей, стремление человека к удалению от всякой нечистоты.

Вторая стадия содержит в себе начальный уровень гносеологического постижения Бога, *fotismos* возводит человека к созерцанию, где душа озаряется Божественным светом, «который никогда не теряет внутреннего своего единства, хотя по своему благодетельному свойству и раздробляется для того, чтобы сраствориться со смертным срастворением, возвышающим их горе и соединяющим их с Богом. Он и сам себе остается и постоянно пребывает в неподвижном и одинаковом тождестве, и тех, которые надлежащим образом устремляют на Него взор свой, по мере их сил, возводит горе, и единотворит их по примеру того, как он сам в себе прост и един» [3, с. 322]. По подобию Божественной простоты человек, приближаясь к Божеству, достигает состояния *aplosis'a* (упрощения души), с помощью которого способен воспринимать Божественное озарение.

Последняя (третья) стадия – teleiosis – является высшей стадией богопознания и высшим совершенством человеческого духа. Восточно-христианская мистическая традиция утверждает, что, приближаясь к высшему состоянию мистического гносиса, человек достигает вершины созерцания и проникает в тайну божественной жизни, приобщаясь Божественной любви. Таким образом, преп. Дионисий показывает обратную связь души с Богом и ее соединение с Божественным эросом как мистическом пути богопознания.

Исключительный аспект Божественного эроса выделяется преп. Дионисием в гимнах о любви святейшего Иерофея, включенных в его труд «О Божественных именах», где он определяет Божественный эрос как «некую соединяющую и связывающую Силу, подвигающую высших заботиться о низших, равных обращаться друг с другом, а до предела опустившихся вниз обращаться к лучшим, пребывающим выше» [2, с. 24]. В данном ключе преп. Дионисий указывает на всеобъемлемость и всеединство всех божественных, ангельских, умственных, душевных, физических существ, связанных «небесным Эросом».

Согласно вышеизложенному, Божественная любовь структурирует весь тварный мир и соединяет его в гармоничную систему. Так небесная и земная иерархия Дионисия образуют стройный порядок во всем мироздании. Расположение духовных существ и человеческих душ на мистической лестнице духовного восхождения определяется степенью возможности постижения Божественной любви, которая в ангельском мире передается от чина к чину. Ангелы, являясь посредниками Божественного откровения, вестниками Его воли и тайн, сообщают миру божественный свет.

В представлении преп. Дионисия небесная иерархия строится на соподчинении: низшие чины подчиняются высшим, а высшие получают просвещение непосредственно от Бога, озаряясь «простыми и непосредственными озарениями», научаются премудрости Божественных дел. Первые чины, самые близкие к Богу, обладают первоначальным знанием и ведением «пресветлых тайн». Серафимы, Херувимы и Престолы предостоят как бы «в преддверии Божества». Они пламенеют и горят Божественной любовью больше других. Об этом свидетельствуют и их имена, точно обозначающие сущностные характеристики каждого из них.

Вторая иерархическая ступень, представляемая Господствами, Силами и Властями, находится в другой плоскости и получает только вторичное озарение и откровение. Начала, Ар-

хангелы и Ангелы составляют третью ступень в Небесной иерархии. Они являются связующим звеном между небесной и земной иерархией, передавая Божественную любовь в дольний мир.

Итак, сочинения преп. Дионисия ясно показывают, что движение его мысли от горнего священноначалия переходит к земной Церкви, предоставляя рациональное обоснование существования церковной иерархии, оправдывая создание церковной общины богоугодностью, «делом от Бога исходящим». Ареопагит объясняет, что приступая ближе к священному, «мы и сами становимся ближе к высшим нас сущностям». Так происходит совершенствование в Боге, способное осветить и приблизить к Божественной любви.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что познание Бога по Дионисию Ареопагиту зависит от принятия душой Божественного эроса, благодаря чему человек уподобляется и соединяется с Абсолютом любви. При благодатном воздействии на внутренний мир человека в нем происходит изменение, которое преображает все человеческое естество. В стяжении Божественной любви и заключена цель человеческой жизни, достигающаяся вовлечением в богоустановленную структуру иерархии, объединяющую небесную и земную церкви в единый организм.

Список литературы

1. Corpus Dionysiacum I : Pseudo-Dionysius Areopagita. De divinis nominibus // Patristische Texte und Studien, Berlin ; N.Y., 1999. 238 с.
2. Антология. Восточные отцы и учителя церкви V века. М., 2000. 416 с.
3. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб., 2002. 859 с.

The Meaning of Love in the Mystical Teachings of Dionysius the Areopagite

T. A. Sapunova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: tatochka064@mail.ru

The article is devoted to the philosophical understanding of love in the context mystical and ascetic tradition of the Eastern Orthodox patristics represented by Dionysius the Areopagite. According to this school of thought love is interpreted as the Absolute Sole Essence, which means God in theology. The mystic believes that love is not simply the name of God, but also the ontological force that attracts a person to Himself. Dionysius highlights ethical and aesthetic characteristics of love and pays special attention to the epistemological aspect related to the perception and comprehension of God. These doings are possible only if the soul strives for

spiritual perfection, carried out as a qualitative change in the inner essence of person, which leads to theosis.

Key words: Dionysius, Christian mysticism, love, Eros, God, soul, deification.

References

1. Corpus Dionysiacum I: Pseudo-Dionysius Areopagita. De divinis nominibus. (Dionysius the Areopagite. *On the*

Divine Names). *Patristische Texte und Studien* (Patristic texts and studies). Berlin; New York, 1999. 238 p.

2. *Antologiya. Vostochnye ottsy i uchiteli tserkvi V veka* (Anthology. Eastern Fathers and the teachers of the church of V century). Moscow, 2000. 416 p.

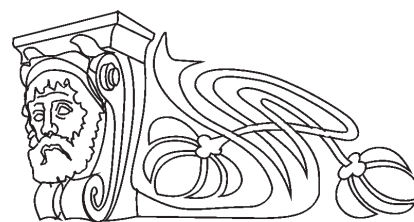
3. *Dionisy Areopagit. Sochineniya. Tolkovaniya Maksima Ispovednika* (Dionysius the Areopagite works. Interpretations of Maximus the Confessor). St.-Petersburg, 2002. 859 p.

УДК 008+37.013.2

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Фадеева Ирина Евгеньевна –

доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии, Сыктывкарский государственный университет
E-mail: iefadeeva@mail.ru

В статье рассматривается современный культурогенез в аспекте деятельности индивидуального сознания. Особое внимание уделяется экзистенциальным истокам культурогенеза как процесса порождения, восприятия и понимания текстов культуры. Экзистенциальная рефлексия, по мнению автора, является необходимым условием для интеллектуальной деятельности человека и в то же время основой для создания текстов культуры. Процесс порождения текста предстает как результат трансформации нерасчлененных экзистенциально переживаемых смыслов в социально признанные языки и коды культуры. Противоречие экзистенциального смысла и социально легитимного (коммуникативного) значения – основной экзистенциальный парадокс культурогенеза. Исходя из представленных общих теоретических и методологических положений, автор статьи обращается к проблеме образования и, в частности, к вопросам теории и практики культурологического образования. Делается вывод о значимости культурологического образования в процессах современного культурогенеза.

Ключевые слова: культурогенез, культурологическое образование, экзистенциальная рефлексия, смысл, значение, современная культура.

Непрекращающиеся дискуссии о природе культурологического знания и месте культурологии не только среди других наук, но и в сопоставлении с изучением культуры в европейской и американской традициях дают основания для очередного обращения к этой проблеме. Экзистенциально-рефлексивная природа культурологии определяет ее постоянную озабоченность собственным присутствием в мире, наподобие ленты Мёбиуса превращая знание о культуре как о некоем внеположном наблюдателю *объекте* в

знание культурой *себя как субъекта*. Постоянная экзистенциальная тревога культурологии отнюдь не является свидетельством ее научной ущербности – она свидетельствует как раз об обратном: о зрелости философско-гуманитарных подходов, в интеллектуальном поле которых оформилась отечественная культурологическая мысль.

В этом контексте немаловажным представляется вопрос о возможности (или невозможности) обоснования культурно-национальной научной специфики культурологии. Казалось бы, при очевидной универсализации знания следует согласиться с рядом однозначно формулируемых позиций относительно прагматической роли культурологии и ее нацеленности на решение конкретных социально и социокультурно значимых задач, что позиционирует культурологию как научную парадигму, по определению не обладающую никакой культурно-национальной спецификой. Между тем вопрос может быть поставлен и в другой плоскости: в частности, с учетом рефлексивности культурологической мысли, так или иначе обращенной на самообоснование исследователя как носителя той или иной культурной традиции, вырисовывается значимость культурологического знания как фактора самосознания/самоконструирования культуры, а значит и культурогенеза. Культурный аутопойезис осуществляется как культурология.

На наш взгляд, можно говорить об очевидном обособлении в рамках отечественной куль-

турологической мысли двух связанных, но не всегда совпадающих подходов: «текстоориентированного» и «социоориентированного». С одной стороны, это ориентация на социально-культурные практики и феноменологию *homo faber* – человека деятельного, социально креативного, «умелого», ставящая акцент, соответственно, на прагматической значимости социально-культурного действия (и в этом аспекте отечественная культурологическая мысль хорошо вписывается в западные исследовательские практики *cultural studies*). С другой стороны, это нацеленность на текст как наиболее полную репрезентацию сознания, а значит – «внутреннего» человека, в полноте его экзистенциального и трансцендентального опыта. Конечно, в идеале, оба подхода не только не противоречат, но и дополняют друг друга, однако в реальном движении культурологического знания все больше представляют собой расходящиеся векторы познавательной деятельности. В обоих случаях налицо антропологическая фундаментация культурологии – прагматический или экзистенциальный аспекты при всей их противоположности встроены в общую культурно-антропологическую парадигму знания, центрированного самообоснованием человека.

Можно утверждать, что традиция отечественной культурологии формировалась в рамках текстоориентированной модели, обращенной к сознанию человека, а поэтому изначально антропологически заданной. Еще в начале прошлого века известный русский религиозный философ В. Ф. Эрн писал, что «персонализм русской мысли имеет существенный, а не случайный характер» [1, с. 90], персонализм как «подчеркнутая значительность личности ее (философии. – И. Ф.) творцов и создателей» [1, с. 89]. В этом ключе герменевтико-семиотическая методология стала основанием собственно культурологических исследований, продолжая, в отечественном варианте, линию Г. Г. Шпета и М. М. Бахтина. *Экзистенциальная персонология* – внутреннее ядро отечественной культурологии, определяющее ее антропологически заостренный настрой.

Важно отметить, что эта культурологическая модель определяется не просто идеей/образом человека, укорененного в культуре, природа которого может быть понята в то же время и как социально-деятельная – человек как *homo faber* в веере его социально-культурных практик, – но обоснованием человека как понимающего и производящего тексты. Последнее обстоятельство не всегда учитывается даже в тех исследованиях, которые ориентированы на понимание социокультурной природы человека, на продолжаю-

щее П. А. Сорокина понимание общества как единства культуры и социальности и на идеи М. С. Кагана о человеке как о био-социо-культурном существе [2, с. 55]. Справедливым, в частности, представляется определение социокультурного подхода к человеку и обществу Н. И. Лапина, утверждающего, что в основании специфики такого подхода лежит интеграция «трех измерений человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности)» [3, с. 4].

Однако собственно социологическое обоснование социокультурного подхода без учета репрезентативно-символических (и, соответственно, понимающих, интерпретационных аспектов, значимых и для П. А. Сорокина, и для М. С. Кагана) аспектов ставит во главу угла «*homo activus*» как «многомерное, био-социокультурное существо, реализующее себя в социальных действиях» [3, с. 6], т.е., по своей сути, *овнешненного* и, в конечном счете, прагматически ориентированного человека, оставляя в стороне его экзистенциальную природу. Но именно экзистенциальность, которая, как пишет С. А. Лебедев, «выражается не только в том, что человек есть постоянно рефлектирующее существо <...> но и всегда открытый и незавершенный проект с неопределенным будущим» [4], определяет также, в конечном счете, возможность смысло- и текстопорождения, в том числе и в социальной деятельности, в процессе социальных практик. Следует согласиться с утверждением Лебедева о том, что человек – это био-социо-культурно-экзистенциальное существо: «...экзистенциальная напряженность человеческой жизни состоит в необходимости постоянного структурирования и переструктурирования проблемного поля своего существования» [4]. При этом нужно добавить, что такое структурирование сопряжено, прежде всего, с производством смыслов, реализуемым посредством порождения текстов. Но понимание и производство текстов определяется не только и не столько социальными или универсально-когнитивными характеристиками – «...действие индивида осуществляется сразу по двум осям: по оси мыслительной рефлексии (анализ-синтез) и по оси коммуникации» – пишет, например, Н. И. Лапин [3, с. 7]), но экзистенциально и персонологически: человек предстает как «*внутренний*» человек; единичное не только представляет общее, но и, выходя за его пределы, придает ему новую всеобщность.

Между тем, как писал М. Шелер в 1929 г. (и эта ситуация не только не разрешилась сегодня, но еще более заострилась), «ни в одну историческую эпоху взгляды на сущность и истоки

человека не были более зыбки, неопределенны и многообразны, чем в наше время <...> Наша эпоха оказалась за примерно десятитысячелетнюю историю первой, когда человек стал целиком и полностью “проблематичен”» [5, с. 132]. Однако, как утверждает Шелер, основным направлением истории самосознания человека является «рост и усиление» этого самосознания [5, с. 133]. Культурология представляет собой самосознание и самообоснование не только собственно культуры как внебиологически выработанного способа и опредмеченного результата человеческой деятельности или как самоорганизующейся и саморазвивающейся системы («суперсистемы», согласно П.А. Сорокину), что, несомненно, справедливо, но прежде всего самосознание и самообоснование человека.

В этом контексте культурологические аспекты образования могут рассматриваться в принципиально новом качестве. И дело не только в том, что задачей образования является формирование личности, ее социализация и инкультурация, т.е. встраивание человека в системы ценностей, норм и смыслов окружающего и проективно моделируемого *социума*. Дело заключается в создании имманентных человеку форм интеллектуальной и символической – смыслопорождающей – деятельности, глубоко укорененной в *экзистенциально переживаемой* культуре в единстве ее истории и современности. Именно последнее обстоятельство представляется наиболее значимым.

Являясь практической культурологией, педагогическая деятельность направлена, прежде всего (повторим), на социализацию и инкультурацию индивида, т.е. предполагает работу с сознанием учащегося. Но если социализация – это встраивание индивида в систему социальных ценностей, норм и значений (в культуру, как определял ее П. А. Сорокин), то возникает вопрос о характере современной социальности и проблематизация возможности/необходимости ее интериоризации индивидом. При агрессивной экспансии массовой культуры все более очевидными становятся серьезные изменения сознания человека, форм социальности и форм текстовой деятельности. Наступившее «Второе Просвещение», не отменив классического Просвещения XVIII в. и не перестроив его историческую диалектику в непротиворечивый процесс поступательного движения, создало новые парадоксы и интеллектуальные воронки, не всегда легко преодолеваемые творческими усилиями личности. Конечно, можно отметить привлекательность идеи смены образовательной парадигмы и движения в сторону ориентации на целостного

человека, формирования творческих (а не только знаниевых) компетентностей и т.д. Традиционное деление знаний на абстрактные, теоретические и профессиональные с этой точки зрения представляется как неадекватное современным образовательным задачам. Оставив в стороне риторический вопрос о том, насколько возможно творчество без знания, обратим внимание на экзистенциальные истоки творчества (причем творчества и интеллектуального, и художественного, и технологического), интерес к которым в рамках русской религиозно-философской мысли выразил общий настрой отечественного культурогенеза. «Мысль остается мыслью, – писал В. Ф. Эрн, – независимо от того, выковывается ли она на “медленном огне теоретического размышления” или же, облитая кровью, страдальчески извлекается из самых душевных недр» [1, с. 89].

Вопрос о том, каким должно быть образование и каково место культурологии в его системе (и вообще – необходимость культурологического образования), представляет отнюдь не академический интерес. Сама неоднородность современной культуры, внутренняя системная дифференциация которой проходит уже не по социально-классовым демаркационным линиям или – в более гибкой классификации – социальным стратам, учитывающим также и профессиональные, ценностные, собственно образовательные показатели, а в определяемой природой информационного общества сфере интеллектуальной и информационной «сгущенности», «плотности» языков и текстов культуры. Сдвиг сознания, характерный для «Второго Просвещения», действительно, заключается в ответе сознания на вызовы информационной эпохи: информационный взрыв должен привести к иным способам восприятия, усвоения и производства информации, задействуя возможности интегрального, инсайтного «схватывания» смыслов, иногда минуя логически артикулированные цепочки значений и силлогизмов. Об этом еще в середине XX в. писал П. А. Сорокин, интегральная теория которого может стать, по нашему убеждению, прочной методологической базой для модернизации образования в свете вызовов «Второго Просвещения». Интегральная теория познания и творчества Сорокина определяет необходимость не одного, а трех оснований знания и, соответственно, «трех каналов» познавательной деятельности: сенсорного, рационального, интуитивного [6]. При этом адекватность познавательной деятельности обеспечивается, согласно Сорокину, трехмерным, стереоскопическим видением реальности, т.е. гармоническим, стереоскопическим соединением всех когнитивных механизмов.

Однако современная культура отнюдь не представляет такого гармонического единения – напротив, налицо дробление, фрагментация, разбухание или деформация (как, например, происходит с интуитивно-мистическим познанием, все больше мигрирующим от собственно религии или религиозной философии в сторону увлечения экстрасенсами и повседневной мистикой) того или иного сегмента интегрального целого, что особенно ощутимо в рамках массовой культуры. Причем очевидно, на наш взгляд, что массовая культура – вовсе не инородный нарост на теле современности. Она – слепок глубоких трансформаций сознания современного человека и измененных форм его социальности.

Это переносит педагогический процесс из модальности реального в модальность должного, придавая ему характер проектно-моделирующей деятельности, что всегда было и остается чреватым как возможной утопичностью создаваемых моделей, так и их насильственным (в пределе – тоталитарным) воздействием на человека. Сцилла реального и Харибда должного – основной парадокс педагогического процесса инкультурации. И то, и другое – путь к искажению некоей идеальной искомой сущности встроенной в культуру личности, идеального «всечеловека», формирование которого – задача именно культурологического образования. Путь между крайностями лежит в области обращения к глубинным основаниям человеческого бытия – к экзистенциальным вопросам и экзистенциальному опыту индивида в переживаемой им историчности, предельности, «несокрытости».

Наиболее антропологически точным является путь, опосредованный семиотически. Поскольку семиотичность – само существо человеческой природы, человека как био-социо-культурного и био-социо-культурно-экзистенциального существа, формирование семиотичности и есть способ формирования человека, связующее звено между экзистенциальным модусом человеческого бытия и его социальностью, между природным и культурным, рациональным и чувственным. Если культурология – способ самообоснования культуры и человека, то встраивание в учебные стандарты культурологии, причем именно как *рефлексирующей о себе формы знания*, становится способом самообоснования человека, создающим саму возможность его креативности. Истоки творческой деятельности как деятельности текстопорождения (производства и переинтерпретации текстов культуры) – будь то область искусства, философии или собственно научного знания, так или иначе нацеленных на «тайны Сущего», лежат, как в свое время писал

В.Ф. Эрн, в «недрах личности» [1, с. 90]. Но обращение к ним возможно, на наш взгляд, только в акте экзистенциальной рефлексии.

Процесс порождения текста представляет собой одну из метаморфоз бытия и небытия, описываемых М. С. Каганом [7, с. 505]. «Рассматривая онтологию культуры, – говорит Каган, – мы имеем перед нашим внутренним взором процессы возникновения бытия из небытия <...> в материальном мире природы, действительно, по Пармениду, “бытие есть”, а “небытия нет”, тогда как в мире человека, в культуре, “небытие есть”, поскольку именно из него рождается бытие» [7, с. 505]. Преодоление небытия (в том числе и экзистенциального опыта переживания индивидуального бытия как «бытия-к-смерти», согласно М. Хайдеггеру) посредством самопроекции индивидуального «Я» в процессах семиозиса – продуцирования смыслов и осознания ценностей – способ существования индивидуального сознания, и с этой точки зрения любое производство текстов становится экзистенциальным актом, невозможным без экзистенциального опыта и его рефлексии. Культурогенез укоренен в семиотических репрезентациях экзистенциального опыта: «взаимные превращения бытия и небытия в практической деятельности человека» и творимой воображением «специфической области небытия» – в искусстве [7, с. 510–511] – основа создаваемого человеком «инобытия» – культуры.

Следует отметить, однако, что встраивание индивида в современные семиотические формы – *обучение* языкам и кодам современной культуры в реальной педагогической практике становится все более проблематичным. Во-первых, в самом семиозисе сегодня происходят изменения, требующие пристального внимания именно применительно к педагогической деятельности – будь то образовательная деятельность в рамках детского сада, школы или вуза, семейного воспитания или социальной педагогики. Во-вторых, стандартизированный характер репрезентативных культурных форм все более вымывает экзистенциальные основания семиотической деятельности, превращая ее в набор клише. Разрыв коммуникативного и экзистенциального – признак современной культуры, семиотически представляющий собой все большее расхождение сторон семиотического треугольника – разрыв значения (как общепринятых наборов коммуникативных модулей) и смысла (как экзистенциально укорененного ядра индивидуального сознания). При этом очевидно, что традиционно понимаемое образование (в рамках «Первого Просвещения») всегда было нацелено на усвоение «готовых» языков и кодов культуры (научных, религиозных, художествен-

ных, кодов властных репрезентаций и эстетических форм). И поскольку историческая динамика социокультурного и интеллектуального развития предоставляет все большее их разнообразие, образовательный процесс превращается в механическое запоминание множества готовых значений. Отмеченный в начале XX века Г. Зиммелем трагизм культуры, определяемый противоречием между конечной субъективной жизнью и ее бесконечным содержанием [8], приобрел еще большую остроту в начале нашего столетия. Поэтому действительно очевидно, что образование должно стимулировать не запоминание набора стандартных кодов, а возможность производства языков, формируемых индивидуальными усилиями индивидуального сознания.

На первый взгляд, справедливыми представляются расхожие утверждения о том, что «Второе Просвещение» должно формировать «компетентностные подходы», т.е. ставить во главу угла не знания, а комплексные мультидисциплинарные способности к реализации и творчеству в рамках интегрированных социальных практик. Однако в результате такая интеграция может быть сведена к сумме технологических задач, решаемых индивидом по заранее заданным стандартным формам, из которых оказываются элиминированными и семантика, и смысл. Между тем именно такая установка – установка на элиминирование смысла – как нельзя более точно соответствует характеру современных семиотических процессов, наблюдаемых в сфере массовой культуры и воспроизводящих более глубокие изменения – изменения сознания и человека и самого существа социальности.

«Слипание» семиотического треугольника (треугольник с исчезнувшим смыслом оказывается ведущей в никуда прямой – бесконечным, *смысло-не-порождающим* тождеством слов и вещей), быстрое (иногда катастрофическое) вымывание из актуального словоупотребления целых пластов лексики, деструкция эстетических ценностей (инволюция комического к фарсовым формам, к гипертрофированным формам и образам «телесного низа», трагического – к разнообразию вариантов «хоррора») – все это очевидные признаки измененного сознания. К этому следует добавить не только смерть автора, но и смерть его адресата, схлопывание коммуникативности и сведение ее к автокоммуникации, разрушающей коммуникацию как таковую (как, к примеру, в пении караоке или в телевизионных проектах, например «Один в один» и др.). Движение от интеллектуальной дифференцированности знака к синкретизму символики, сливающей семиотическое и эстетическое в нечленимое

суггестивно-аффективное целое, обращает к когнитивным, семиотическим, социальным формам архаики и к новой мифологизации.

Можно предположить, что в глубинах неосимволизма и неомифологизма вызревают новые семиотические формы, новые интеллектуальные практики и когнитивные модели: семиотическая деконструкция – знак социально-антропологических процессов, касающихся самой сути цивилизационного антропологического проекта. Наблюдаемая в рамках массовой культуры ресимволизация, как и формирование новых форм эстетизиса [9], представляет собой обоюдоострый процесс, заставляющий индивидуальное сознание или переходить к сложным интеллектуальным процедурам, направленным на непосредственное схватывание сверхсложных информационных конфигураций, или тонуть в энтропии психофизиологической реактивности. Перед этой развилкой стоят современные педагогические практики: каким образом соединить в отдельно взятой личности, в отдельно взятом сознании глубину культурной памяти, которая создает человека культуры, с одной стороны, и его встроенность в современный социум с распадающейся на глазах коммуникацией, с другой; массив информации, не поглощаемой индивидуальным сознанием, но, напротив, поглощающей его, – с индивидуально проживаемыми индивидом метаморфозами бытия и небытия в персонологически обоснованном культурогенезе?

И здесь следует говорить о значении культурологии в образовательных проектах и программах. Задачей именно культурологического образования является *формирование новых форм мышления* (а не только и не столько наполнение их набором сведений историко-культурного или историко-художественного характера). Причем эти формы не должны возвращать сознание ученика на уровень доинформационного общества, они должны включать в себя *многослойные* информационные образования, вовлекая сознание в *экзистенциально значимый диалог с полифонически звучащим целым – культурой*. Именно многослойность полифонически звучащих «голосов» (причем голосов, представляющих множество индивидуальных «Я», *персонологически* конституированных, воспроизводящих не общесоциальные или общечеловеческие интенции и смыслы, а экзистенциальный опыт каждого индивидуального Автора) – интеллектуально-информационный «палимпсест» – как раз и создает когнитивные модели, необходимые для последующих интеллектуальных и социальных практик и реализации общекультурных и профессиональных компетенций.

Список литературы

1. Эрн В. Ф. Борьба за Логос. Опыт философии и критические. М., 1991. 313 с.
2. Каган М. С. И вновь о сущности человека // Отчуждение человека в перспективе глобализационного мира. СПб., 2001. С. 48–67.
3. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социс. 2000. № 7. С. 3–12.
4. Лебедев С. А. Философия науки : словарь основных терминов. М., 2004. 320 с. URL: <http://www.psyoffice.ru/6-905-chelovek.htm> (дата обращения: 24.10.2014).
5. Шелер М. Человек и история // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 132–154.
6. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997. 350 с.
7. Каган М. С. Метаморфозы бытия и небытия // Каган М. С. Избр. тр. : в 7 т. Т. 2. Теоретические проблемы философии. СПб., 2006. С. 501–521.
8. Зиммель Г. Понятие и трагедия культуры // Зиммель Г. Избранное : в 2 т. Т. 1. Философия культуры. М., 1996. С. 445–474.
9. Мэффесоли М. Околдованность миром, или Божественное социальное // СОЦИО-ЛОГОС. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М., 1991. С. 274–283.

Existential Reflection and Cultural Genesis: Culturological Education in the Context of Modernity

I. E. Fadeeva

Syktvykar State University,
55, October ave., Syktvykar, 167000, Russia
E-mail: iefadeeva@mil.ru

The author examines the contemporary cultural genesis in the aspect of the individual consciousness. Particular attention is paid to the existential roots of cultural genesis, i.e. production, perception and understanding of cultural texts. Existential reflection, according to the author, is a prerequisite for the intellectual activity of individual consciousness and at the same time is the basis for the creation of the texts of culture. The process of generating the explanation text appears as a result of the transformation of undifferentiated existential meaning in socially accepted languages and codes of culture. The contradiction between existential meaning and socially legitimate (communicative) value is a major existential paradox of cultural genesis. In this context, the author examines the nature of culturological knowledge

in its relationship with the observed characteristics of contemporary culture and society. Basing on the presented general theoretical and methodological aspects, the author addresses the issue of education, in particular, to the theory and practice of the culturological education. The article concludes about the importance of culturological education in the processes of contemporary cultural genesis.

Key words: cultural genesis, cultural education, existential reflection, meaning, significance, modern culture.

References

1. Ern V. F. *Borba za Logos. Opyty filosofskie i kriticheskie* (Fighting for Logos. Experiences philosophical and critical). Moscow, 1991. 313 p.
2. Kagan M. S. I vnov o sushchnosti cheloveka (And again about the nature of man). *Otchuzhdenie cheloveka v perspektive globalizatsionnogo mira (Alienation of man in globalization perspective of the world)*. St.-Petersburg, 2001, pp. 48–67.
3. Lapin N. I. Sotsiokulturnyy podkhod i sotsietalno-funktsionalnye struktury. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Researches), 2000, no. 7, pp. 3–12.
4. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: slovar osnovnykh terminov*. M., 2004. 320 p. Available at: <http://www.psyoffice.ru/6-905-chelovek.htm> (accessed 24 October 2014).
5. Scheler M. *Mensch und Geschichte*. Zürich, 1929. 60 p. (Russ. ed.: Sheler M. *Chelovek i istoriya*. Thesis, 1993, iss. 3, pp. 132–154).
6. Sorokin P. A. *The Basis Trends of Our Times*. New Haven, 1964. 208 p. (Russ. ed.: Sorokin P. A. *Glavnye tendentsii nashego vremeni*). Moscow, 1997. 350 p.
7. Kagan M. S. *Metamorfozy bytiya i nebytiya* (Metamorphosis of Being and Non-Being). Kagan M. S. *Izbrannye trudy v 7 t.*, T. 2. *Teoreticheskie problemy filosofii* (Selected works: in 7 vol., vol. 2. Theoretical problems of philosophy). St.-Petersburg, 2006, pp. 501–521.
8. Simmel G. *Der Begriff und die Tragödie der Kultur*. Simmel G. *Philosophische Kultur: Leipzig 1919*. S. 223–253 (Russ. ed.: Zimmer G. *Ponyatie i tragediya kul'tury*. Zimmer G. *Izbrannoe*: in 2 t. T. 1. *Filosofiya kul'tury*. Moscow, 1996, pp. 445–474).
9. Maffesoli M. The ethics of aesthetics. *Theory, Culture & Society*, 1991, vol. 8, pp. 7–20. (Russ. ed.: Maffesoli M. *Okoldovannost mirom, ili Bozhestvennoe sotsialnoe*. *SOTSIO-LOGOS*. Iss. 1. *Obshchestvo i sfery smysla*, Moscow, 1991, pp. 274–283.

УДК 316.772

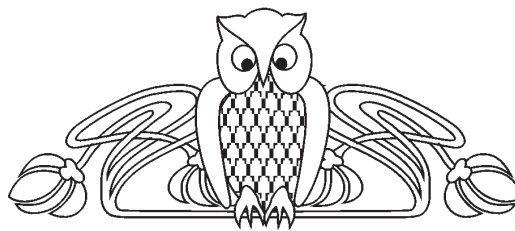
КУЛЬТУРА ДУХА И РЫНОЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Шимельфениг Олег Владимирович –

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры геометрии,
Саратовский государственный университет
E-mail: shim.ov@mail.ru

Солодовниченко Лилия Яковлевна –

кандидат философских наук,
президент Фонда межконфессионального сотрудничества, Саратов
E-mail: shim.ov@mail.ru

В современном обществе цель обогащения часто занимает более приоритетную позицию, чем духовные ценности. Ярким примером утверждения подобного отношения к жизни является цикл публикаций и деловых обучающих игр американского финансиста Р. Киосаки, переведённых на русский язык и завоёвывающих свою аудиторию. Авторы статьи, опираясь на сюжетно-игровую парадигму, исследуют философские положения и практические рекомендации Р. Киосаки. Показано, как через высокий профессионализм известный финансист и педагог приходит к глубоким мировоззренческим открытиям, оставаясь при этом в границах своих прагматических интересов. В статье на основе образа мира как Божественной Космической Игры, одновременно древнего и весьма современного, предлагается возродить, с учётом последних достижений человечества, традиционную структуру ценностей и соответствующую ей организацию общества, определив в ней место и финансовой деятельности.

Ключевые слова: духовная культура, цивилизация, рынок, финансовая разумность, игра, ступени духовного роста, освоение.

*Всё мне позволительно, но не всё полезно;
всё мне позволительно, но ничто не должно
обладать мною.*

1 Послание Ап. Павла Коринфянам (1 Кор. 6,12)

Отношения типа рыночных, наверное, складываются в любой культуре, но в нынешней цивилизации, становящейся всё более глобальной, они для большого количества людей приоритетны, основаны на финансовых потоках, играющих для них роль высшего божества. Культура служения этому божеству ярко представлена в трудах Р. Киосаки и его деловых играх. Когда человек посвящает всю жизнь какому-либо делу, он может достичь через это преданное служение предельно глубокого понимания Вселенского Спектакля – Божественной Космической Игры. Опираясь на талантливо написанную книгу [1] апологетов «финансовой грамотности» Р. Киосаки и Ш. Лечтер «Богатый папа, Бедный папа», мы покажем, исходя из целостной духовно-психологической картины мира [2, 3] как моменты их мировоззренческих и педагогических открытий, так и границы их горизонта.

В основе вышеназванной работы лежит фундаментальная посылка: **главный смысл жизни человека – быть богатым и счастливым**. Счастье, по сути, – это производная богатства, приложение к нему, хотя, конечно, авторы понимают, что богатства не достаточно для счастья, но уж точно, что оно необходимо. Без него они не мыслят ни свободы, ни разумности в жизни. Все способности, эмоции, знания и опыт человека должны работать, прежде всего, на его финансовое благополучие, остальное придёт – и власть, и любовь, если ты, конечно, не глупец от природы и разовьёшь в себе самодисциплину и умение управлять людьми. И если, действительно, с детства обучать всех людей финансовой грамотности и финансовой мудрости (в частности, с помощью их учебных продуктов – книг и деловых игр), то благополучие и счастье на Земле всем обеспечены вплоть до старости.

Так ли это? И если не совсем так, то всё же для кого, в каком смысле и для каких целей может быть весьма полезна книга «Богатый папа, Бедный папа»? Авторская классификация возможных пользователей их продукта полностью соответствует главной цели жизни в их понимании – **быть богатым: бедные, средний класс и богатые**. Этот же критерий является ключевым в выборе разнообразных альтернатив: 1) *Деньги – зло или отсутствие денег – зло?*; 2) *Я не могу себе это позволить* или *«Как я могу себе это позволить?»*; 3) *Свой дом – это актив или свой дом – это пассив?*; 4) *Собственное Резюме или Бизнес-план для создания рабочих мест?*

Однако существует уже много тысяч лет классификация людей (и организация соответствующих общественных отношений) по другому, более глубокому, основанию – по степени их духовной зрелости. В Древней Индии общество было четко разделено на варны (санскр. वर्ण, varṇ – «качество, цвет, категория») или в европейской терминологии (потерявшей внутренний психологический смысл) – касты. Впервые четыре варны

упоминаются в «Пуруша-сукте» «Ригведы», где излагается происхождение людей из частей тела первочеловека Пуруши: когда Пурушу расчленили, его рот стал брахманом, его руки сделались кшатриями, его бедра – вайшьями, из ног родился шудра. А для сохранения всей этой вселенной он, пресветлый, для рождённых от уст, рук, бедер и ступней установил особые занятия. Обучение, изучение вед, жертвоприношение для себя и жертвоприношение для других, раздачу и получение милостыни он установил для брахманов. Охрану подданных, раздачу милостыни, жертвоприношение, изучение вед и неприверженность мирским утехам он указал для кшатриев. Выпас скота и также раздачу милостыни, жертвоприношение, изучение вед, торговлю, ростовщичество и земледелие – для вайшьев. Но только одно занятие владыка указал для шудр – служение этим варнам со смирением. Таким образом, «чистых» варн четыре: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры: брахманы – это ученые, подвижники, жрецы; кшатрии – воины, управляющие, цари; вайшьи – ремесленники, торговцы, земледельцы, а шудры – «служащие», продающие свой труд за деньги, – лекари, артисты и др. Изначально принадлежность к той или иной варне определялась по способностям. Учитель-брахман изучал поведение ребенка, просматривал его прошлые рождения. Затем дети подразделялись на варны и продолжали уже особое для каждой группы обучение. На языке современной культуры это близко к ранней психодиагностике и оптимальной ориентации ребёнка. В дальнейшем, при смене юг (четырёх цивилизационных циклов деградации духовности) было закреплено наследственное разделение на касты, что не всегда соответствовало действительности. Ведь варна человека зависит, прежде всего, от его духовного развития, от того, какой отрезок эволюции пройден в предыдущих воплощениях. В большой степени об этом можно судить по тому, к чему стремится человек.

Главное устремление на стадии шудры – кама: это удовольствия, приятные переживания, доставляемые органами чувств. Для вайшьи основной жизненный стимул – артха или стремление к богатству, к собственности, к накопительству. Ради этого вайшьи могут жертвовать чувственными удовольствиями (именно этому типу людей, в первую очередь, наиболее полезна книга Киосаки и Лечтер). Для кшатрия главное – дхарма, выполнение долга, при этом у царей существуют одни обязанности, у руководителей и военных разных рангов – другие. Каждый кшатрий добивается могущества, процветания, более того, им это предписывает закон:

«Плох тот солдат, который не стремится стать генералом», но поступки кшатрия определяются соблюдаемой Дхармой (Законом, правилами их жизни). Наконец, смысл жизни брахманов – мокша или освобождение от всех привязанностей, самоидентификаций, осознание своей единственности с вечным, творящим (и уничтожающим) все формы Началом, в соответствии с формулой «Ты есть То».

Каждая последующая ступень включает в себя весь опыт, накопленный ранее, поэтому кшатрию, например, несложно овладевать ремеслами (стадия вайшьи), но задачу свою кшатрии видят в другом. А вот шудре научиться новому ремеслу затруднительно, шудры не любят и не умеют прикладывать усилия. Впрочем, и люди более высоких каст могут на какое-то время опуститься на уровень шудры, если они не выполняют своего предназначения, не используют своих возможностей. Но при этом, в отличие от настоящих шудр, они никогда не достигнут удовлетворения, и пока они не возьмутся за настоящее дело, их будет грызть червячок недовольства собой. А шудра поел, прилег – ему хорошо, больше ничего не надо. Но если он пересилит себя, выучится, то станет вайшьей. А потом, может быть, и кшатрием. Силой йоги за одну жизнь можно пройти весь эволюционный путь – от шудры до брахмана – и достичь мокши: это очень трудно, но такая возможность существует.

Традиционно в индийском обществе представители каждой касты занимались своим делом, не мешая другим. Например, все сражения между княжествами проходили в поле, при этом ни одна из сторон не трогала ни посевов, ни селений – вайшьи и шудры всегда жили в состоянии мира (не то, что делается в нашей «цивилизации», когда стирают с лица земли жилые кварталы и уничтожают мирное население – в Палестине, Сирии, Украине и т.д.). Однако эта идиллия была нарушена, когда закрепили наследственную принадлежность к одной из каст. И, конечно, вайшья, родившийся в семье брахманов, будет страдать от алчности, несмотря на воспитание, если не преодолеет свой недостаток. А кшатрий или брахман, родившийся в семье шудр, никогда не смирится с подобным положением, а будет усиленно «выбиваться в люди». За отмену наследования варн выступали Будда и многие другие учителя, понимавшие истинное положение вещей. Традиционно только трем высшим кастам разрешалось заниматься йогой, их называли также «дважды-рожденными», считая вторым рождением возможность изучать Веды, т.е. приобщение к знаниям; но возможна и более глубокая интерпретация

этого термина – как инсайт, осознание своей единственности с Брахмо – Творящим Началом мироздания, внутренняя самоидентификация с Ним – «Ты есть То» [4], что и называется состоянием освобождения, мокшей.

Кстати, неслучайно Киосаки, посвятивший всю сознательную жизнь, с 9-летнего возраста, служению «Богу Денег» – именно как запредельному существу «Финансовой Разумности», а не приземлённому кумиру – реальным деньгам («Деньги без финансовой разумности – это те деньги, что вскоре пропадут» [1]), поднимается до «Финансовой картины мира», в определённом смысле подобной образу мира как Божественной Космической Игры: «Большинство людей ищут то, что могут себе позволить, и чаще довольствуются малым. Они покупают лишь кусок пирога и выкладывают за него больше положенного. **Мыслящие мелкими масштабами не способны на великие дела** (выделено нами. – О. Ш.). Если вы желаете стать богаче, сначала научитесь думать масштабнее» [1].

Известно, что индийская духовная традиция различает четыре подцикла развития миропоявления – калпы: Крита-юга, Трета-юга, Двапара-юга и Кали-юга. Эта последовательная смена периодов характеризуется тем, что в начале нравственный закон абсолютно проявлен (стоит на четырёх ногах), а потом – на трёх, на двух и на одной. Мы сейчас находимся в самой тёмной эпохе – Кали-юге. С одной стороны, это трагично, а с другой – мы призваны начать движение возрождения к новому высоконравственному периоду духовного расцвета человечества [5].

Но поскольку мы ещё в пределах Кали-юги, то вынуждены вписываться в её сюжет и опираться на «правила рыночной игры», слишком ценимые сейчас, которые приходится изучать и постепенно трансформировать в более высокую духовную культуру. Поэтому один из авторов данной работы (О. В. Шимельфениг) стал инициатором разработки (с 1985 г.) технологии проблемно-деловых игр [3], а второй (Л. Я. Солодовниченко) активно участвовала в их организации и проведении. В отличие от деловых игр-упражнений в управлении финансовыми потоками Киосаки (создаваемых им в 1990-е гг.) проблемно-деловые игры (ПДИ) являются творческим процессом по формированию новых структур и трансформации мировоззрения участников, что явилось существенным вкладом авторов этой технологии в переход России к глобальной экономике.

Приведём отрывок из работы, дающий некоторое представление о ПДИ: «В ходе игры достигается новый уровень коллективного по-

нимания проблемной ситуации, определяются пути ее разрешения и, наконец, создаются социально-психологические и организационно-управленческие механизмы реализации принятого коллективного управленческого решения. Игровой режим помогает участникам отвлечься от повседневной действительности, помогает разрушить устоявшиеся стереотипы мышления, установки. Целенаправленно создаются условия, позволяющие коллективу взглянуть на себя как бы со стороны, с иной позиции. ПДИ, следовательно, может рассматриваться как своеобразная форма самоотрицания, саморазвития коллектива. В поиске инноваций формируется и коллективная готовность к их реализации, создаются организационные механизмы их внедрения. Если к тому же ПДИ сознательно используется в этих целях, она предстает и как существенный механизм управления развитием коллектива, его самоуправления. Вместе с тем вырабатываются некоторые навыки прогнозирования, проектирования потребного будущего, проработки сценариев развития.

Таким образом, *проблемно-деловая игра выступает как метод управления развитием (коллектива, организации, отрасли, региона) путем подготовки коллективного управленческого решения неординарной проблемы в особом образом организованном социальном пространстве и времени* [3, с. 402].

Далее будем рассматривать труд Киосаки, Лечтер с четырёх, описанных выше, социально-психологических типов позиций: шудры, вайшьи, кшатрии, брахманы. Их можно для наглядности представить как взгляд с одной из ступеней четырёхуровневой пирамиды. По сути, сам автор выражает взгляд на мир со второй ступени – позиции вайшьев, для которых основной жизненный стимул – артха или стремление к богатству, к собственности, к накопительству. Естественно, что для стоящих на этой ступени его философия и практика являются высшей мудростью – Евангелием от Финансового разума. Однако следует заметить, что только в наше время «Тёмной юги» эта мудрость – высшая для многих людей; в идеальном обществе Крита-юги для всех варн высшими являются Священные тексты. Поэтому, когда Киосаки жалеет своего родного «бедного отца» – школьного учителя, он не понимает, что для его внутреннего призвания (в соответствии с его варной) цель обогащения не является приоритетной, миссия учителя – более высокого уровня и напрямую не связана с уровнем его дохода.

С другой стороны, его «богатый отец» – отец его школьного товарища Майкла – был героем

его мифа, который полностью посвятил себя «Золотой Игре», благодаря чему даже поднялся в процессе передачи своего искусства на уровень Учителя-Мастера, понимающего, что простое «школьное» обучение не способно передать состояние творческого настроения (это справедливо и для любой сферы деятельности): «Я буду вас учить, но не так, как это делается в школе. Вы будете работать на меня, я буду вас учить. Не будете работать на меня, учить вас не стану. Я могу научить вас быстрее, если вы работаете, а если вы будете только сидеть и слушать, я впустую потеряю время, – так, как в школе, не будет. Вот мое предложение. Или вы его принимаете или нет» [1].

В последующем наставлении «богатый отец» поднимается до уровня понимания целостности жизни как проявления Единого: «А обучение означает разговоры и лекции?» – спросил богатый отец. «Ну, да» – ответил я. «Вот так и учат в школе», – сказал он улыбаясь. «Но это не то, чему учит жизнь, а я бы сказал, что жизнь наилучший учитель. Большую часть времени жизнь не говорит с тобой. Школа жизни – это что-то типа толчков, которые ты ощущаешь со всех сторон. Каждый толчок – слово жизни: “Проснись. Я хочу тебя кое-чему научить”. <...> Некоторые поднимают лапки кверху. Другие ведут борьбу. Мало кто усваивает урок и движется вперед. Те, кто начинает что-то понимать, приветствуют жизнь, толкающую их со всех сторон. Для этих немногих людей это означает, что им что-то нужно, и они хотят чему-то научиться. Они учатся, и они двигаются вперед. А большинство сдается, и мало сражаются так, как ты. Если ты усвоишь этот урок, ты вырастешь мудрым, богатым и счастливым человеком. Если нет, ты потратишь свою жизнь, обвиняя в своих бедах работу, низкую зарплату или своего босса. Ты проживешь жизнь, надеясь на чудо, которое решит все твои денежные проблемы».

Действительно, это уже уровень понимания жизни, приближающийся, например, к восприятию мира суфийским мастером Инайятом Ханом, который выделял пять ступеней эволюции личности: от заблуждающегося на каждом шагу и бранящего других до начинающего обнаруживать и исправлять собственные недостатки и, наконец, до состояния такого человека, который «единственный, кто может судить праведно, и он же последний, кто станет судить» [6, с. 325–326].

«Урок № 1» Киосаки требует комментария: **«Бедные и средний класс работают ради денег». «Богатые заставляют деньги работать на себя»** (выделено нами. – *О. Ш., Л. С.*).

Как мы уже отмечали, многие, находящиеся на более высокой ступени-варне, работают не столько «ради денег», сколько исполняя свой долг, свою миссию, качество осуществления которой не определяется объемом их богатства. С другой стороны, если взглянуть глубже на сюжет «денег, работающих на богатого», можно увидеть, что работают на них не абстракция под названием деньги, а всегда конкретные люди. И эта ситуация может оказаться разной: как справедливой, так и не очень. Например, богатый в роли управляющего организацией работает сам и законно пользуется результатами труда других, стараясь обеспечить им достойную жизнь, сбалансированно распределяя как обязанности, так и общий доход. Но может быть и другая, несправедливая ситуация, когда богатый нещадно эксплуатирует работников, не утруждая себя.

Продолжая урок, «богатый отец» учит Роберта и Майкла: «Я хочу расширить вашу точку зрения, чтобы вы смогли что-то увидеть. Что-то, чего большинство людей не видит, потому что их мировоззрение слишком узкое. Большинство людей не видят ловушки, в которой находятся».

Здесь этот Магистр финансов поднимается, по сути, до фундаментального философского открытия, что большинство людей находятся во власти своих мало осознаваемых стереотипов – программ восприятия и переработки информации («снов», по Гераклиту): «Шаблон – встать, пойти на работу, оплатить счета, встать, пойти на работу, оплатить счета. Жизни людей с этим шаблоном пожизненно управляются страхом и жадностью. Предложи им больше денег, и они продолжат свой цикл, лишь увеличив расходы. Это то, что я называю крысиными бегами» [1].

Дальше он учит их, что богатство не решает проблемы выхода из ловушки собственных невидимых шаблонов. Куча денег не победит страха возможных потерь и желания разбогатеть: «вы всего лишь станете высокооплачиваемыми рабами» на поводу эмоций, подобно ослу, соблазняемому морковкой, подвешенной перед его носом, чтобы он тащил тележку с хозяином. «Деньги – морковка, иллюзия. Если бы осел мог видеть всю картинку, он бы мог перестать гоняться за морковкой <...> человеческая жизнь – это борьба между невежеством и просвещенностью, просветлением» [1].

Однако «просветление» авторы понимают опять же с высоты своей ступеньки: «Если бы в школах людей учили разбираться в предмете денег, у всех было бы больше денег, а цены были бы ниже, но школы фокусируются лишь на

обучении людей работать на деньги, ради денег, а не на то, как управлять силой денег <...> Работа – лишь кратковременное решение долговременной проблемы <...> богатые знают, что деньги – иллюзия, совершенно как морковка для осла. Только из-за страха и жадности иллюзия денег обретает реальную плотность, обретает потому, что миллиарды людей полагают, что деньги реальны, а не иллюзорны <...> Вы увидите вещи, которых не видят другие люди; ведь возможности прямо перед их носами» [1].

Воистину перед нами Евангелие от Финансового Разума, но с верхней ступени древнеиндийской «пирамиды жизни» открывается ещё более масштабная картина мира, можно сказать, запредельно масштабная, где в иллюзию превращается вся Вселенная – в Божественную Игру Космического Разума, когда приходит внутреннее освобождение от ловушек **любых** форм, ежесекундно творимых Им через каждого из нас... И тогда эта постоянно ощущаемая связь с Космическим Разумом (а не только с Финансовым) поможет выстраивать стратегию «золотой середины» меж всеми крайностями жизни (её сциллами и харибдами), причём эти решения будут разными для стоящих на разных ступенях пирамиды самоидентификации, вплоть до индивидуально ориентированных способов реагирования на ту или иную ситуацию, личного творчества сюжета жизни, где богатство отнюдь не всегда приоритетный фактор её оценки.

Несмотря на убеждение автора (справедливое «среднестатистически»), что «Мудрость (как финансовая разумность. – О. Ш., Л. С.) решает проблемы и приносит деньги» [1], в Божественной Игре участвует много разных игроков и «сценаристов», которые могут не давать осуществлять даже хорошо продуманные замыслы. То, что не всё зависит от человека, отражено, например, в древней даосской истории: когда Обитатель Северного дома, будучи обижен Живущим у Западных ворот, встретился с Преждерожденным из Восточного Предместья, то тот предложил ему вернуться и выслушал позицию Живущего у Западных ворот:

– Обитатель Северного дома сказал, что одинаков со мной поколением и родом, возрастом и внешностью, речами и поступками, но отличается от меня, знатного и богатого, низким положением и бедностью. Я сказал ему, что сам не знаю, в чем дело. Что бы ты ни предпринял, терпишь неудачу, что бы я ни предпринял, добиваюсь успеха. Не говорит ли это о счастливой и несчастливой судьбе? И с его стороны равнять себя со мной – это бесстыдство!

На что Преждерожденный ответил:

– Когда ты толкуешь о различии в судьбе, то думаешь лишь о различии в таланте и добродетели. Я же говорю о различии в другом отношении. Ведь Обитатель Северного дома одарен добродетелью, но обделен судьбой; ты же одарен судьбой, но обделен добродетелью. Твои удачи добыты не умом, неудачи обитателя Северного дома – это не ошибка глупости. Все это зависит от природы, а не от человека. Твоя же гордость тем, что ты щедро одарен судьбой, как и стыд Обитателя Северного дома оттого, что он щедро одарен добродетелью, означает, что оба вы не знаете естественного закона.

– Остановись, Преждерожденный! – воскликнул Живущий у Западных ворот. – Я больше не осмелюсь так говорить!

Вернувшись домой, Обитатель Северного дома стал носить свою грубую куртку, словно она такая же теплая, как мех лисицы или енота; есть бобы, будто у них вкус чистого зерна; располагаться в своей хижине, крытой полынью, словно под сенью большого дома; ездить в своей плетеной повозке, точно на украшенной резьбой колеснице. И до конца дней своих оставался удовлетворенным, не ведая, кого прославляют, а кого позорят.

Услышав об этом, Преждерожденный из Восточного Предместья сказал:

– Обитатель Северного дома долго спал, но при первом же слове сумел очнуться и излечиться от скорби [7, с. 78].

Однако Киосаки, истово служа своему финансовому богу, регулярно получает прозрения на уровне настоящих Учителей: «Я смотрю на деньги, почти как на Игру в теннис. Я старательно играю, допускаю ошибки, исправляю их, допускаю ещё больше ошибок, исправляю их и играю лучше. Если я проигрываю игру, я подхожу к сетке, обмениваюсь через сетку рукопожатием с соперником, улыбаюсь и говорю: “Увидимся в следующую субботу”» [1].

Таким образом, через творческий подход с полной отдачей своей финансовой деятельности Киосаки близко подошёл, по существу, и к образу мира как Игре, который хорошо передан известным современными психологом и философом К. Уилбером: «Если вам снится сон и вам кажется, что он реален, он может стать очень страшным. Скажем, вам снится, что вы канатоходец, идущий через Ниагарский водопад. Если вы упадете, то неминуемо погибнете. Поэтому вы идёте очень медленно, очень осторожно. Предположим, что затем у вас начинается осознанное сновидение, и вы понимаете, что все это вам только снится. Что вы делаете? Становитесь ещё осторожнее? Нет, вы начинаете подпрыгивать на

канате, вы кувыркаетесь, вы пускаетесь во все тяжкие и от души веселитесь именно потому, что знаете: все это не на самом деле. *Когда вы осознаете, что это сон, то можете позволить себе забавляться.*

То же самое происходит, когда вы осознаете, что обычная жизнь – это просто сон, просто кино, просто игра. Вы не становитесь более осторожным, более робким, более сдержанным. Вы начинаете прыгать и кувыркаться именно потому, что все это – сон, все это – чистая Пустота. *Вы не чувствуете меньше, вы чувствуете больше, поскольку вы можете это себе позволить. Вы больше не боитесь умереть и потому не боитесь жить* (выделено нами. – *О.Ш., Л.С.*). Вы становитесь радикальным и несдержанным, эксцентричным и пылким, шокирующим и глупым. Вы позволяете всему этому свободно изливаться, поскольку все это – ваш сон» [8, с. 85].

Полагаем, что нам удалось выполнить заявленное в начале этой статьи: показать, как Р. Киосаки и Ш. Лечтер в своей книге «Богатый папа, Бедный папа» доступно и наглядно поделились своими незаурядными знаниями и опытом в сфере добычи денег, попутно подходу к глубоким мировоззренческим открытиям, хотя и оставаясь в основном в границах своих прагматических интересов.

Список литературы

1. *Киосаки Р., Лечтер Ш.* Богатый папа, Бедный папа. URL: http://modernlib.ru/books/kiyosaki_robort/bogatiy_papa_bedniy_papa/read/ (дата обращения: 22.12.2014).
2. Что есть реальность? Беседы о реальности : саратовская интеллигенция в «INTELLECT GAME SESSION»/ руководители проекта, сост. и ред. О. В. Шимельфениг, Л. Я. Солодовниченко. URL: <http://shimsol.ru/index.php/2013-09-14-18-07-15/item/42-3> (дата обращения: 22.12.2014).
3. *Шимельфениг О. В.* Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». Саратов, 2005. 688 с.
4. *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Социальный смысл запредельных самоидентификаций в духовных традициях // Проблемы идентичности в современном мире : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2007. С. 66–70.
5. *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Возрождение духовных традиций – путь от Кали-юги к Крита-юге. Бхагават-гита в истории и в современном обществе : материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Томск, 2012. С. 228–238.
6. *Хан Х. И.* Алхимия счастья. М., 2003. 400 с.
7. Мудрецы Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. СПб., 1994. 416 с.
8. *Уилбер К.* Один вкус : дневники Кена Уилбера. М., 2004. 428 с.

Culture of Spirit and Market Civilization

O. V. Shimelfenig

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: shim.ov@mail.ru

L. Ya. Solodovnichenko

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: shim.ov@mail.ru

The enrichment purpose often takes more priority position, than cultural wealth in modern society. Vivid example of the statement of the similar relation to life is the cycle of publications and the business training games by American financier Robert Kiyosaki, translated into Russian and winning the audience. Authors of this article learning philosophical provisions and practical recommendations of R. Kiyosaki on the base of plot-game paradigm. It is demonstrated how through high professionalism the famous financier and teacher comes to deep world outlook opening, remaining thus in limits of the pragmatical interests. In this article, on the basis of an image of the world as Divine Space Game, at the same time ancient and very modern, it is offered to revive – taking into account the last achievements of mankind – traditional structure of values and the organization of society corresponding to it, having defined in it a place and financial activity. **Key words:** spiritual, civilization, market, financial rationality, game, steps of spiritual growth, release.

References

1. Kiyosaki R. T., Lechter Sh. L. *Rich Dad, Poor Dad*. Available at: <http://fr.slideshare.net/SrinithiMohan/robert-kiyosaki-sharon-l-lechter-rich-dad-poor-dad> (Russ.ed.: Kiyosaki R.T., Lechter Sh. *Bogaty papa, Bednyy papa*. Available at: http://modernlib.ru/books/kiyosaki_robort/bogatiy_papa_bedniy_papa/read/ (accessed 22 December 2014)).
2. *Chto est realnost? Besedy o realnosti: saratovskaya intelligentsiya v «INTELLECT GAME SESSION»*. Rukovoditeli proekta, sost. i red. O. V. Shimelfenig, L.Ya. Solodovnichenko (What is reality? Talks on Reality: The intellectuals of Saratov in the «INTELLECT GAME SESSION»). Project directors, compilers, and ed. by O. V. Shimelfenig, L. Ya. Solodovnichenko. Available at: <http://shimsol.ru/index.php/2013-09-14-18-07-15/item/42-3> (accessed 22 December 2014).
3. Shimelfenig O. V. *Zhivaya Vselennaya. Syuzhetno-igrovaya kartina mira. XXI vek: «SAMOZAVET» ili «SAMOAPOKALIPSIS»* (Vivid Universe. Subject and game picture of the world. XXI century: «SELF-PRESEPT» or «SELF-APOCALYPSE»). Saratov, 2005. 688 p.

4. Shimelfenig O. V., Solodovnichenko L. Ya. Sotsialnyy smysl zapredelnykh samoidentifikatsiy v dukhovnykh traditsiyakh (Social sense of ultraboundary self-identifications in spiritual traditions). *Problemy identichnosti v sovremennom mire: mezhvuz. sb. nauch. tr.* (Problems of identity in modern world: Interuniversity collection of scientific works). Saratov, 2007, pp. 66–70.
5. Shimelfenig O. V., Solodovnichenko L. Ya. *Vozrozhdenie dukhovnykh traditsiy – put ot Kali-Yugi k Krita-yuge. Bkhagavat-gita v istorii i v sovremennom obshchestve: materialy V Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* (Revival of spiritual traditions – a way from Kali-yugi to Creta yugi. Bkhagavat-gita in history and modern society). Tomsk, 2012, pp. 228–238.
6. Khan Kh. I. *Alkhimiya schastya* (Alchemy of happiness). Moscow, 2003. 400 p.
7. *Mudretsy Kitaya. Yan Chzhu, Letszy, Chzhuantszy* (Wise men of China. Yan Chzhu, Leptzy, Chzhuantszy), St.-Petersburg, 1994. 416 p.
8. Wilber K. *One taste. The journal Diary of Ken Wilber*. Shamhala, 1999. 412 p. (Russ. ed.: Uilber K. *Odin vkus: dnevniki Kena Uilbera*. Moscow. 2004. 428 p.).

ПСИХОЛОГИЯ

УДК [316.6. 159.923]

РОЛЬ РЕГУЛЯЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Белкин Антон Игоревич –

доктор психологических наук, профессор, кафедра прикладной психологии,
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
E-mail: rotati@mail.ru

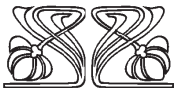
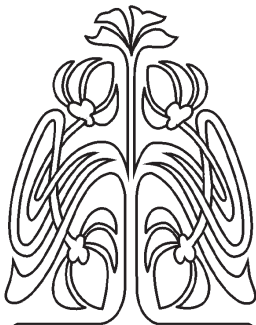
В статье обсуждаются результаты исследования соотношения мерности физического и психологического пространств на примере студенческой аудитории. Рассматривается специфика регуляционно-управленческого сознания. На основе анализа исследований мотивации поведения, влияния малой группы на принятие решения делается вывод о высоковероятностных связях между психологическими переменными и социальным поведением. Показано, что социальное пространство обусловлено социальными процессами и взаимодействиями. Оценка социального пространства субъективна, а важнейшим его показателем является близость–дальность расстояния между социальными объектами. В работе исследованы особенности отражения полученных закономерностей в сознании студентов 1 и 2-го курсов. Установлены регуляторные особенности мерности социального пространства и их отражение в сознании студентов.

Ключевые слова: регуляционно-управленческое сознание, личность, группа, групповое сознание, ценностно-регулятивная система, функции.

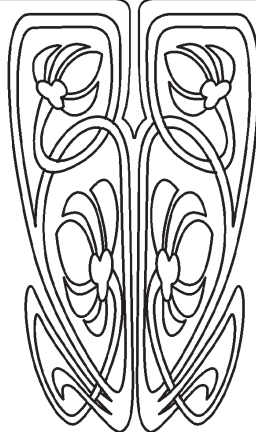
Важным вопросом в изучении группового сознания является его регуляторная функция: она непосредственно связана с оценивающей, позволяющей выстроить непротиворечивый и связный образ мира, поэтому можно говорить о регуляционно-управленческом сознании в структуре сознания общества, в частности социальных групп.

Изучение психологических факторов, определяющих поведение, издавна было целью многих психологических исследований. Неслучайно базовым разделом классической общей психологии явилась психология мотивации. Ученые, создававшие концепции, объяснявшие выраженность и влияние экстринсивной и интринсивной мотивации на поведение, стремились предсказать поведение человека [1]. Первые представления о детерминантах социального поведения сводились к представлениям об определяющем влиянии стимула. В действительности социальное поведение является результатом взаимодействия и опосредования множества сложных факторов. Когнитивные исследования П. Танненбаума, Ч. Осгуда, Л. Фестингера показали, что на социальное поведение значительное влияние оказывает когнитивная система познающего субъекта [2].

Изучение группы показало значительное влияние социально-психологических факторов на социальное поведение [3]. Феномены огруппления мышления, внутригруппового фаворитизма и межгрупповой агрессии, подтвержденные многочисленными исследованиями зарубежных психологов, породили представление

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

о зависимости социального поведения от социально-ролевых ожиданий, роли, статуса или позиции индивидуума в той или иной социальной системе. В других работах было показано, что на валентности группового влияния сказывается характер совместной деятельности [4].

В настоящее время признанным является положение о том, что не существует прямо пропорциональной связи между психологическим содержанием и поведением. Психологи говорят о наличии высоковероятностных связей, т.е. на основе составления психологического портрета, определения доминанты, наблюдения за привычками и т.п. можно делать выводы о возможном поведении с высокой долей достоверности, но не более того.

Другим является вопрос о том, что же влияет, что первично – внешнее или внутреннее. Современная генетика говорит, что наследственность и среду нельзя рассматривать как два отдельных фактора, которые в какой-то степени соотносимы. Наследственность, выраженная в хромосомах, генах, постоянно взаимодействует со средой и меняется в ходе этого взаимодействия [5]. В психологии в настоящее время принято считать, что две категории – биологическое и социальное – нельзя понять без введения третьей, опосредующей их – «психическое». Речь идет не только о внешней, т.е. наблюдаемой, регистрируемой активности, но и активности внутренней, психической. Человек, не находящийся в состоянии созерцания, медитации, всегда психически активен, и если эта активность не находит выражение во внешнем поведении в данный момент времени и пространства, то она никуда не исчезает, а остается во внутреннем плане и проявляется, чаще всего, через некоторое время в других социальных ситуациях, где субъект чувствует себя достаточно безопасно. Регулятивно-оценочная функция сознания непосредственно связана с отношением к рассматриваемой ситуации, объекту, явлению.

Рассмотрим оценочную функцию группового сознания или, в нашем понимании, регуляционно-управленческое сознание группы. В целом отношение в психологии рассматривается как взаимосвязь субъекта с другими субъектами и явлениями действительности. С нашей точки зрения, это качественный аспект такой взаимосвязи, который нашел отражение в разработанной нами функционально-динамической модели межличностных отношений [6]. Оценочное отношение проявляется в формах мышления и, конечно, содержит определенные конструкты вместе с эмоциональным компонентом. Влияние группы проявляется через социальную категоризацию –

определение ситуации и возможного поведения, оно облегчает выбор нужной реакции. Тем не менее исследования показывают, что решение группы чаще всего менее обосновано и более рискованно. Речь идет, прежде всего, о влиянии на поведение и на оценку тех или иных ситуаций действительности.

Рассмотрим специфику мерности психологического пространства. Изучение психологических явлений предполагает не только адекватность используемых методов представленным данным, но и использование наиболее подходящих шкал для измерения психологических явлений. Это является условием для получения более точных показателей, отражающих свойства и взаимосвязи измеряемых психологических явлений. В психологии используются номинативная, порядковая, интервальная шкалы и шкала отношений, при этом некоторые психологи считают, что, строго говоря, оценка психологических явлений предполагает использование, максимум, порядковой шкалы, так как, на самом деле, нельзя точно сказать, например, на сколько единиц у того или иного испытуемого выражены тревожность, агрессивность, лабильность и т.д. Этой точки зрения придерживается такой авторитетный психолог, как С. Стивенс [7]. Другие ученые считают, что на некоторые ограничения можно посмотреть сквозь пальцы, так как применение интервальной шкалы позволяет получить более удобные и контактные данные, наиболее адекватно применить методы многомерной статистики, позволяющие выявить не только связи психологических переменных, что наиболее характерно для классических психологических исследований, но и их влияние друг на друга. Это, несомненно, является очень ценным для психологии, так как возможность прогнозировать те или иные явления является вершиной, к которой стремится любая наука.

Изучение психологических явлений требует соответствия методов применяемым шкалам. Ситуация усложняется, когда мы изучаем их на основе измерения физических показателей. Дело в том, что они редко совпадают друг с другом: например, при изучении волевых качеств на основе бега на длинные дистанции измерения должны учитывать, что с точки зрения проявления воли 1-й км и 10-й км сильно различаются. Таким образом, необходимо определять выраженность психологических переменных с учетом контекста ситуации.

Понятия пространства и времени являются базовыми философскими категориями построения картины действительности [8]. Понятия социального пространства и социального времени

взаимосвязаны. В советской диалектической традиции пространство и время рассматривались как формы существования материи, выделялись разные уровни её организации. До настоящего времени считается, что пространство как способ организации материи существует на двух иерархических уровнях существования: неживая материя и живая материя (растения, животные, человек). Система социального пространства является многофункциональной и многоуровневой, а каждые последующие уровни его организации включают в себя предыдущие. Социум рассматривается как самый высокий уровень организации материи (Б. Рассел). Считается, что люди не могут существовать вне социально организованной материи, поскольку они воспринимают мир как социально организованный и структурный.

Физическое пространство рассматривается как структурность и взаимосвязь элементов, однако человек формирует свои представления о себе, других, мире не в физическом, а в социальном пространстве. Э. Дюркгейм сделал вывод о том, что категория пространства в большей степени не физическая, а социальная, пространство – это «определяемая чувственность». Социальное пространство неоднородно, дифференцировано познающими субъектами [9]. Б. Рассел придавал пространству онтологический характер, по его мнению, все события социальной жизни первоначально происходят в физическом пространстве [10].

О. Конт предложил термин «социальная динамика» для обозначения социального пространства. Он вводит понятие социального расстояния, считая, что оно связано с поведением индивидуумов и социальных групп, где определяющим является влияние субъективных, психологических факторов. Социальное пространство неустойчиво, а оценка его мерности и локальных точек может иметь двойственный характер для разных индивидуумов и групп. Различия в социальном пространстве – это дифференциация социального расстояния [11].

Таким образом, физическое и социальное пространства различаются структурно и по своему характеру. Второе всегда связано с конкретно-историческим временем, оно более динамично. Процессы, происходящие в социальном пространстве, принципиально не могут быть описаны языком формальной математической логики. Социальное пространство рассматривается как такое, которое формируется социальными процессами и взаимодействиями и в котором последние реализуются. Социальные процессы обусловлены жизнедеятельностью субъектов и групп.

Одним из важнейшим измерений социального пространства является его психологическое измерение или психосоциальное пространство. В гуманитарных науках описание социальных взаимодействий чаще всего осуществляется двумя путями: во-первых, описанием топа, т.е. топографии, например, особенностей ментальности авторов граффити в зависимости от топографических характеристик граффити [12]; во-вторых, описанием хронотопа, в котором в единой точке пересекаются пространство, время и смысл. Понятие хронотопа, предложенное А. А. Ухтомским и популяризованное М. М. Бахтиным [13], используется для целостного воссоздания психосоциального пространства с учетом дифференцированности его смыслопорождения, оценивания со стороны субъекта.

В настоящем исследовании была изучена мерность психосоциального пространства в регуляционно-управленческом сознании малой группы – студенческой группы. Выборку составили студенты 1-го и 2-го курсов факультета психологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии: на 1-м курсе 44 респондента, на 2-м курсе 40 респондентов ($n = 84$). Специфика социального пространства – учебная аудитория среднего размера, которая является привычной для студентов. Студенты, в зависимости от преподаваемых дисциплин, переходят из одной аудитории в другую. Сами аудитории друг от друга не отличаются сильно, в них есть парты, доска, мел, тряпка, но отсутствует специальное техническое оборудование. Аудитории средних размеров (18–26 м), пол ровный, студенты располагаются напротив преподавателя. Метод формирования выборки – рандомизация, т.е. случайный отбор как самих испытуемых, так и аудиторий. Для изучения мерности психосоциального пространства использовался метод группового оценивания.

В качестве гипотезы было высказано предположение, что мерности психосоциального и физического пространств будут отличаться друг от друга. Измерение физического пространства облегчено тем, что парты находятся на равном расстоянии друг от друга и поэтому можно определить расстояние между сидящими на 1–5 рядах как последовательность интервалов физического пространства.

В данном исследовании замерялся один из важнейших субъективных показателей психосоциального пространства – близость–дальность расположения, т.е. социального расстояния. Специфика учебной деятельности накладывает отпечаток на регуляционно-управленческое со-

знание группы. Студентам было предложено оценить, насколько близко или далеко они находятся в социальном пространстве. В данном случае преподаватель находится рядом с одной из стен и сама оценка связана с ситуацией педагогического общения. В инструкции сказано, что нужно оценить свое субъективное ощущение. Для самих студентов при отсутствии определенной инструкции таким ориентиром стал педагог. Для оценки использовалась 100-балльная шкала, где 0 означал – максимально далеко, а 100 – максимально близко.

Рассмотрим результаты: в основном показатели свидетельствуют о смещении общей оценки в сторону близости, т.е. по показателям средних (M) самый низкий из них составляет 60, а самый высокий – 71 балл, что является высоким показателем в 100-балльной шкале (табл. 1).

Таблица 1

Показатели измерения психосоциального пространства. 1-й курс

Показатели	Ряды					Общий показатель
	1	2	3	4	5	
M	–	62,7	68	60	71	65,1
Mo	–	–	–	50	60	60
Md	–	63	68	55	71	63
σ	–	5,5	30	15,3	12,1	15,8

Примечание. M – среднее, Mo – мода, Md – медиана, σ – среднеквадратичное отклонение.

Обращает себя внимание специфичность оценок. Удивительно, что наиболее высокие оценки по всем параметрам дескриптивной статистики получили студенты, которые сидят на 5-м ряду. Возможно, это связано с тем, что в педагогическом процессе все студенты имеют возможность видеть преподавателя, а сам педагог, общаясь с аудиторией, периодически смотрит вдаль, рассматривая всю аудиторию, так что ощущение контакта возникает и на 2-м и на 5-м рядах. Однако это не объясняет большую однородность оценок на 2-м и на 5-м рядах. Создается впечатление, что студенты, находящиеся на нечетных партах, ощущают себя ближе к педагогу, чем студенты, сидящие за четными партами.

Результаты исследования также показывают, что не «работает» эмпирически обоснованная классическая модель оценивания расположения обучающихся, согласно которой «отличники» сидят за первыми партами, а наименее успевающие, которые «прячутся» от преподавателя, – на последних. Пятая парта в психологической мерности психосоциального пространства оказалась наиболее специфичной. По-видимому, первая и последняя парты

оказываются в значительной мере сходными друг с другом в психологической мерности социального пространства. Специфичность оценивания психологического измерения на 1-м курсе ещё и в том, что на 1-й ряд никто из студентов не садится.

Как видно из показателей стандартного отклонения (σ), наблюдается большой разброс данных: причем больше различий у студентов, занимающих промежуточные ряды (3, 4), и больше устойчивости у студентов, занимающих крайние ряды (2, 4).

Для того, чтобы сравнить устойчивость выявленных закономерностей, мы также провели исследование на 2-м курсе факультета психологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (табл. 2).

Таблица 2

Показатели измерения психосоциального пространства. 2-й курс

Показатели	Ряды					Общий показатель
	1	2	3	4	5	
M	78,25	46,7	45	68,5	43	58,7
Mo	–	–	50	–	–	50
Md	85	50	50	68,5	43	57
σ	19,6	25,2	25,2	13,3	–	25,3

Примечание. M – среднее, Mo – мода, Md – медиана, σ – среднеквадратичное отклонение.

Отметим, что здесь студенты в основном расположились на 1–4-м рядах и только один студент – на 5-м, что статистически незначимо, но для полноты описания данных мы оставляем этот результат. По сравнению с 1-м курсом, сразу же обращают на себя внимание более низкие показатели близости психосоциального пространства. Однако в целом сохраняются выявленные закономерности: наиболее специфичными являются первый и четвертый ряды, причем разброс данных тоже похож: эти студенты демонстрируют большее сходство оценок близости–дальности психосоциального пространства, чем студенты, занимающие 2-й и 3-й ряды. Наибольший разброс оценок наблюдается у студентов, занимающих 2-й ряд.

Мы также провели опрос студентов: как, по их мнению, нужно оценивать пространство учебной аудитории? Они предложили оценивать мерность физического пространства по числу рядов, на которых находятся присутствующие студенты. Таким образом, появилась возможность сравнить показатели оценивания психосоциального пространства (табл. 3).

Далее мы провели общий анализ субъективной оценки психосоциального пространства по данным обеих подвыборок (табл. 4).

Таблица 3

Показатели мерности физического пространства по оценке студентов и их соотношение с индивидуальной субъективной оценкой (M)

Показатели	Ряды				
	1	2	3	4	5
Оценка физического пространства	80	60	40	20	–
1-й курс	–	62,7	68	60	71
2-й курс	78,25	46,7	45	68,5	
Общая оценка психосоциального пространства	78,25	–	–	–	–

Таблица 4

Показатели измерения психосоциального пространства

Показатели	Ряды					Общий показатель
	1	2	3	4	5	
<i>M</i>	78,25	54,7	54,9	62,1	66,3	63,9
<i>Mo</i>	–	–	50	80	60	50
<i>Md</i>	85	60	50	58,5	65,5	64
σ	19,6	18,5	27,7	14,9	15,7	21,4

Примечание. *M* – среднее, *Mo* – мода, *Md* – медиана, σ – среднеквадратичное отклонение.

Наименьший разброс характерен для студентов, занимающих 1-й ряд, на втором месте находятся студенты, занимающие нечетные 3-й и 5-й ряды, а наибольший разброс субъективных оценок у студентов, занимающих четные 2-й и 4-й ряды. В целом разброс значений довольно широк. Но, как видно из предыдущего анализа, необходим анализ каждой из подвыборок для более точной характеристики психологического измерения социального пространства.

Был также проведен корреляционный анализ для выявления возможных связей – согласованности оценок психосоциального пространства студентов, занимающих разные ряды.

Оказалось, что у студентов первого курса наблюдаются положительная корреляция психологического оценивания мерности социального пространства сидящих на 2-м и 4-м, 2-м и 5-м, 4-м и 5-м рядах, отрицательная корреляция между оценками психосоциального пространства у студентов, сидящих на 2-м и 3-м рядах (табл. 5).

Таблица 5

Матрица внутрикорреляционных связей

	Ряды			
	2	3	4	5
1-й курс				
2	–	–0,54**	0,69**	0,59**
3			–0,5**	–0,08
4				0,78**
2-й курс				
1	0,73**	–0,78**	0,49**	
2		–0,42*	0,7	
3			–0,69**	

Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

У студентов второго курса наблюдается положительная корреляция между оценками психосоциального пространства сидящих на 1-м ряду со студентами, находящимися на 4-м (последнем) ряду. Отрицательные корреляции обнаружены между оценками психосоциального пространства у студентов, сидящих на 1-м ряду, и оценками студентов, занимающих 3-й ряд, которые также отрицательно коррелируют с оценками студентов на 2-м и 4-м рядах.

Обращает на себя внимание совпадение отрицательной корреляции у студентов, занимающих 2-й и 3-й ряд в обеих выборках. Наблюдается также положительная корреляции оценивания социального пространства у студентов, занимающих 2-й и 4-й ряды. В обеих выборках наблюдается отрицательная корреляция между показателями тех, кто сидит на 3-м и 4-м рядах.

В обеих выборках показатели по первому ряду в учебной аудитории (1, 2) положительно коррелируют с показателями последнего ряда (5, 4).

Таким образом, наибольшая согласованность наблюдается между оценкой психосоциального пространства у студентов, занимающих крайние ряды. Специфичен в связи с этим 3-й ряд, для которого характерно наибольшее число отрицательных связей с показателями оценивания социального пространства у студентов, занимающих другие его точки.

По результатам исследования можно сделать несколько выводов. Оценка психосоциального пространства дифференциальна и отличается от оценки физического пространства. На специфику оценивания психосоциального пространства влияет группа, в частности, структура группы, положение индивидуума в психосоциальном пространстве: об этом свидетельствуют разные закономерности оценивания в двух группах.

Анализируя результаты исследования, можно сказать, что группа задает большую однородность оценок психосоциального пространства и влияет следующим образом: во-первых, на общий показатель близости–дальности оценки, который различается в обеих группах, во-вторых, на устойчивость оценки, которая более однородна на крайних рядах и менее устойчива на промежуточных, где наблюдается наибольший разброс оценок; в-третьих, ощущение близости в целом возрастает на 1-м ряду и на последних (4, 5), но при этом ряды должны занимать несколько человек, имеющих возможность воспринимать друг друга, так как в отдельных случаях индивидуальная оценка неустойчива.

В психологическом измерении студенческая аудитория делится на три основных пространства: первый ряд, последний ряд и промежуточные.

Следовательно, в целом можно говорить о том, что регуляционно-управленческое сознание является одним из компонентов общественного и группового сознания. Социальное пространство субъективно и формируется социальными процессами и взаимодействиями, в котором последние реализуются. Одним из важнейших измерений социального пространства является психологическое измерение, и в связи с этим мы считаем возможным говорить о психосоциальном пространстве. Исследование мерности психосоциального пространства на основе важнейшего его признака (расстояния) близости–дальности методом групповой оценки показало, что социальное пространство дифференцировано, а на его оценку влияет не только индивидуальный фактор, но и регуляционно-управленческое сознание малой группы.

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ, проект «Социальная психология религиозного (конфессионального), этнонационального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России» (№ 25.1028.2014/к).

Список литературы

1. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб. ; М., 2003. 860 с.
2. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб., 1999. 319 с.
3. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997. 688 с.
4. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 2001. 290 с.
5. Анастаси А. Дифференциальная психология. М., 2001. 752 с.
6. Белкин А. И. Генезис сознания как уровневая динамика личностного отношения субъекта // Проблема сознания в психологии и смежных науках : тематический сб. ст. Самара, 2009. Вып. 4. С. 183–193.
7. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. СПб., 2000. 320 с.
8. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2000–2001. Т. 1. 360 с.
9. Дюркгейм Э. Метод социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX вв. М., 1996. С. 256–309.
10. Рассел Б. Человеческое познание. М., 2001. 383 с.
11. Положительная философия О. Конта в изложении д-ра Робине / пер. с франц. СПб., 1898. 198 с.
12. Белкин А. И. Настенные надписи Самары. Самара, 2008. 428 с.
13. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.

Role of Regulatory and Administrative Consciousness in Psychological Measurement of Social Space

A. I. Belkin

Volga Samara State Academy of Social Sciences and Humanities
65/67, M. Gorkogo str., Samara, 443099, Russia
E-mail: rotati@mail.ru

In article results of research of a ratio of regularity of physical and psychological space on the example of student's audience are discussed. Specifics of regulatory and administrative consciousness are considered. On the basis of the analysis of researches of motivation of behavior, influence of small group on decision-making the conclusion about high-probabilistic communications between psychological variables and social behavior is drawn. It is shown that the social space is caused by social processes and interactions. The assessment of social space is subjective, and its major indicator is the proximity range of distance between social objects. In work features of reflection of the received regularities in consciousness of students of 1 and 2 courses are investigated. Regulatory features of regularity of social space and their reflection in consciousness of students are established.

Key words: regulatory and administrative consciousness, personality, group, group consciousness, valuable and regulatory system, functions.

References

1. Khekkhauzen X. *Die Motivation und die Tötigkeit*. Berlin, 1974. 870 p. (Russ.ed.: Khekkhauzen Kh. *Motivatsiya i deyatelnost*. St.-Petersburg; Moscow, 2003. 860 p.).
2. Festinger L. *A theory of cognitive dissonance*. London, 1957. 230 p. (Russ.ed.: Festinger L. *Teoriya kognitivnogo dissonansa*. St.-Petersburg, 1999. 319 p.).
3. Myers D. G. *Social Psychology*. 5th Canadian ed. New York, 2012. 744 p. (Russ.ed.: Mayers D. *Sotsialnaya psikhologiya*. St.-Petersburg, 1997. 688 p.).
4. Andreeva G. M. *Sotsialnaya psikhologiya* (Social psychology). Moscow, 2001. 290 p.
5. Anastazi A. *Differential psychology*. New York, 1986. 644 p. (Russ. ed.: Anastazi A. *Differentsialnaya psikhologiya*. Moscow, 2001. 752 p.).
6. Belkin A. I. Genезis soznaniya kak urovnevaya dinamika lichnostnogo otnosheniya subekta (Genesis of consciousness as-level dynamics of the personal relation of the subject). *Problema soznaniya v psikhologii i smezhnykh naukakh* (Consciousness problem in psychology and interdisciplinary sciences). Samara, 2009, iss. 4, pp. 183–193.
7. Druzhinin V. N. *Eksperimentalnaya psikhologiya* (Experimental psychology). St.-Petersburg, 2000. 320 p.
8. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* (New philosophical encyclopedia: in 4 vol.). Moscow, 2000–2001, vol. 1. 360 p.
9. Durkheim E. *Sur la division du travail public*. Paris, 1893. 120 p. (Russ.ed.: Dyurkgeym E. *O razdelenii obschestvennogo truda*. Moscow, 1996, pp. 256–309).
10. Russell B. A. W. *Human knowledge*. London, 1948. 268 p.

(Russ.ed.: Rassel B. *Chelovecheskoe poznanie*. Moscow, 2001. 383 p.).

11. *La philosophie positive du Lisürü dans l'exposition du docteur Robine*. Paris, 1894. 122 p. (Russ.ed.: *Polozhitelnaya filosofiya O. Konta v izlozhenii d-ra Robine*. Per. s frants. St.-Petersburg, 1898.198 p.).

12. Belkin A. I. *Nastennye nadpisi Samary* (Wall inscriptions of Samara). Samara, 2008. 428 p.

13. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* (Forms of time and chronotope in the novel). *Voprosy literatury i estetiki* (Questions of literature and esthetics). Moscow, 1975, pp. 234–407.

УДК 316.6

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ САМОРЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ЭТНОГРУПП

Бочарова Елена Евгеньевна –

кандидат психологических наук, доцент,
кафедра социальной психологии образования и развития,
Саратовский государственный университет
E-mail: bocharova-e@mail.ru

Представлены результаты теоретического и эмпирического исследований структурно-содержательных характеристик саморегуляции социального поведения личности представителей разных этногрупп. Эмпирическое исследование выполнено на пропорционально подобранной выборке студенческой молодежи (г. Саратов), причисляющей себя к русскому и татарскому этносу ($n = 60$, женского и мужского пола; 18–20 лет), с применением психодиагностического инструментария: «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой), опросника В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения и деятельности» (ССПМ), уточняющей беседы, методов сравнительного и корреляционного анализов. Установлено, что наибольшая представленность компонентов «оценивание результатов» и «гибкость», наблюдаемая в выборке русских, свидетельствует о проявлении тенденции к «приспособляемости» и самоизменению, способности к расширению диапазона поведенческих паттернов, стратегий их реализации в соответствии с собственными критериями успешности. В выборке татарской молодежи наблюдается тенденция к устойчивости поведенческих паттернов, стратегий их реализации в достижении намеченных целей, с одной стороны, и сопротивляемости к изменениям, с другой.

Ключевые слова: личность, социальное поведение, саморегуляция, этнические установки, этногруппа.

К постановке проблемы

Актуализация исследовательского интереса к проблеме саморегуляции социального поведения личности в этнопсихологическом ракурсе обусловлена состоянием современного общества, характеризующимся, прежде всего, его глобализацией. Усиление тенденции к «единству многообразия» в условиях глобализации общества приводит к унификации многих ценностей, культурных норм, образцов поведения. Между тем, поддерживая собственную уникальность

и этнокультурное своеобразие, каждый этнос актуализирует свои механизмы вхождения в глобальные процессы, что не может не отразиться на функционально-процессуальных характеристиках саморегуляции социального поведения личности представителя общества. Как показано в ряде работ, изменчивость мира и его образа в сознании людей разных ментальности, образования и социальной принадлежности меняет и само представление о межличностных и межгрупповых отношениях и аттрактивности партнеров, проблематизируя или, напротив, упрощая контакты с людьми другой культуры [1–4].

Согласно данным Р. М. Шамяниной, в изучение социального поведения личности включают и собственно объективное течение поведения, его фиксируемые характеристики и механизмы, а также влияние поведения одного на других людей, их поведение, но еще больше – социально-психологические факторы, условия, лежащие в его основе: межгрупповые отношения, стереотипы и мораль, нравственность, влияние средств массовой информации и т.д., а также нормы, ценности, роли, усваиваемые индивидом в процессе социализации, – все то, что относят, как правило, к внутренним инстанциям личности [4, с. 8].

Важным обстоятельством является и то, что поведение личности включено в широкую систему социальной регуляции, функционирование которой связано с реализацией множества взаимодействующих механизмов. Контролирующие и управляющие процессы регуляторной деятельности имеют сложную иерархическую структуру, поэтому изучение природы саморегуляции с целью выявления её механизмов

требует привлечения различных параметров, в числе которых и этнопсихологические.

Как показано в ряде работ, саморегуляция поведения личности детерминирована культурой, включающей сеть социальных отношений, обычаев, верований, учений, традиций, аттитюды или правила, регулирующие отношения в социуме, и опыт исторического развития [3, 5]. Структура ментального мира связана с областью коллективного бессознательного, но становится реальностью в мышлении, чувствах и поведении. Ментальность, будучи системой взаимосвязанных представлений, безусловно, оказывает влияние на саморегуляцию социальной группы в целом и ее представителей. Как отмечают К. Г. Эрдынеева, В. Б. Батоцыренов и А. Л. Журавлёва, в условиях глобализации феномен саморегуляции соотносится с вполне определенными и едиными для всех социокультурными критериями. Между тем процесс аккультурации связан со сложностями конкретного выбора личностных ориентиров регуляции своего поведения, так как обусловлен разнонаправленными способами жизнедеятельности других людей [3].

Программа эмпирического исследования

Целью представленной работы явилось выявление структурно-содержательных характеристик саморегуляции социального поведения личности представителей разных этногрупп. Эмпирическое исследование выполнено на пропорционально подобранной выборке студенческой молодежи (г. Саратов), причисляющей себя к русскому и татарскому этносу ($n = 60$, женского и мужского пола; 18–20 лет), с применением психодиагностического инструментария: «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой), опросника В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения и деятельности» (ССПМ), уточняющей беседы. В качестве математико-статистических методов были использованы сравнительный анализ данных с применением t -критерия Стьюдента, корреляционный анализ по Пирсону с применением программного пакета SPSS и приложения Microsoft Excel for Microsoft Office XP.

Данные межгруппового сравнительного анализа структурной организации этнической идентичности в исследуемых выборках позволяют констатировать доминирующую выраженность позитивного типа этнической идентичности с проявлением тенденции индифферентного отношения к представителям других этносов в сочетании с этнонигилистическими установками, что особенно рельефно проявляется в выборке татарской молодежи ($p \leq 0,05$). Вполне вероят-

но, что данный факт является свидетельством проявления толерантности по отношению и к собственной, и другим этническим группам, готовности к межэтническим контактам, взаимодействию с «они-группой». Однако нельзя не отметить наличие наибольшей представленности паттернов «этнонигилизм – этническая индифферентность – этнонорма» в выборке представителей татарского этноса ($t_{cp} = 2,28$), что свидетельствует, на наш взгляд, о проявлении этноконсолидирующих признаков на фоне проявления стремления поддерживать собственные этнокультурные ценности, приверженности традициям, реализации традиционных паттернов поведения в соответствии с этнонормативными предписаниями и правилами. Небезызвестен и тот факт, что, в конечном счете, этнодифференциация приводит к осознанию как психологических особенностей своего этноса, так и особенностей других этнических общностей.

Обратимся к данным сопоставительного анализа (по t -критерию Стьюдента) выраженности структурных компонентов саморегуляции социального поведения личности представителей русской и татарской этногрупп (табл. 1).

Таблица 1

Выраженность структурных компонентов саморегуляции социального поведения представителей русской и татарской этногрупп

Компоненты саморегуляции	Русские	Татары	t_{st}
Планирование	5,2	6,83	2,41*
Моделирование	5,13	6,69	2,75**
Программирование	4,27	6,83	3,65**
Оценивание результатов	6,43	5,03	2,41*
Гибкость	6,93	5,41	2,3**
Самостоятельность	5	5,36	0,75
Общий уровень саморегуляции	27,4	29,69	2,35*

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Обращаясь к данным (см. табл. 1), можно констатировать наличие достаточно высокого уровня выраженности в выборке русских таких компонентов саморегуляции социального поведения, как «оценивание результатов» и «гибкость». В выборке татарской молодежи наибольшей выраженностью отличаются «планирование», «моделирование» и «программирование». Значительные различия, согласно данным сопоставительного анализа (по t -критерию Стьюдента), обнаружены в выраженности средних показателей параметров саморегуляции социального поведения личности. Так, наибольшая представленность компонентов «оценивание результатов» (среднее значение = 6,43) и

«гибкость» (среднее значение = 6,93), наблюдаемая в выборке русских, свидетельствует о проявлении тенденции к «приспособляемости» и самоизменению, способности к расширению диапазона поведенческих паттернов, стратегий их реализации в соответствии с собственными критериями успешности.

В выборке татар наиболее высока выраженность показателей «планирование» (среднее значение = 6,83), «моделирование» (среднее значение = 6,69), «программирование» (среднее значение = 6,83), «общий уровень саморегуляции» (среднее значение = 29,69), кроме того,

«гибкость» (среднее значение = 5,41) менее выражена, нежели в выборке русских. Можно полагать, что это свидетельствует о проявлении тенденции к устойчивости (возможно, социальной «ригидности») поведенческих паттернов, стратегий их реализации в достижении намеченных целей, с одной стороны, и сопротивляемости к изменениям, с другой.

Обратимся к данным корреляционного анализа (по Пирсону), выполненного между параметрами этнической идентичности и структурных компонентов саморегуляции социального поведения в исследуемых выборках (табл 2).

Таблица 2

Корреляционные взаимосвязи между параметрами этнической идентичности и структурных компонентов саморегуляции социального поведения личности русского и татарского этноса

Компоненты саморегуляции социального поведения	Параметры этнической идентичности					
	Представители русского этноса					
	ЭТНЗ	ЭТИНД	НОРМА	ЭЭГЗМ	ЭИЗОЛ	ЭФНТЗ
Планирование	0,3	0,17	0,12	-0,05	-0,06	0,03
Программирование	0,28	0,40*	0,33*	0,05	-0,29	0,12
Моделирование	-0,01	-0,09	-0,31	-0,23	-0,24	0,027
Оценивание результатов	-0,13	0,01	-0,11	-0,24	-0,24	-0,27
Гибкость	-0,05	0,33*	0,04	0,019	-0,16	-0,35*
Самостоятельность	0,13	0,16	0,17	-0,2	-0,02	-0,17
Общий уровень саморегуляции	0,2	0,35*	0,12	-0,11	-0,21	-0,13
Представители татарского этноса						
Планирование	-0,04	-0,22	0,45*	-0,02	-0,01	-0,02
Программирование	-0,04	-0,22	0,35*	-0,02	-0,01	-0,02
Моделирование	-0,05	-0,06	0,37*	-0,14	-0,16	0,025
Оценивание результатов	-0,31	-0,11	0,39*	-0,29	-0,24	-0,26
Гибкость	-0,08	0,29	-0,04	-0,1	-0,03	-0,11
Самостоятельность	0,20	-0,19	-0,2	0,39*	0,33*	0,23
Общий уровень саморегуляции	-0,22	-0,21	0,15	-0,21	-0,14	-0,11

Примечание. ЭТНЗ – этнонигилизм; ЭТИНД – этническая индифферентность; НОРМА – позитивная этническая идентичность; ЭЭГЗМ – этноэгоизм; ЭИЗОЛ – этноизоляция; ЭФНТЗ – этнофанатизм; * $p \leq 0,05$.

Обращаясь к данным (см. табл. 2), прежде всего, необходимо отметить наличие достоверно значимых взаимосвязей между параметрами этнической идентичности и структурными компонентами саморегуляции социального поведения личности в исследуемых выборках, преимущественное большинство которых наблюдается в выборке татарской молодежи (в татарской выборке 6 взаимосвязей, в русской – 5), свидетельствующих о презентации этнического в системе саморегуляции.

В выборке русских существуют достоверно значимые взаимосвязи между показателями: этнической индифферентности, программированием ($r = 0,40$ при $p \leq 0,05$), гибкостью ($r = 0,33$ при

$p \leq 0,05$) и общим уровнем саморегуляции ($r = 0,35$ при $p \leq 0,05$); позитивной этнической идентичности и программированием ($r = 0,33$ при $p \leq 0,05$); гиперидентичность отрицательно взаимосвязана с гибкостью ($r = 0,33$ при $p \leq 0,05$). Отметим, что этническая индифферентность является индикатором размывания этнической идентичности и неопределенности этнической приверженности личности. Между тем взаимосвязь этнической индифферентности со структурными компонентами саморегуляции (программированием, гибкостью, общим уровнем саморегуляции), на наш взгляд, позволяет говорить о готовности испытуемых к актуализации на межгрупповом уровне конструктивных стратегий социальной

мобильности на фоне проявления тенденции игнорирования этнической причастности личности, ее приверженности существующим этническим нормам и предписаниям, традициям. Кроме того, данная выборка, отличаясь пластичностью процессов саморегуляции, связанных с отсутствием стремления к этническому доминированию, не склонна доказывать преимущества своей этнической принадлежности.

В выборке татарской молодежи установлены достоверно значимые взаимосвязи между показателями: позитивной этнической идентичности планированием ($r = 0,45$ при $p \leq 0,05$), программированием ($r = 0,35$ при $p \leq 0,05$), моделированием ($r = 0,37$ при $p \leq 0,05$) и оцениванием результатов ($r = 0,39$ при $p \leq 0,05$); самостоятельности и этноэгоизма ($r = 0,39$ при $p \leq 0,05$) и этноизоляциялизма ($r = 0,33$ при $p \leq 0,05$). Можно полагать, что данный факт свидетельствует о готовности испытуемых к презентации своей идентичности в реализации стратегий поведения при достижении намеченных целей, объясняемой тесной «привязанностью» к этносоциальным нормам. Это относится и к случаю проявления стратегий независимости, сопровождающихся гипертрофией этнической идентичности.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, отметим, что саморегуляция социального поведения в исследуемых выборках представлена комплексом взаимодействующих механизмов, среди которых особое место занимает этническая идентичность. В выборке русских отмечается готовность к актуализации стратегий социальной мобильности на фоне проявления тенденции игнорирования этнической причастности личности, ее приверженности существующим этническим нормам и предписаниям, традициям. Напротив, в выборке татарской молодежи – готовность к презентации своей идентичности в реализации стратегий поведения при достижении намеченных целей, объясняемой тесной «привязанностью» к этносоциальным нормам.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Структура и предикторы субъективного благополучия личности: этнопсихологический анализ» (грант № 14-06-00250).

Список литературы

1. Андреева Г. М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования. 2012. Т. 7, № 5 (26). С. 1. URL: <http://psystudy.ru/>

index.php/num/2012v5n26/772-andreeva26.html (дата обращения: 22.11.2014).

2. Марцинковская Т. Д. Социальная и эстетическая парадигмы в методологии современной психологии // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 37. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 22.11.2014).
3. Эрдынеева К. Г., Батоцыренов В. Б. Универсальные и культурно-специфичные механизмы саморегуляции личности // Успехи современного естествознания. 2009. № 1. С. 57–59. URL: www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7783510 (дата обращения: 23.11.2014).
4. Шамянов Р. М. Психология социального поведения личности. Саратов, 2009. 186 с.
5. Журавлева А. Л. Социальная психология. М., 2002. 351 с.

Structural and Substantial Characteristics Self-control of Social Behavior of Representatives Different Ethno-groups

E. E. Bocharova

Saratov State University
83, Astrakhanskay str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: bocharova-e@mail.ru

The article presents theoretical and empirical study of structural and substantial characteristics of self-control of social behavior of representatives different ethnogroups are presented. Empirical research is executed in proportion the picked-up selection of student's youth (Saratov), ranking themselves as the Russian and Tatar ethnos ($n = 60$, female and male; 18–20 years old) with use of psycho-diagnostic tools: «Types of ethnic identity» (G. U. Soldatova, S. V. Ryzhova), V. I. Morosanova's questionnaire «Style of self-control of behavior and activity» (SSPM), the specifying conversation, methods of comparative and correlation analyses. It is established that the greatest representation of the «estimation of results» and «flexibility» components observed in selection of Russians testifies to manifestation of a tendency to «adaptability» and self-change, ability to expansion of range of behavioural patterns, strategy of their realization according to own criteria of success. In selection of the Tatar youth the tendency to stability of behavioural patterns, strategy of their realization in achievement of the planned purposes, on the one hand and resilience to changes, with another is observed.

Key words: personality, social behavior, self-control, ethnic orientations, ethno-group.

References

1. Andreeva G. M. Presentatsii identichnosti v kontekste vzaimodeystviya (Identity presentation in interaction context). *Psikhologicheskie issledovaniya* (Psychological researches). 2012, vol. 7, no. 5 (26), pp. 1. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/772-andreeva26.html> (accessed 22 November 2014).
2. Martsinkovskaya T. D. Sotsialnaya i esteticheskaya paradigmy v metodologii sovremennoy psikhologii

(*Social and aesthetic paradigms in methodology of modern psychology*). *Psikhologicheskie issledovaniya* (Psychological researches). 2014, vol. 7, no. 37, pp. 12. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 22 November 2014).

3. Erdynееva K. G., Batotsyrenov V. B. Universal'nye i kulturno-spetsifichnye mekhanizmy samoregulyatsii lichnosti (Universals and cultural-specifics mechanisms of self-control of the personality). *Uspekhi sovremen-*

nogo estestvoznaniya (Achievements of modern natural sciences), 2009, no. 1, pp. 57–59. Available at: www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7783510 (accessed 23 November 2014).

4. Shamionov R. M. *Psikhologiya sotsial'nogo povedeniya lichnosti* (Psychology of social behavior of the personality). Saratov, 2009, 186 pp.
5. Zhuravleva A. L. *Sotsialnaya psikhologiya* (Social psychology). Moscow, 2002. 351 p.

УДК 159.923.2

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КАДЕТОВ-ПЯТИКЛАССНИКОВ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В КАДЕТСКОЙ ШКОЛЕ-ИНТЕРНАТЕ

Власова Наталья Валериевна –

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Саратовский государственный университет
E-mail: natali-viola@mail.ru

Статья содержит результаты анализа социально-психологических особенностей адаптации кадетов-пятиклассников к условиям жизнедеятельности в кадетской школе-интернате. Автор рассматривает факторы, обуславливающие трудности адаптации кадетов-пятиклассников, а также приводит критерии ее успешности. Представлены результаты диагностики эмоционально-личностной сферы учащихся по показателям субъективного эмоционального состояния, уровня школьной тревожности. Выявлены различные виды стресса, которые испытывают кадеты-пятиклассники в условиях жизнедеятельности кадетской школы-интерната. По результатам анкетирования изучены мнения воспитанников относительно степени удовлетворенности/неудовлетворенности их обучением в кадетской школе. Рассмотрены вопросы организации психолого-педагогического сопровождения адаптации воспитанников кадетской школы-интерната.

Ключевые слова: кадетская школа-интернат, социально-психологическая адаптация, психолого-педагогическое сопровождение.

Сохранение психологического здоровья ребенка на этапе начальной стадии пубертатного возраста во многом определяется успешностью прохождения процесса социально-психологической адаптации при переходе из начального в среднее звено обучения. Социально-психологические аспекты адаптации стали предметом изучения в работах А. А. Бодалева, Г. А. Балла, И. В. Дубровиной, Н. Г. Лускановой, А. А. Налчаджяна, И. Н. Сахаровой, Г. А. Цукерман и др. По данным исследователей, адаптация пятиклассников к новому режиму обучения продолжается в течение всего первого полугодия. Приспособление к новым условиям требует от организма

ребенка напряжения адаптивных механизмов. Значительные изменения в этот период наблюдаются в эмоциональной, интеллектуальной, личностной сферах учащихся. Отмечаются замедление темпов роста познавательной активности, снижение внимания, памяти, общей работоспособности. Психофизиологическая перестройка детского организма приводит к изменению поведения подростков, эмоциональной неустойчивости, неуравновешенности и быстрой утомляемости [1].

Особое место среди образовательных учреждений в критический период обучения детей занимают кадетские школы-интернаты. Современное кадетское учреждение – это модель образовательного устройства, основными задачами которого являются интеллектуальное, физическое, морально-нравственное развитие личности ребенка, а также воспитание чувства патриотизма и готовности к служению Отечеству. Организация жизнедеятельности кадетской школы-интерната предполагает приобщение воспитанников к казарменному быту и новым условиям умственного и физического труда, усвоение норм поведения, традиций и ценностей образовательного учреждения, овладение учащимися военно-учебной деятельностью. Содержание и условия жизнедеятельности в кадетской школе-интернате отличаются повышенными психологическими, физическими и умственными нагрузками.

Актуальность изучения проблемы адаптации пятиклассников к условиям обучения в кадетской школе продиктована необходимостью органи-

зации социально-психологического сопровождения воспитанников в процессе освоения ими новых социальных ролей, принятия нового социального статуса, установления системы межличностных отношений в коллективе и учебной деятельности. Одной из важнейших задач социально-психологического сопровождения учебного и воспитательного процесса в кадетском учреждении является организация деятельности психологической службы по профилактике негативных эмоциональных и поведенческих расстройств, а также активизация взаимодействия офицеров-воспитателей, преподавателей, педагога-психолога и родителей.

Трудности адаптации кадетов-пятиклассников обусловлены многими факторами, изменяющими жизнь ребенка: отделением от семьи, связанным с переменой места жительства, и в связи с этим оторванностью от привычного уклада жизни и системы семейных взаимоотношений; необходимостью самостоятельной организации повседневного быта – следить за формой, личной гигиеной; жизнью в новом коллективе, гомогенном по своему составу; жесткой регламентацией распорядка дня; жизнью по воинскому уставу, которая отличается субординацией, подчинением и преобладанием групповых видов деятельности.

Возникающие на первом году обучения у кадетов и их родителей трудности обусловлены личностными особенностями воспитанников, несоответствием представлений о реальных условиях обучения и воспитания, высокими учебными и дисциплинарными требованиями. Всё это может привести к нервно-психической неустойчивости, преобладанию тревожных эмоций, истощению психических возможностей, иными словами, к дезадаптации детей. Таким образом, приоритетными направлениями работы психологической службы кадетского учреждения являются изучение особенностей процесса социально-психологической адаптации кадетов-пятиклассников и организация условий, обеспечивающих его эффективность.

Понятию «адаптация» (приспособление) уделяется немало внимания при изучении вопросов взаимодействия человека с природной и социальной средой, особенностей преодоления личностью затруднительных жизненных ситуаций, используемых при этом моделей адаптационных жизненных стратегий и защитных механизмов. Выделяют уровни адаптации: психофизиологическую (как совокупность физиологических реакций организма), психологическую (как способность к сохранению целостности и адекватному реагированию на различные

ситуации окружающей среды) и социально-психологическую. Психологическая адаптация – это процесс психологической включенности личности в системы социальных, социально-психологических и профессионально-деятельностных связей и отношений, а также исполнение соответствующих ролевых функций [1]. «Социально-психологическая адаптация – это процесс преодоления проблемных ситуаций личностью, в ходе которого она использует приобретенные на предыдущих этапах своего развития навыки социализации, что позволяет ей взаимодействовать с группой без внутренних или внешних конфликтов, продуктивно выполнять ведущую деятельность, оправдывать ролевые ожидания и, при всем этом, самоутверждаясь, удовлетворять свои основные потребности» [2, с. 15].

И. А. Красильников и В. В. Константинов акцентируют внимание на том, что различия между психологической и социально-психологической адаптацией обусловлены не только приспособительными процессами, но и активным преобразованием свойств личности в ходе взаимодействия со средой путем освоения новых форм ролевого и совладающего поведения, трансформации ценностно-смысловой сферы личности [3, с. 933].

Г. А. Балл отмечает, что понятие «адаптация» способно сыграть важную роль в психологическом познании процесса взаимодействия субъекта и среды, если трактуется широко, как единство противоположно направленных процессов – аккомодации (приспособления) и ассимиляции (преобразования), т.е. рассматривается в аспекте диалектической взаимосвязи двух направлений адаптации. «Принятие и решение личностью задач, предложенных ей извне, в том числе в ходе воспитательных воздействий на нее, можно трактовать как проявление аккомодации, т.е. приспособления к среде (в данном случае – социальной. – И. В.). Но к предложенной ей задаче личность всегда, так или иначе, относится... и именно это отношение определяет способ ее включения в решение задачи, а затем способ осуществления и регуляции деятельности. И если задача принята личностью, стала ее задачей, то действия, направленные на решение этой задачи, выступают одновременно как проявление ассимиляции» [4, с. 98].

Таким образом, адаптация представляется как процесс активного взаимодействия личности и среды, опосредующий уровень развития личности и способствующий формированию сознательной регуляции ее поведения и деятельности.

В нашей работе мы коснемся вопроса особенностей социально-психологической адапта-

ции. В этом процессе личность входит в новое социальное окружение, формирует социальные качества общения, поведения и деятельности, принятые в данной среде, благодаря которым сможет реализовать свои устремления, потребности и интересы. Особенности такой адаптации определяются уровнем личностного развития человека, регуляционную основу которого составляют механизмы личностной регуляции поведения и деятельности. Критериями адаптированности можно считать возможность реализации личностью своего потенциала в комплексе новых условий жизнедеятельности, субъективное чувство самоуважения, общий уровень здоровья и психоэмоционального состояния.

Социально-психологическая адаптация в кадетской школе-интернате подразумевает процесс взаимодействия кадета с социальным окружением: учащимися взвода, преподавателями, воспитателями, офицерами-воспитателями и родителями. Кадет считается адаптированным к новым условиям обучения и воспитания, если:

1) находясь в среде сверстников (других кадетов) не конфликтует с ними, а если происходят конфликты, то умеет разрешить их в социально приемлемой форме; у него широкий круг общения;

2) заинтересован в учебе, умеет организовать самостоятельно процесс овладения учебной деятельностью в ходе самоподготовки домашних заданий;

3) умеет подчиняться и ставит интересы группы выше собственных, включен в деятельность группы;

4) способен овладеть правилами и нормами поведения этого учебного заведения и следовать им в процессе жизнедеятельности в школе; умеет самостоятельно обеспечить удовлетворение собственных бытовых потребностей;

5) формируется позитивное отношение к школе, он активно включен в различные секции, кружки дополнительного образования и другие сферы школьной жизни.

Учитывая тот факт, что процесс психического и личностного развития детей охватывает возрастные границы 10–11 лет, а изменение условий жизнедеятельности в кадетской школе может стать дезорганизующим фактором их психической деятельности, необходимо в процессе адаптации учитывать предшествующий жизненный опыт ребенка при активизации ресурсов его личностного потенциала.

Таким образом, вышеотмеченные требования к прохождению адаптации кадетов-пятиклассников определили и задачи школьной психологической службы:

1) изучение эмоционально-личностных особенностей кадетов 5-го класса;

2) определение степени удовлетворенности (неудовлетворенности) учащихся школьной жизнью;

3) выявление трудностей, с которыми может сталкиваться ребенок, как при соблюдении режима, так и в учебе;

4) выявление детей, склонных к дезадаптации;

5) формирование психолого-педагогической компетенции родителей, касающейся адаптации ребенка к новым условиям обучения;

6) разработка психолого-педагогических рекомендаций офицерам-воспитателям и педагогам.

Для решения поставленных задач мы организовали проведение комплексной диагностики, в ходе которой использовались следующие методики: «Проективная методика» М. Люшера; «Анкета на выявление степени удовлетворенности (неудовлетворенности) учащимися школьной жизнью» А. А. Андреева; «Тест школьной тревожности» Б. Н. Филлипса, беседа, наблюдение [5]. В исследовании приняли участие 26 воспитанников 5-го класса кадетской школы-интерната г. Саратова.

Анализ социального состава семей воспитанников показывает, что 46% вновь поступивших пятиклассников воспитываются в полных семьях; 42% – в семьях с нарушенной структурой отношений (в разводе, неполная семья, повторные браки); 7% пятиклассников – из многодетных семей и 5% – из опекунских семей.

На этапе знакомства мы решили выяснить у детей степень их информированности о том, кто такой психолог. Представления детей об этой профессии отличались различным смысловым содержанием и касались как сфер медицины, педагогики, так и социально-помогающих профессий. Особенности понимания отражены в следующих высказываниях воспитанников:

1) психолог – медик: «Психолог лечит психов», «Психолог проверяет психику», «Когда болит голова, нервы, то надо к нему идти»; «Психолог – это врач»; «Если чешутся глаза, то надо к нему идти».

2) психолог – педагог: «Психолог учит и направляет детей»;

3) психолог – социально помогающая профессия: «Психолог может успокоить человека, решить конфликт, особенно когда скучаешь по дому или когда трудно», «Психолог – это человек который смотрит, как человек себя ведет, какие у него привычки. К психологу обращаются, когда душевно плохо, когда коллектив не принимает»,

«Психолог работает с людьми и пытается привести психику в норму, успокоить, когда скучаю по дому», «Психолог узнает твой интеллект, смотрит развитие ребенка».

На первом этапе исследования особенностей социально-психологической адаптации кадетов-пятиклассников к условиям жизнедеятельности в кадетской школе-интернате использовались метод наблюдения (как метод сбора данных) и проективная методика Люшера. Наблюдение за детьми проводилось в течение месяца в различные моменты: на уроках, в период самоподготовки, в вечернее время, когда дети готовятся ко сну и вечерней проверке. На предварительном этапе изучения особенностей адаптации детей к жестко регламентированному режиму дня мы использовали полевое наблюдение. Оно позволило понять, как проявляются личностные особенности детей на уровне поведения и общения в созданных условиях их повседневной жизни и деятельности. Нестандартизированное наблюдение применялось в ситуациях учебной деятельности детей, чтобы изучить степень их активности на уроке, особенности взаимодействия в системе учитель-ребенок, умение пятиклассников самостоятельно организовать учебную деятельность при самоподготовке. Метод включенного наблюдения мы использовали с целью изучения специфики межличностных отношений в группе, чтобы лучше постичь атмосферу группы и внутренний мир кадетов-пятиклассников. На основе данных наблюдения и диагностики мы определили, что: адаптация в целом проходит благоприятно у 73% кадетов-пятиклассников; трудности адаптации выявлены у 27% детей (7 человек), из которых три выбыло в течение месяца после поступления; признаки дезадаптации отмечаются у 15% (4 человека). Трудности социально-психологической адаптации у данных детей проявляются в нарушении школьных правил поведения, проявлении агрессии – грубости по отношению к одноклассникам, резких вспышках гнева, недовольства, выраженной лживости. У детей этой группы отмечаются также низкий уровень культуры общения со сверстниками, трудности в овладении и самостоятельной организации учебной деятельности, низкий уровень активности и продуктивности деятельности на уроке, импульсивность поведения, низкие самоконтроль и саморегуляция эмоций.

Существующая классификация уровней социальных отклонений в процессе адаптации Е. В. Змановской позволяет распределить кадетов 5-го класса на две группы, т.е. это дети, которые испытывают трудности адаптации:

1) эпизодические нарушения поведения отмечаются у 12% детей. Основная цель поведения этих детей – снижение психоэмоционального напряжения путем разрядки агрессивных импульсов, в результате этого адаптация затрудняется проявляющимися компенсаторными поведенческими реакциями;

2) тотальное нарушение поведения встречается у 15% детей; личностные особенности воспитанников: ярко выражена эгоцентричность, завышена самооценка, демонстративность. На поведенческом уровне это проявляется: в склонности обвинять других в собственных неудачах; в неумении вести себя в соответствии с общепринятыми нормами и требованиями; низкой самокритичности. Основная цель поведения этих детей – неудовлетворенная потребность в самоутверждении и личностном признании [6].

По результатам диагностики эмоциональной сферы учащихся проективной методикой Люшера можно сделать вывод, что в процессе адаптации к новым условиям обучения дети испытывают различные виды стресса: 42% детей (11 человек) испытывают стресс, вызванный вынужденными ограничениями и запретами, связанными с жесткой регламентацией распорядка дня, высокими требованиями, а также с отсутствием (по мнению детей) понимания и признания их со стороны значимых взрослых. Это говорит о том, что у детей отмечается ярко выраженная потребность в более эмоционально теплых отношениях, в стремлении завоевать признание значимых взрослых, обладать авторитетом.

Следует отметить, что стрессовая ситуация забирает много жизненной энергии и сил. Дети склонны либо подавлять различные негативные эмоции и чувства, что в результате может привести к нервному истощению и психосоматическим проявлениям, либо проявлять агрессию в социально неприемлемой форме, так сказать, разряжаться на других. И в том, и в другом случаях мы имеем дело с возникновением компенсаторного поведения, целью которого выступает сохранение позитивного образа Я, удовлетворение потребности во внимании, желание самоутвердиться и избавиться от социально неприемлемой ситуации и переживаний.

По результатам проведенного анкетирования, которое проходило спустя два месяца после начала обучения, изучено мнение пятиклассников относительно особенностей их обучения в кадетской школе: в целом 100% детей считают, что кадетская школа по-настоящему готовит их к самостоятельной жизни, и им нравится в ней учиться. 90% воспитанников указывают, что

они успевают выполнять домашнее задание, могут обращаться за помощью к учителям, и у них уже есть любимый учитель и воспитатель. Но результаты анкетирования свидетельствуют, что наибольшие трудности в ходе адаптации к условиям обучения у 60% воспитанников вызывает учеба. На трудности соблюдения режима (утренний подъем, зарядка и уборка) указывают 46% детей.

Результаты диагностики эмоционального состояния воспитанников по методике Филлиппса свидетельствуют о том, что высокий уровень общего показателя тревожности отмечается у 27% детей в конце первой четверти. Психоэмоциональное состояние этих кадетов характеризуется напряженностью, ожиданием неблагоприятного исхода, предчувствием угрозы. Ощущение беспокойства обуславливает возникновение эмоциональной чувствительности – ранимости, фиксации на неприятных событиях, обидчивости, обостренного реагирования на отношения с окружающими и в дальнейшем – склонности легко расстраиваться и волноваться. На физиологическом уровне у детей могут наблюдаться нарушение аппетита, трудности засыпания, поверхностный сон, возникновение нервностей (покусывание губ, грызение ногтей и др.), что может быть вызвано общим преневротическим состоянием ребенка. А. С. Спиваковская в своей работе указывает, что этиологию детских неврозов составляют следующие группы факторов: психическая травма; дисгармония семейных отношений и семейного воспитания; преневротические патохарактерологические радикалы. В настоящее время, как отмечает автор, распространенной является точка зрения, согласно которой невроз определяется как психогенное заболевание, в возникновении, течении и лечении которого ведущая роль принадлежит психологическим факторам. «Основным радикалом, предшествующим формированию всех преневротических состояний, является повышенная тревожность, ощущение беспокойства, которое постоянно испытывает ребенок» [7, с. 161].

Негативные переживания (страхи, беспокойство, агрессия), вызванные социальным стрессом в среде сверстников, отмечаются у 36% воспитанников. В поведении данной группы детей наблюдаются амбивалентные проявления, с одной стороны – уход от общения со сверстниками, изолированность, организация собственной индивидуальной деятельности, не требующей общения со сверстниками и взаимодействия с ними, с другой – выраженная агрессия, иногда мотивированная местью. Наиболее часто страх самовыражения, сопряженный с ситуациями

самораскрытия, особенно на уроках, диагностируется у 30% воспитанников. Существующие проблемы в отношениях с учителем и страхи, связанные с этим, отмечаются у 18% кадетов.

Показательным является тот факт, что от социально-психологического уровня развития группы зависит поведение воспитанников в ситуации стресса. О том, что группа учащихся 5-го класса находится еще на низком уровне развития коллектива, свидетельствует наличие во взаимном общении воспитанников конфликтов, сложностей в проявлении эмпатии и сопереживания, разобщенности, выраженной конкуренции за лидерство.

В педагогике этапы развития коллектива впервые были выделены А. С. Макаренко. Анализируя собственный опыт, А. С. Макаренко определяет коллектив как группу, членов которой объединяют цели, имеющие общественно ценный смысл, и совместная деятельность, организуемая для их достижения. Автор определял стадии развития коллектива по характеру предъявляемых педагогом требований и позиции педагога в отношениях с учащимися. «Необходимым путем в развитии воспитательного коллектива он считал закономерный переход от категорического требования педагога до свободного требования каждой личности к себе на фоне требований коллектива» [8, с. 306].

Следует отметить, что важной задачей воспитателя и классного руководителя на первом этапе развития детского коллектива является ознакомление учащихся с требованиями, правилами жизнедеятельности в группе и необходимости их выполнения. На этом этапе сплачивающим средством для детей выступает требование воспитателя к кадетам. По мнению А. С. Макаренко, требование, высказанное в форме, не допускающей возражений (категоричное), необходимо на первых порах в каждом коллективе. На данном этапе целесообразно также активное взаимодействие между воспитателями и классным руководителем по формированию актива группы. Актив поддерживает требования воспитателя и классного руководителя и способен донести эти требования до своих товарищей. Требования должны быть: 1) не слишком много (3–4); 2) они должны быть понятны, целесообразны и систематически исполняться, чтобы учащиеся знали, что невыполнение приведет к последствиям как для группы, так и для самого учащегося; 3) они должны предъявляться в уважительной, а не оскорбительной форме. Категорическое требование на этом этапе со стороны актива должно стать требованием коллектива.

Учитывая специфику обучения и воспитания в кадетской школе-интернате, социально-психологическое сопровождение адаптации кадетов-пятиклассников реализуется в организации коррекционно-развивающей работы с использованием методов сказкотерапии, психогимнастики, релаксационных техник, а также в обучении детей навыкам оздоровительной дыхательной гимнастики.

Профилактическая работа с родителями проводится как индивидуально, так и в группе. Консультативные беседы организованы для родителей, у которых есть высокая тревожность, чувство вины. Для проведения групповой формы работы с родителями разработаны темы лекториев, бесед, семинаров-практикумов: «Какие мы родители: мой стиль семейного воспитания», «Неврозы у детей и их последствия», «Причины и цель детской агрессивности» и др. Родителям предлагаются рекомендации по обеспечению психологической поддержки ребенка в период адаптации к условиям жизнедеятельности в кадетской школе.

В работе с преподавателями по обеспечению благоприятной адаптации кадетов и созданию ситуации успешности считаем целесообразным сделать следующие рекомендации:

1) хвалить детей за их достижения, замечать их успехи. Для формирования ситуаций успешности на уроке педагогам рекомендуется использовать правила позитивной обратной связи: не сравнивать успехи ребенка с успехами других детей; хвалить его искренне, находить одобряющие слова для каждого кадета; похвала должна быть конкретной и ясной;

2) поддерживать доверительный, эмоционально-уважительный тон общения с детьми;

3) активизировать познавательную активность и деятельность детей, направленную на приобретение знаний и формирование на их основе умений и навыков умственных и практических действий и последующей возможности самостоятельно организовывать учебную деятельность на занятиях самоподготовки.

Методологическую основу социально-психологического сопровождения пятиклассников к условиям обучения в кадетской школе-интернате составляют деятельностный, личностно-ориентированный и системный подходы. Важными условиями для создания благоприятных возможностей адаптации кадетов являются активизация взаимодействия в системе психолог – воспитатели – педагоги и практическая реализация вышеуказанных форм и методов работы с детьми. Перспективой дальнейшего обучения воспитанников в кадетской школе являются развитие

нравственного потенциала и морально-этических норм учащихся, содействие становлению и развитию активной гражданской позиции, формирование мотивации учащихся к самовоспитанию волевых качеств личности.

Список литературы

1. Сахарова И. Н. Адаптация учащихся к обучению при переходе в среднее звено общеобразовательной школы. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-uchaschihsya-k-obucheniyu-pri-perehode-v-srednee-zveno-obsheobrazovatelnoy-shkoly> (дата обращения: 01.12.2014).
2. Налчаджян А. А. Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван, 1988. 263 с.
3. Красильников И. А., Константинов В. В. Социально-психологическая адаптация личности и стратегии разрешения внутренних конфликтов. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2009/2009_4_932_938.pdf. (дата обращения: 18.12.2014).
4. Балл Г. А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопр. психологии. 1989. № 1. С. 92–100.
5. Руководство по использованию восьмицветового теста Люшера / сост. О. Ф. Дубровская. М., 2001. 63 с.
6. Змановская Е. В. Девиантология : психология отклоняющегося поведения : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2004. 288 с.
7. Спиваковская А. С. Психотерапия : игра, детство, семья. М., 2000. 464 с.
8. Слестёнин В. А., Каширин В. П. Психология и педагогика. М., 2001. 422 с.

Features of Social and Psychological Adaptation of Cadet-fifth Graders to Training Conditions in the Cadet Boarding School

N. V. Vlasova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: natali-viola@mail.ru

The article contains an analysis of the socio-psychological characteristics of adaptation cadet-fifth graders to the conditions of life in the cadet boarding school. The author examines the factors that contribute to difficulties in adapting cadet-fifth graders, as well as the results of its success criteria. The results of the diagnosis of emotionally-personal sphere of students in terms of subjective emotional state, level of school anxiety. Revealed various types of stress experienced by the Cadets, fifth graders in terms of life-Cadet boarding school. According to the results of questioning pupils studied opinion on the degree of satisfaction / dissatisfaction with their training in the cadet school. Discussed the organization of psycho-pedagogical support adaptation pupils Cadet boarding school.

Key words: cadet boarding school, social and psychological adaptation, psychological and pedagogical support.

References

1. Sakharov I. N. *Adaptatsiya uchashchikhsya k obucheniyu pri perekhode v srednee zveno obshcheobrazovatelnoy shkoly* (Adaptation of pupils learning in the transition to the middle tier of a comprehensive school). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-uchashchihhsya-k-obucheniyu-pri-perekhode-v-srednee-zveno-obshcheobrazovatelnoy-shkoly> (accessed 1 December 2014).
2. Nalchadzhyan A. A. *Sotsialno-psikhologicheskaya adaptatsiya lichnosti (formy, mexanizmy i strategii)* (Socio-psychological adaptation of the person {forms, mechanisms and strategies}). Yerevan, 1988. 263 p.
3. Krasilnikov I. A., Konstantinov V. V. *Sotsialno-psikhologicheskaya adaptatsiya lichnosti i strategii razresheniya vnutrennix konfliktov* (Socio-psychological adaptation of the person and strategies to resolve internal conflicts). Available at: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2009/2009_4_932_938.pdf. (accessed 18 December 2014).
4. Ball G. A. *Ponyatie adaptatsii i ego znachenie dlya psikhologii lichnosti* (The concept of adaptation and its implications for the psychology of personality). *Voprosy psikhologii* (Voprosy Psychologii), 1989, no. 1, pp. 92–100.
5. *Rukovodstvo po ispolzovaniyu vosmitsvetovogo testa Lyushera*. Sost. O. F. Dubrovskaya. Available at: (Guidance on the use vosmitsvetovogo Luscher test. Comp. O. F. Dubrovskaya). Moscow, 2001. 63 p.
6. Zmanovskaya E. V. *Deviantologiya: psikhologiya otklonnyayushchegosya povedeniya: ucheb. posobie dlya studentovvyysshikh uchebnykh zavedeniy* (Deviantology: Psychology of deviant behavior: textbook for university students). Moscow, 2004. 288 p.
7. Spivakovskaya A. S. *Psikhoterapiya: igra, detstvo, semya*. (Psychotherapy: game, childhood, family). Moscow, 2000. 464 p.
8. Slastyonin V. A., Kashirin V. P. *Psikhologiya i pedagogika* (Psychology and pedagogics). Moscow, 2001. 422 p.

УДК 159.9

ВОПРОС КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Кондрашихина Оксана Александровна –

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, Севастопольский городской гуманитарный университет
E-mail: okskon66@mail.ru

Феномен неопределенности весьма часто актуализируется в теоретической и практической профессиональной психологической деятельности, в частности в процессе общения психолога и клиента. Умение конструктивно преодолевать неопределенность можно отнести к числу профессионально важных качеств специалистов данного профиля. В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого явилось изучение умения студентов-психологов выделять неопределенность и прояснять ее при помощи вопросов. В исследовании принимали участие 137 студентов разных курсов очной и заочной форм обучения по специальности «Психология». Методикой исследования послужила совокупность ситуационных задач, включающих в себя высказывания с высокой долей неопределенности. Учитывая проявленную низкую продуктивность обследованных студентов в преодолении неопределенности, большое число семантически и синтаксически некорректных вопросов, задаваемых ими, можно говорить о необходимости специальной подготовки, направленной на формирование умения выделять области «незнания» в предъявляемой информации и корректно разрешать выявленное незнание.

Ключевые слова: неопределенность, незнание, вопрос, корректный вопрос, преодоление.

Постановка проблемы

Одной из стратегий работы психолога является прояснение неопределенных, неточных, недостаточно рефлекслируемых реплик в выска-

зываниях клиента, участника коррекционной или психотерапевтической группы, с помощью разного рода вопросов. В таком случае от психолога требуется умение увидеть неопределенность, своего рода «чувствительность» к ней, что должно способствовать осознанию «слепого пятна» самим клиентом.

Довольно часто встречающийся дискурс, с которым психолог сталкивается при индивидуальной и групповой работе, звучит примерно так: «Все боятся быть откровенными», «Здесь все помешаны на проблемах», «Здесь ничего не происходит» и др. В таких случаях с помощью правильно выстроенной цепочки вопросов психолог может уяснить то, как клиент видит проблемную ситуацию, собрать необходимую информацию, выяснить эмоциональное состояние клиента, а главное – подвести клиента к осознанию источников проблемы, поэтому овладение техникой постановки вопроса – одна из важнейших задач начинающего психолога.

С точки зрения логики вопрос как форма познания есть способ выделения неизвестного, подлежащего познанию, в рамках чего-то известного [1]. Можно выделить множество раз-

новидностей вопросов, основные классификации выделяют вопросы:

1) уточняющие и восполняющие (по познавательной функции). Первые направлены на установление истинности предпосылки, как правило, в них присутствует частица «ли», например, «Является ли Иван психологом?», «Все ли участники группы – совершеннолетние?». Восполняющие вопросы направлены на получение нового знания. В них используются вопросительные слова «что», «когда», «как» и т.д., например, «Когда вы впервые поняли, что не нравитесь другим?», «Как ты хочешь, чтобы тебя оценили?»;

2) по характеру предпосылки выделяют корректные и некорректные вопросы, т.е. вопросы могут быть синтаксически, эпистемически и семантически корректные и некорректные. Признаки некорректных вопросов: объективно на них не существует ответа, либо ответ содержится уже в вопросе, либо его предпосылка ложная или не может быть оценена (по крайней мере, в настоящее время) как истинная или ложная, например, «Кто лучше – мужчины или женщины?», «Почему у мужчин выше интеллект?»;

3) по количеству возможных ответов вопросы бывают открытыми и закрытыми.

Целью исследования явилось изучение навыка постановки вопросов студентами-психологами при решении ситуационных профессиональных задач, содержащих неопределенность.

Методика и результаты исследования

Исследование проводилось на базе Севастопольского городского гуманитарного университета в период с 2013 по 2014 гг. В нем принимало участие 137 студентов очной и заочной форм обучения. Методикой исследования послужила серия составленных нами ситуационных задач, представляющих собой высказывания клиента, в отношении которых от психолога требовалась обратная связь. В предлагаемых студентам ситуационных задачах необходимо было записать как можно большее количество вопросов, проясняющих неопределенность в репликах клиента: «правильными» признавались корректные проясняющие или восполняющие вопросы, за каждый такой вопрос участвующий в эксперименте студент получал один балл. Рассмотрим предложенные студентам ситуации и примеры корректных вопросов (табл. 1).

Таблица 1

Ситуационные задачи, предъявленные студентам

Ситуации	Примеры вопросов психолога, которые можно отнести к «правильным»
Ситуация 1. Наталья, 21 год Наталья – участница терапевтической группы. На четвертой встрече в группе некоторые участники говорят ей, что, несмотря на то, что она участвовала в работе, им кажется, что она мало рассказала о себе. Наталья отвечает, что боится рассказать больше, потому что тогда она может им не понравиться.	Как ты думаешь, кому ты можешь не понравиться? Что ты будешь делать, если кому-то не понравишься? Кому ты хочешь понравиться? Что значит «нравиться»?
Ситуация 2. Дмитрий, 25 лет После того, как в группе была проведена напряженная работа, Дмитрий произносит: «Я не понимаю, почему мы должны делиться чувствами!»	В какой момент своей жизни вы поняли, что чувства надо держать при себе? Что происходит, когда вы держите чувства при себе? Чего не происходит? Кто «МЫ»? Какими чувствами вы не хотели бы делиться?
Ситуация 3. Лидия, 19 лет Лидия хочет поработать над своим ощущением, что люди не признают или не ценят ее. Она говорит: «Неважно, что я делаю или как я делаю – я все равно чувствую, что меня не оценили»	Кто из участников вас не оценил? Что вы понимаете под признанием? За что вы не получали одобрения? Что означает для вас одобрение? Чья оценка для вас важна?
Ситуация 4. Кирилл, 26 лет Кирилл после небольшой работы в группе произносит: «Здесь все помешаны на проблемах. Почему люди не могут поговорить о чем-то в своей жизни, вместо того, чтобы постоянно сосредотачиваться на негативном!»	Кто конкретно «помешан»? Кто больше всех говорит о проблемах и как этот человек воздействует на тебя? Что для тебя изменится, если люди не будут говорить о проблемах? О чем ты хотел бы говорить?

Анализ результатов показал, что значительная часть испытуемых (37%) не смогла

сформулировать ни одного корректного вопроса, при этом формулировались в основном семан-

тически и эпистемически некорректные вопросы. Следовательно, данные студенты не умеют выделять область незнания в проблемном поле (так называемое опредмеченное «незнание» по Б. Г. Матюнину [2]), у них недостаточно развит когнитивный ресурс преодоления неопределенности.

Примеры некорректных вопросов: «Почему ты не нравишься некоторым членам твоей семьи?», «В силу безусловного принятия этого не случится», «Почему для вас так важно мнение других?» (ситуация 1); «Вы понимаете нереальность своего желания, чтобы вас все оценивали положительно?» (ситуация 2); «Негативные моменты вызывают у вас столь неприятные чувства, что вам больно говорить о них?», «В своих действиях вы всегда ищете похвалу и одобрение?» (ситуация 3); «А какой проблемы в своей жизни вы боитесь?», «А зачем вы сюда пришли?» (ситуация 4). В основном, все они основаны на ложных либо недостаточно точных предпосылках, при этом ложные суждения выдвигает сам психолог и базируются они на утверждениях, которых не было в реплике клиента.

Половина испытуемых (50%) сформулировало от одного до трех корректных вопросов, раскрывающих ситуацию неопределенности, и лишь 14% студентов в целом по выборке смогли предложить более трех корректных вопросов.

Если проанализировать, какие виды вопросов задавали студенты, то можно говорить, что наиболее часто встречающимися некорректными вопросами были (табл. 2):

синтаксически некорректные вопросы, предпосылкой которых являлось не суждение, а пропозициональная форма (39% от общего числа некорректных вопросов);

семантически некорректные, основанные на ложном суждении – предпосылке (33%);

эпистемически некорректные, в которых уже содержится ответ (15%).

Заметно реже встречались синтаксически некорректные вопросы, основанные на бессмысленной предпосылке (1%), и эпистемически некорректные, базирующиеся на предпосылке, которая в настоящий момент не может быть оценена как истинная или ложная (10%), или представляющая собой вопрос, на который объективно отсутствует ответ (2%).

Таблица 2

Доля некорректных вопросов разного вида, сформулированных студентами

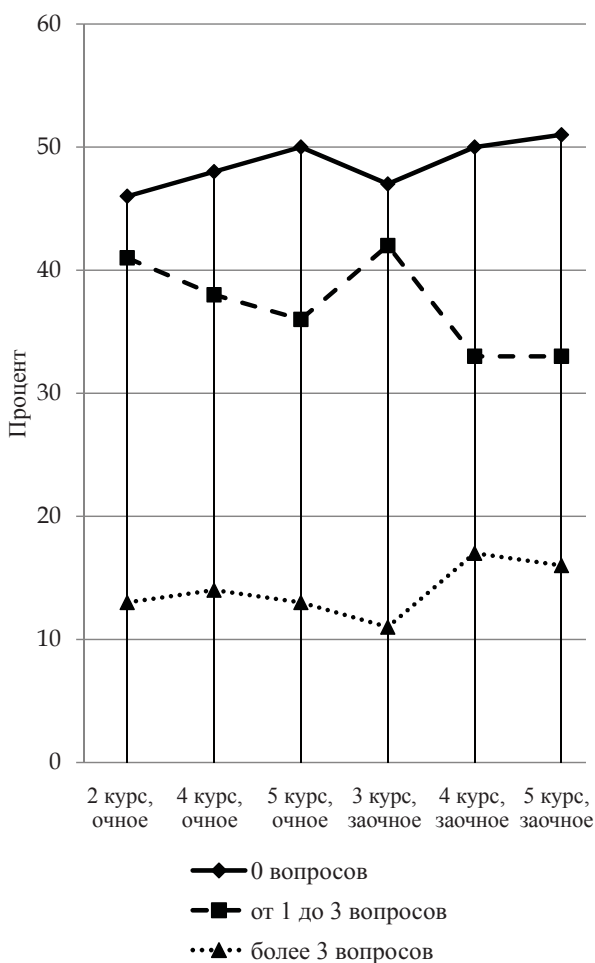
Вид	Разъяснение	13%
Синтаксически некорректный	Предпосылка является пропозиционной формой	39
	Предпосылка не имеет смысла	1
Семантически некорректный	Предпосылка заведомо ложная	33
Эпистемически некорректный	На вопрос объективно не существует ответа	2
	Ответ содержится в вопросе	15
	Предпосылка в настоящий момент не может быть оценена как истинная или ложная	10

Проанализируем продуктивность студентов в подгруппах в зависимости от курса и формы (очной, заочной) обучения (рисунок). Использование хи-квадрат критерия подтвердило визуально наблюдаемую тенденцию отсутствия значимых различий в продуктивности решения задач студентами разных курсов и лет обучения.

В чем же причины столь невысокой продуктивности обследованных студентов? Среди многочисленных факторов – интеллектуальных, когнитивно-стилевых, мотивационных особенностей современных студентов (при этом установление роли каждого из них – задача отдельного исследования) – можно выделить также фактор дефицитарности навыков формулирования вопроса. Этот навык, базирующийся

на умениях переработки информации (анализе, синтезе, экстраполяции, оценке, умении сворачивать информацию), критическом мышлении (умении определять достоверность источника информации, видеть ее неопределенность, противоречивость и двусмысленность, невысказанные позиции, логические несоответствия), умении видеть проблемное поле в стандартной ситуации, аконформизме, может формироваться и развиваться как стихийно, так и целенаправленно. Полученные результаты говорят о недостаточности стихийного формирования данного навыка в рамках учебной деятельности.

Подведем итоги. Учитывая проявленную низкую продуктивность обследованных студентов в преодолении неопределенности при решении профессионально ориентированных

Численность студентов-психологов с различной продуктивностью выполнения ситуационных задач, %

ситуационных задач, можно говорить о необходимости специальной подготовки, направленной на формирование умения выделять области «незнания» в предъявляемой информации и корректно разрешать выявленное незнание, что будет способствовать формированию способности к конструктивной активности в условиях неопределенности – профессионально важного качества психолога.

Список литературы

1. Ларина Л. Ю. *Логика* : учеб. пособие. Орел, 2008. 88 с.
2. Матюнин Б. Г. *Незнание – эликсир жизни. Диалоги о Знании и Незнании, или Введение в философско-педагогическую теорию незнания*. Екатеринбург, 1994. 37 с.

Question as a Means of Coping with Uncertainty

O. A. Kondrashihina

Sevastopol State University
33, University str., Sevastopol, 299053, Russia
E-mail: okskon66@mail.ru

The phenomenon of uncertainty quite frequently updated theoretical and practical professional psychological activities, in particular in the process of communication psychologist and client. Ability to constructively overcome uncertainty can be attributed to a number of professionally important qualities of specialists in this profile. The article presents the results of empirical research skills psychology students allocate uncertainty in the replica of the client and clarify it with questions. The study involved 137 students from different courses full-time and correspondence forms of training in the specialty «Psychology». Methodology for the study served as a set of case studies, including statements with a high degree of uncertainty. Students are encouraged to situational problems containing uncertainty. Given the low productivity shown by surveyed students in overcoming uncertainty, a large number of semantically and syntactically incorrect questions asked by them, can talk about the need of special training aimed at forming ability to select areas «ignorance» in the presented information and correctly solve identified ignorance.

Key words: uncertainty, question, nescience, correct question, to overcome.

References

1. Larina L. Iu. *Logika*: ucheb. posobie (Logic: tutorial). Orel, 2008, 88 p.
2. Matiunin B. G. *Neznanie – eliksir zhizni. Dialogi o Znani i Neznanii, ili Vvedenie v filosofsko-pedagogicheskuiu teoriiu neznanii* (Unknown – elixir of life. Conversations about knowledge and unknown, Introduction to philosophical and pedagogical theory ignorance). Ekaterinburg, 1994. 37 p.

УДК 316.6

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖГРУППОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Кузнецова Ольга Евгеньевна –

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Институт педагогики и психологии, Северный (Арктический) федеральный
университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск
E-mail: kuznetsovaolga1@yandex.ru

В статье анализируются современные российские исследования межгрупповых отношений в организациях, выполненные в рамках докторских и кандидатских диссертаций, а также публикации по этой теме в научных изданиях за последние десять лет. Анализируются новые концепции и проблемы взаимосвязи межгрупповых отношений и организационных явлений, процессов, таких как социально-психологические механизмы регулирования, эффективной коммуникации, организационной идентичности и т.д. Также выделяются диагностические и прикладные задачи изучения межгрупповых отношений в организационном контексте на современном этапе. Наряду с традиционными подходами к изучению межгрупповых отношений предлагается организационно-культурный подход.

Ключевые слова: межгрупповые отношения, психологические отношения, организация, организационная система, идентичность, организационно-культурный подход.

Периодическое обобщение результатов теоретических и экспериментальных исследований за определенный временной отрезок является необходимым этапом для осмысления опыта и поиска путей дальнейшего развития научного направления. Это необходимо для понимания закономерностей изменения исследований в конкретной научной сфере с течением времени.

В изучении межгрупповых отношений в организации в отечественной психологии к концу 1980-х гг. определилось два направления – деятельностное (В. С. Агеев, МГУ) и ценностное (П. Н. Шихирев, ИПРАН). Согласно первому направлению, межгрупповые отношения детерминируются условиями и характером трудовой деятельности, второе основывается на идее ценностного отношения (оценке) как регуляторе поведения [1, 2]. В последующих исследованиях в качестве детерминанты межгрупповых отношений были выделены производственно-экономические факторы и требования организационной системы, большое внимание уделялось также изучению процессов межгрупповой дифференциации и интеграции в организациях. В 1990-е гг. интерес к изучению межгрупповых отношений в организации снизился, исследования в основном проводились в образовательных

учреждениях и касались изучения межгруппового восприятия в учебных группах.

Новый всплеск интереса к проблематике межгрупповых отношений в организации появляется на рубеже XX–XXI в. в связи с изменением структуры и характера социально-экономических отношений в стране и появлением новых запросов практики. Соответственно, появляются новые проблемы межгрупповых отношений, требующие изучения.

Целью данной статьи является анализ современных исследований межгрупповых отношений в организационном контексте, представленных в российской психологии в начале XXI в. Анализ осуществляется по следующим направлениям: обобщение практического запроса, новые концепции и направления в изучении межгрупповых отношений, разработки диагностических инструментариев и тренинговых программ, направленных на формирование, коррекцию и оптимизацию межгрупповых отношений в организации.

Анализ публикаций непосредственно по данной теме показал, что в первое десятилетие XXI в. было опубликовано три докторские диссертации [3–5] и четыре кандидатские диссертации [6–9], в которых определены основные направления изучения межгрупповых отношений. Также исследования по данной теме представлены в ряде публикаций в реферативных журналах и сборниках материалов конференций.

Прежде всего следует отметить, что проблематика межгрупповых отношений в организации на современном этапе непосредственно связана с реальными запросами организаций, для успешного функционирования которых необходимо эффективно использовать как внешние, так и внутренние ресурсы. К внутренним ресурсам относятся структурные единицы организации (филиалы, подразделения, отделы и т.д.), которые, с одной стороны, повышают её эффективность, а с другой стороны, усложняют её и создают противоречия. В связи с этим изучение межгрупп-

повых отношений в организационном контексте будет способствовать оптимизации функционирования организации в сложной экономической среде. Большинство исследователей выделяют следующие организационные задачи, связанные с межгрупповыми отношениями:

- 1) регламентирование группового поведения в организации;
- 2) создание условий для эффективного функционирования подразделений в соответствии с требованиями внутренней и внешней среды;
- 3) снятие противоречий, порождаемых сложными структурами современных организаций (матричными, сетевыми и т.д.), такими как внутренняя разобщенность, доминирование узкогрупповых целей, преобладание неформальных норм;
- 4) формирование деловых межгрупповых контактов;
- 5) профилактика и регулирование межгрупповых конфликтов.

Таким образом, на данный момент научные исследования не только включают разработку фундаментальных проблем, но и ориентируются на запросы практики, что способствует преодолению разрыва между фундаментальным и организационно-прикладным направлениями в психологии.

В анализируемых работах представлены следующие новые концепции и проблемы межгрупповых отношений.

Концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов экономической деятельности в условиях изменения форм собственности В. П. Познякова. Согласно ей психологические отношения групповых субъектов понимаются как «эмоционально окрашенные представления и оценки, объектами которых выступают внешние условия экономической деятельности, представители различных социальных групп, с которыми они связаны партнерскими и иными формами взаимодействия, характеристики самой экономической деятельности и его субъектов» [3, с. 6]. Детерминантой динамики межгрупповых социально-психологических отношений является изменение экономических связей. В свою очередь, динамика отношений характеризуется сочетанием процессов внутригрупповой интеграции и межгрупповой дезинтеграции. Новые экономические отношения усиливают межгрупповую дезинтеграцию. Вычленение проблемы межгрупповой интеграции/дифференциации имеет большое практическое значение, так как уже на этапе подготовки организационно-управленческих и экономических нововведений можно предусмотреть появле-

ние эффекта межгрупповой дезинтеграции и предупредить его. В связи с этим необходимо учитывать как социально-психологические закономерности поведения, так и особенности взаимодействия экономических субъектов, чтобы успешно производить социально-экономические преобразования и научно обоснованно прогнозировать социально-психологические последствия этих преобразований. Автором разработан новый методический подход к изучению социально-психологических факторов деловой активности [3].

Работа И. Р. Сушкова посвящена изучению сущности, роли и структуры взаимоотношений социальных групп и обоснованию этапов их развития, происходящего в социальной системе. Взаимоотношения групп детерминированы их взаимодействием и складываются в процессе межгруппового обмена социально-психологическими отношениями, на протекание которого влияет характер организации межгруппового взаимодействия. Автором разработана модель развития взаимоотношений социальных групп, которая имеет большое практическое применение в планировании различного рода исследований межгрупповых отношений, а также для и теоретического обоснования эмпирических данных. В работе даётся анализ структуры взаимоотношений, на основании которого уточняется роль образа группы, являющегося материальным носителем взаимоотношений групп, уточняется роль символов и ценностей сообщества, способствующих формированию и реализации взаимоотношений. Для изучения межгрупповых отношений интерес представляют выделенные автором функции процессов социального сравнения и различные уровни реализации социальной установки [4].

Психологическая концепция межгрупповой адаптации (МГА) предложена А. В. Булгаковым. Под МГА автор понимает социально-психологическую адаптацию групп друг к другу как многосторонний процесс по оптимизации групп с соответствующими субкультурами, основу которых составляют мотивационный, когнитивный, эмоциональный, поведенческий и интегральный компоненты. Основными механизмами МГА являются «межгрупповая неадаптивность», организационная идентификация, адаптационный и мотивационный потенциалы. А. В. Булгаков одним из первых обратил внимание на влияние организационных субкультур на межгрупповые отношения [5].

Проблемы взаимосвязи межгрупповых отношений и организационных процессов и явлений разрабатываются в целом ряде работ. Проблемой социально-психологических механизмов регу-

лирования межгрупповых отношений в организации занималась О. Н. Колбцева. В основе созданной автором социально-психологической модели регулирования межгрупповых отношений лежит взаимосвязь объективных условий, групповых потребностей и когнитивных процессов. Структура групповых потребностей (позиционирование, самоопределение и самопознание) определяет межгрупповую динамику и специфические механизмы регулирования межгрупповых отношений, к которым относятся межгрупповая категоризация и групповая идентификация [6].

Проблема прогнозирования тенденций развития организации через анализ межгрупповых взаимоотношений, которые формируются в результате взаимодействия подразделений, поднимается в работе Ю. Б. Бакай. Выявлено, что межгрупповые взаимоотношения отражают организационные процессы, которые влияют на деятельность взаимодействующих групп, а это, в свою очередь, влияет на процессы деятельности и развития организации. Автором были выделены типы межгрупповых взаимоотношений: «экстремум взаимного принятия», «экстремум взаимного непринятия», «оптимум взаимоотношений», позволяющие спрогнозировать развитие организации [7].

Изучение взаимосвязи характеристик субкультур формальных групп и характера межгрупповых отношений может оптимизировать и прогнозировать межгрупповые отношения в организации и её развитие [8].

Эффективная коммуникация изолированных малых групп в экстремальных условиях исследуется В. И. Гуциным, который, изучая общение космических экипажей, приходит к выводу о возможности проявления в коммуникации межгруппового конфликта. Изучение дистанционного общения изолированной малой группы способствует определению причин смены исходно кооперативного мотива межгруппового общения на конкурентный, а также причин возникновения конфликтных противоречий этой малой группы и внешнего мира. Таким образом, на протекание дистанционного общения оказывают воздействие особенности межгрупповых взаимоотношений изолированной малой группы. Развитие феноменов «психологического закрытия» и «автономизации коммуникации» интенсифицируется, если взаимоотношения недостаточно позитивны [10].

Проблема влияния межгруппового взаимодействия на эффективность подготовки младших офицеров рассматривается А. Ю. Наумовым. Автор выделяет три типа межгруппового вза-

имодействия – конкурентный, дистантный и кооперативный – и доказывает их влияние на подготовку военных. Он также развивает идею А. В. Булгакова о взаимосвязи субкультур и межгрупповых отношений и в качестве психологического механизма, определяющего тип межгруппового взаимодействия, выделяет соотношение ценностных ориентаций групповых субкультур [9].

Разработка проблемы взаимосвязи межгрупповых отношений и организационной идентичности имеет большое практическое значение, так как сотрудники организаций могут обладать множественной идентификацией, что приводит к различным конфликтам, в том числе и межгрупповым. Выявлено, что выраженность феноменов социальной идентичности зависит от межгрупповых отношений (степени законности статусных различий между группами, форм организации межгруппового взаимодействия, целей и критериев оценки межгруппового взаимодействия). В исследованиях Е. В. Бушуевой под руководством С. А. Липатова было выявлено, что существует связь между характером межгрупповых отношений в организации (зависимые/независимые, кооперативные/конкурентные) и выраженностью фокуса идентичности сотрудника (с организацией или с группой). Данное исследование обнаружило много неразрешенных вопросов, изучение которых будет способствовать оптимизации межгрупповых отношений, и пониманию процессов организационной идентичности [11]. В исследовании И. Ю. Полянинова изучаются взаимосвязи социальной идентичности и образа аутгруппы. Автор предполагает, что образы аутгруппы у членов группы со сформированной идентичностью будут более однонаправленными и ярко выраженными, чем у членов, включённых в неё недавно (т.е. с несформированной социальной идентичностью). Результаты исследования, возможно, позволят судить о природе формирования образа аутгруппы и значения в данном процессе феномена социальной идентичности [12].

Проблема исследования межгрупповых защитных механизмов в организационном контексте представлена А. В. Штроо. Выживание группы в организации и сохранение своей целостности связаны со способностью противостояния угрожающим воздействиям извне и изнутри. Для этого охраняются групповые границы, физическая, ментальная, социальная природа, задаются новые структурные отношения между группами. Защитные организационные практики рассматриваются как действия, направленные на предотвращение попадания людей и групп в угрожающее или затрудненное положение. Такая

ситуация будет препятствовать установлению или устранению причин их возникновения. Изучение групповых защитных механизмов позволяет выявить способы эффективного взаимодействия между группами в организации [13].

Проблеме барьеров эффективного межгруппового взаимодействия, имеющих объективный (организационный) и субъективный (личностный) характер, посвящено исследование М. Г. Кокшаровой под руководством В. П. Позднякова. По результатам исследования были выявлены следующие организационные барьеры: бюрократия, недостаток информации, сложная структура компании, управленческие (некорректность, противоречивость поставленных задач, отношения с другими руководителями), личностные (нетерпимость, эмоциональность, поведение коллег). Полученные данные можно использовать как инструмент повышения эффективности межгруппового взаимодействия [14]. Таким образом, в современных исследованиях представлены концепции и проблемы, перспективные для научного и прикладного аспектов.

Характерной чертой современных исследований межгрупповых отношений в организации является также создание диагностического инструментария и разработка тренинговых программ для оптимизации таких отношений:

1. В исследовании В. П. Позднякова выявлены социально-психологические показатели и методы их оценки, используемые для анализа и прогноза деловой активности представителей различных социальных групп. Данные показатели позволяют зафиксировать повышение или снижение деловой активности раньше, чем эта информация будет зафиксирована в экономических показателях. Эти данные могут быть применены для проведения изучения деловой активности членов разных социальных групп в современном обществе [3].

2. Заложенный в основу методики И. Р. Сушкова принцип исследования межгрупповых отношений в производственной организации может быть использован для разработки методов исследования взаимоотношений групп в других сферах межгруппового взаимодействия [4].

3. А. В. Булгаков разработал диагностическую модель для изучения МГА, которая включает авторские методики по определению: а) стратегий МГА; б) групповой идентичности (тест социальной идентификации); в) коррекции мотивации к воинской службе, становления профессиональной идентичности специалистов, изменения психологической совместимости работы в командах средствами тренинга МГА. Эта модель способствует разработке програм-

мы по оптимизации межгрупповой адаптации в разных профессиональных областях [5]. Для этого предлагается тренинг, который решает три задачи: 1) активизации личностного потенциала членов группы специалистов для преодоления проблем профессиональной деятельности; 2) обучения специфическим методикам профессиональной деятельности; 3) использования организационно-культурного ассимилятора (ОКА). Это специально созданный набор ситуаций жизнедеятельности другой профессиональной группы, который используется в том случае, когда происходит подготовка своих групп для командировки в другие организации, когда необходима осведомленность о малоизвестных культурных различиях адаптирующихся групп. Таким образом, тренинг служит механизмом раскрепощения, средством передачи информации о различиях, существующих между группами и их субкультурами, облегчает межличностные контакты в новом социальном окружении [15].

4. Для прогнозирования развития организации Ю. Б. Бакай разработала технологию оценки характера производственных взаимоотношений между основными подразделениями компании и процессов взаимодействия. Последние анализируются на основе взаимных оценок групп. Данная технология позволяет выявить причины неэффективной работы подразделений, скрытые организационные конфликты, функциональные ограничения и противоречия в системе управления [7].

5. Коррекционная программа оптимизации межгруппового взаимодействия в учебных воинских подразделениях разработана А. Ю. Наумовым. В её основе лежит принцип согласования ценностных ориентаций групповых субкультур с помощью механизма лидерства и формирования общей групповой идентичности. В программе также предусмотрены работа с установлением и устранением межгрупповых конфликтов, проведение тренингов, направленных на командообразование и межгрупповую адаптацию [9].

В итоге следует отметить, что большинство исследований выполнено в рамках деятельностного и системного подходов. Однако в ряде работ намечается новое направление в изучении межгрупповых отношений в организации – организационно-культурное. Идея взаимосвязи особенностей организационной культуры (типов) и характера межгрупповых отношений (критериев) появляется в целом ряде работ. Так, Л. Н. Аксеновская предлагает применить ордерный подход к изучению организационной культуры для исследования межгрупповой адаптации [16]. Выявлено, что информация о связи

организационной культуры и межгрупповых отношений может применяться для прогнозирования развития организации [7]. Проблему межгрупповых отношений можно рассмотреть также с точки зрения организационных субкультур, из которых состоит организация. Одним из первых эту идею предложил А. В. Булгаков, который предполагает влияние типов организационных культур и групповых культур на межгрупповую адаптацию [5]. В дальнейшем эти идеи развивает в своем диссертационном исследовании А. Ю. Наумов, который изучает влияние межгрупповых отношений учебных подразделений на эффективность подготовки специалистов, где межгрупповое взаимодействие подразделений связано с типом их субкультуры и ценностных ориентаций представителей этих субкультур [9]. Действительно, организационные субкультуры, обладающие рядом собственных социально-психологических характеристик, могут определять характер межгрупповых отношений. Данная проблема разрабатывалась в нашем диссертационном исследовании [8]. Таким образом, организационно-культурный подход имеет перспективы применения в изучении межгрупповых отношений в организации.

Итак, современные исследования межгрупповых отношений в организации в российской психологии посвящены решению важных фундаментальных и прикладных задач, отвечают запросам практики и являются востребованными в организациях. Они не только поднимают новые проблемы, но и способствуют сближению фундаментального и организационно-прикладного подходов в социальной психологии, что способствует успешному развитию и данного направления, и всей отрасли науки в целом.

Список литературы

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие : социально-психологические проблемы. М., 1990. 240 с.
2. Шихирев П. Н. Проблемы исследований межгрупповых отношений // Психол. журн. 1992. Т. 13, № 1. С. 15–23.
3. Позняков В. П. Психологические отношения в условиях изменения форм собственности : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002. 346 с.
4. Сушков И. Р. Психология взаимоотношений групп в социальной системе : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002. 306 с.
5. Булгаков А. В. Психология межгрупповой адаптации на кораблях Военно-морского флота России : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2007. 463 с.
6. Колбцева О. Н. Регулирование межгрупповых отношений в организации : дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 178 с.
7. Бакай Ю. Б. Особенности межгрупповых взаимоотношений в организации как основание для прогноза ее развития : дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 165 с.
8. Кузнецова О. Е. Организационные субкультуры формальных групп как фактор межгрупповых отношений в организации : дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 214 с.
9. Наумов А. Ю. Межгрупповое взаимодействие в воинском подразделении как фактор эффективности подготовки младших специалистов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 21 с.
10. Гуцин В. И. Закономерности дистанционного общения изолированных малых групп в долговременной изоляции : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2003. 268 с.
11. Липатов С. А. Социальная идентичность работников и межгрупповые отношения в организации // Социальная психология сегодня : наука и практика : материалы межвуз. науч.-практ. конф. / под науч. ред. Б. Д. Парыгина. СПб., 2006. С. 88–91.
12. Полянинов И. Ю. Социальная идентичность как детерминанта формирования образа аутгруппы // Психологические и педагогические аспекты формирования профессиональной и социальной компетентности : материалы междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 2009. С. 95–97.
13. Штроо В. А. Защитные механизмы групповой динамики в организационном контексте // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 1. С. 151–158.
14. Позняков В. П., Кокшарова М. Г. Исследование барьеров эффективного межгруппового взаимодействия в организации // Психология управления в современном мире : теория, эмпирические исследования, практика : материалы междунар. науч.-практ. конф. Тверь, 2010. С. 98–100.
15. Булгаков А. В., Митасова Е. В. Межгрупповая адаптация специалистов-реабилитологов. М., 2005. 190 с.
16. Булгаков А. В., Аксеновская Л. Н. Межгрупповая адаптация в организации : ордерный аспект // Вестн. МГОУ. Сер. «Психологические науки». 2008. Т. 2, № 2. С. 77–89.

Modern Russian Psychology: Study of Intergroup Relations in Organisations

O. E. Kuznetsova

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (NArFU), Institute of Pedagogy and Psychology
17, quay Severnoy Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russia
E-mail: kuznetsovaolga1@yandex.ru

The article is dedicated to the analysis of modern Russian investigations in the field of intergroup relations in organizations made in doctoral and Ph.D. theses in recent 10 years. New concepts and problems of relation of intergroup relations and organizational phe-

nomena and processes such as social psychological mechanisms of regulation, effective communication, and organizational identity are analyzed in the article. Diagnostic and practice tasks of intergroup relations in organizational context at the present stage are marked out too. Organizational-cultural approach to study intergroup relations is presented together with traditional approaches.

Key words: intergroup relations, psychological relations, organization, organizational system, identity, organizational and cultural approach.

References

1. Ageev V. S. *Mezhgruppovoye vzaimodeistvie: sotsialno-psikhologicheskie problemy* (Intergroup interaction: socio-psychological problems). Moscow, 1990. 240 p.
2. Shikhirev P. N. Problemy issledovaniy mezhgruppovykh otnosheniy (Problems of study of intergroup relations). *Psychological Journal*, 1992, vol. 13, pp. 15–23.
3. Poznyakov V. P. *Psikhologicheskie otnosheniya v usloviyakh izmeneniya form sobstvennosti*: dis. ... d-ra psikhol. nauk (Psychological relations in the conditions of change of patterns of ownership: dis. d-ra psychological sciences). Moscow, 2002. 346 p.
4. Suchkov I. R. *Psikhologia vzaimootnosheniy grup v sozionalnoy sisteme*: dis. ... d-ra psikhol. nauk (Psychology of group interrelations in social system: dis. d-ra psychological sciences). Moscow, 2002. 306 p.
5. Bulgakov A. V. *Psikhologia mezhgruppovoy adaptatsii na korablyakh voyeno-morskogo flota Rossii*: dis. ... d-ra psikhol. nauk (Psychology of intergroup adaptation on the Russian Navy: dis. d-ra psychological sciences). Moscow, 2007. 463 p.
6. Kobileva O. N. *Regulirovaniye mezhgruppovykh otnosheniy v organizatsiyah*: dis. ... kand. psikhol. nauk (Regulation of intergroup relations in organizations: PhD theses). Moscow, 2006. 178 p.
7. Bakay Y. B. *Osobennosti mezhgruppovykh otnosheniy v organizatsii kak osnovaniye dlya prognoza ee razvitiya*: dis. ... kand. psikhol. nauk (Features of intergroup relations in organization as the basis of prognosis its development: PhD theses). Moscow, 2007. 165 p.
8. Kuznetsova O. E. *Organizatsionnyye subkultury formalnykh grup kak faktor mezhgruppovykh otnosheniy v organizatsii*: dis. ... kand. psikhol. nauk (Organizational subcultures as factor of intergroup relations in organizations: PhD theses). Moscow, 2009. 214 p.
9. Naumov A. Y. *Mezhgruppovoye vzaimodeistvie v voynskikh podrazdeleniyakh kak faktor effektivnosti podgotovki mladshikh spetsialistov*: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk (Intergroup interaction in military divisions as factor of minor specialist teaching: PhD theses). Moscow, 2011. 21 p.
10. Gushin V. I. *Zakonomernosti distantsionnogo obshcheniya izolirovannykh malikh grup v dolgovremennoy izolirovaniy*: dis. ... d-ra med. nauk (Regularities of distance communication of small group in long term isolation: dis. d-ra med sciences). Moscow, 2003. 268 p.
11. Lipatov S. A. *Sotsialnaya identichnost rabotnikov i mezhgruppovye otnosheniya v organizatsii* (Social identity of workers and intergroup relations in organization). *Sotsialnaya psikhologiya segodnya: nauka i praktika: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf.* (Social psychology today: science and practice). Ed. by B. D. Parygin. St.-Petersburg, 2006, pp. 88–91.
12. Polyaniy I. Y. *Sotsialnaya identichnost kak determinanta formirovaniya obraza autgrupy* (Social identity as factor of outgroup image creation). *Psikhologiya upravleniya v sovremennom mire: teoriya, empiricheskie issledovaniya, praktika: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Psychological and pedagogical aspects of professional and social competence). Ivanovo, 2009, pp. 95–97.
13. Shtroo V. A. *Zashitnyye mekhanizmy grupovoy dinamiki v organizatsionnom kontekste* (Defense mechanism of group dynamic in organizational context). *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* (Psychology. Journal of Higher Economic School), 2007, vol. 4, no. 1, pp. 151–158.
14. Poznyakov V. P., Koksharova M. G. *Issledovaniye baryerov effektivnogo mezhgruppovogo vzaimodeystviya v organizatsii* (Study of barriers of effective intergroup interaction in organization). *Psikhologiya upravleniya v sovremennom mire: teoriya, empiricheskie issledovaniya, praktika: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Organizational psychology in the modern world: theory, studying and practice). Tver, 2010, pp. 98–100.
15. Bulgakov A. V., Mitasova E. V. *Mezhgruppovaya adaptatsiya spetsialistov-reabilitologov* (Intergroup adaptation of specialists of post-discharge adjustment). Moscow, 2005. 190 p.
16. Bulgakov A. V., Aksenovskaya L. N. *Mezhgruppovaya adaptatsiya v organizatsii: ordennyy aspekt* (Intergroup adaptation in organization: order concept). *Vestnik MGOU* (Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser. «Psychological sciences»), 2008, vol. 2, no. 2, pp. 77–89.

УДК 159. 99

ПРЕОДОЛЕВАЮЩИЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦ, ОБЪЕДИНЕННЫХ СХОЖИМ ТРАВМАТИЧЕСКИМ ОПЫТОМ

Одинцова Мария Антоновна –

кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, старший научный сотрудник лаборатории социально-психологических и социологических мониторинговых исследований Межведомственного ресурсного Центра безопасности образовательной среды, Московский городской психолого-педагогический университет
E-mail: Mari505@mail.ru

В статье анализируются преодолевающие стратегии поведения людей, объединенных схожим травматическим опытом ($N = 102$). Лица, обозначившие те или иные события своей жизни в качестве травмирующих, отнесены в группы по роду обусловленных травмой неразрешенных конфликтов (по Ф. Рупперту): пережившие экзистенциальную травму, травму потери, травму отношений и травму системных отношений. Сделан сравнительный анализ преодолевающих стратегий, используемых наркозависимыми ($N = 29$) и здоровыми лицами ($N = 73$). Обнаружено, что травма системных отношений и экзистенциальная чаще упоминаются лицами с наркотической зависимостью, в отличие от здоровых, которые чаще отмечают события своей жизни, связанные с травмами отношений и потерь. Выявлено, что любой тип травмы способствует виктимизации личности и порождает внутренние конфликты, ставящие человека перед выбором виктимного или жизнестойкого способов преодоления, а значит виктимного или жизнестойкого образа жизни. **Ключевые слова:** психотравма, типы психотравм, преодолевающие стратегии, жертва, виктимный и жизнестойкий способы преодоления.

Жизнь человека многогранна и невозможна без событий, заставляющих страдать. Люди болеют и умирают, ссорятся, расстаются, совершают преступления, сами становятся жертвами преступлений и т.д. В мире постоянно происходят ужасающие нас события: теракты, войны, кризисы, катастрофы, которые оставляют глубокий след в психике человека. Многочисленные эмпирические исследования доказывают, что большинство людей имеет опыт хотя бы одного травматического события в течение жизни [1, 2]. Также доказано, что для развития симптоматики посттравматического стрессового расстройства бывает достаточно одной лишь угрозы насилия без осуществления самого акта насилия [3].

Как видим, все мы чрезвычайно уязвимы перед лицом травматических событий. Последствия их переживания могут быть самыми разными. По мнению большинства специалистов [4–6], чаще всего это психопатологии, выражающиеся в серьезных нарушениях отношений, в появлении психосоматических, психических расстройств и аффективных нарушений, в дезадаптации. Это

и формирование разного рода зависимостей (наркотической, алкогольной и др.), закрепление роли жертвы, развитие рентных установок [7] и многое другое.

В психологии выделяется ряд исследований, в которых укрепляется мысль о том, что психологическая травма не всегда приводит к одним лишь негативным последствиям. На фоне травмы происходит оттачивание адаптационно-транзиторных реакций человека в ответ на новые условия жизни, формируется жизнестойкость, возможна посттравматическая трансформация личности [1, 8, 9]. G. Bonanno с оптимизмом утверждает, что все без исключения люди имеют доступ к внутренней устойчивости, которая позволяет им двигаться через травмы с минимальными потерями и положительными эмоциями [10].

Вместе с тем считается, что разные типы травмирующих событий оказывают неодинаковое воздействие на людей. На основании этого Л. Бурбо выделяет пять психотравм: униженности, несправедливости, предательства, отвержения, покинутости, которые мешают человеку быть самим собой и приводят к серьезным психосоматическим нарушениям [11]. Л. Терр дает более широкую классификацию, в которую включает однократные психотравмы и хронические психологические травмы, вызывающие чувства беспомощности, бессилия, разрушающие здоровье и угрожающие жизни человека [12].

Особое значение для психологии имеет классификация Ф. Рупперта [6], в которой психотравмы различаются по типам неразрешенных конфликтов, что делает возможным анализ не только негативных последствий переживания психотравм, но и их возможной альтернативы. Так, автор выделяет: 1) экзистенциальные психотравмы (ситуации насилия и несчастные случаи, ситуации смертельной угрозы здоровью и жизни). Эмоциональный конфликт заключается, с одной стороны, в замыкании на себе, с другой – в

душевной стойкости; 2) травма потери (любимого человека или важного условия жизни). Эмоциональный конфликт выражается в застревании на негативных чувствах или освобождении от них; 3) травма отношений (поражения эмоциональных связей). Эмоциональный конфликт ставит человека перед выбором: никому не доверять или доверять и любить; 4) травма системных отношений (поступки, которые трудно оправдать морально и этически: нападения, убийства). Эмоциональный конфликт проявляется, с одной стороны, в тайнах и сокрытии, с другой – в принятии вины и ответственности [6].

Различение травматических событий и отнесение их к разному типу даже на основе субъективных оценок людей делает возможным анализ преодолевающих стратегий лиц, объединенных схожим травматическим опытом, что и стало целью данного исследования.

Методики и процедура исследования

Исследование проводилось на протяжении 2013–2014 гг. В нем приняли участие 102 добровольца (43 мужчины и 59 женщин) в возрасте от 25 до 50 лет, из них 29 страдают наркотической зависимостью и проходят лечение в одном из реабилитационных центров г. Москвы, 73 – здоровые люди, не имеющие проблем с наркотиками.

В исследовании были использованы следующие методики: 1) «Шкала оценки травматического события» (Weiss, Marmar, Metzler, 1995) в адаптации Н. В. Тарабриной (2001) [13], позволившая получить информацию о пережитом травматическом событии, его давности и чувствах относительно данного события. Это оценка влияния обозначенного самим испытуемым события как психотравмирующего фактора; 2) опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (Hobfoll, 1994) в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой (2001) [14], позволивший сделать анализ на-

правленности стресспреодолевающего поведения; 3) «Опросник ролевой виктимности» (М. А. Одинцова, 2013) [15], позволивший получить информацию об использовании ролей жертвы (игровая, социальная, позиция) и об уровне виктимизации личности; 4) «Тест жизнестойкости» (Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова, 2006) [16], дающий информацию об уровне жизнестойкости и развитости основных ее компонентов (вовлеченности, контроля, принятия риска).

Результаты исследования

На основании оценок своих жизненных событий как психотравмирующих и в соответствии с классификацией Ф. Рупперта [6] нами были выделены группы лиц, объединенных схожим травматическим опытом. В первую группу (экзистенциальная психотравма) были включены люди (N = 20), оценившие такие ситуации, как нападение, неизлечимая болезнь, насилие, теракт, несчастный случай, авткатастрофа, сексуальное насилие как травмирующие (19,6%). Во вторую группу вошли люди, пережившие потери (N = 26): это – смерть близкого человека (одного или обоих родителей, друга), любимого животного (25,5%). Третью группу составили лица (N = 49), пережившие ситуации предательства, отвержения, измены, что связано с травмой отношений (48%). В четвертую – испытуемые (N = 7), отметившие ситуации осуществленного ими насилия над другими (например, избиение, насилие над другими людьми) (6,9%).

При этом следует заметить, что наркозависимые (N = 29) в качестве травмирующих событий чаще отмечали несчастные случаи, ситуации смертельной угрозы их здоровью (экзистенциальные травмы) (31%) и события, связанные с нарушением эмоциональных связей (травмами отношений) (31%). Затем шли травмирующие события, связанные с ситуациями, которые трудно оправдать морально (24%), и ситуации потерь (14%) (рисунок).

Группы наркозависимых (N = 29) и здоровых (N = 73) людей, объединенных схожим травматическим опытом, %

Участники исследования, не имеющие проблем с наркотиками (здоровые), в 54,8% случаев обозначили в качестве травмирующих события, связанные с нарушением эмоциональных связей (травма отношений), в 30,1% – события, отражающие травму потери (чаще всего это смерть близкого человека), в 15,1% случаев – травмирующие ситуации насилия и несчастные случаи (экзистенциальные травмы). Следует отметить, что ситуаций, связанных с травмой системных отношений, в данной группе выделено не было.

Проведенный однофакторный дисперсионный анализ позволил выявить значимые различия по критерию «наличие зависимости» между группами людей, пережившими экзистенциальную травму и травму потери ($t = 2,288$ при $p = 0,027$), травму системных отношений и травму потери ($t = -6,014$ при $p = 0,000$), травму системных отношений и травму отношений ($t = -5,477$ при $p = 0,000$). Экзистенциальная травма в два раза чаще обозначается наркозависимыми, в то время как травма потери – в два раза чаще здоровыми.

В группе наркозависимых ($N = 29$) каждый третий отметил, что пережил экзистенциальную травму и травму отношений, а каждый четвертый – травму системных отношений. Реже наркозависимые называли травмирующие их ситуации, связанные с потерями (смертью близких). В группе здоровых ($N = 73$) не выявлено травмирующих ситуаций, связанных с поступками, которые трудно оправдать морально. Более половины из них указали на пережитую травму отношений, треть – на травму потерь. О травмирующих событиях, связанных с межличностными отношениями, упоминает каждый второй участник исследования.

Были выявлены значимые различия между группами испытуемых, объединенных схожим травматическим опытом, в сроках давности того или иного травмирующего события ($F = 3,296$, $p = 0,024$). Так, участники исследования ($N = 26$) отмечали, что события, связанные с травмой потери происходили с ними в среднем девять лет назад; события, связанные с несчастными случаями, насилием (экзистенциальные травмы) ($N = 20$), случались в среднем шесть лет назад; те, которые связаны с травмой системных отношений ($N = 7$), – не менее четырех с половиной лет назад. Травмирующие события предательства, измен, отвержения ($N = 49$) имеют самый короткий временной интервал (3,7 года). Статистический анализ позволил обнаружить значимые различия по критерию «давность травмирующего события» между группой лиц, обозначающих экзистенциальный тип травмы

(6 лет), и группой, переживших травму отношений (3,7 года) ($t = 2,167$ при $p = 0,034$), между группой отметивших в качестве травмирующих ситуации потерь (9 лет) и группой, обозначившей травму отношений (3,7 года) ($t = 2,950$ при $p = 0,004$).

Как видим, травмы потерь и экзистенциальные травмы могут напоминать о себе даже в отдаленной перспективе. Участники исследования с травмой потери указывали на травмирующие события, произошедшие с ними от 2-х до 45 лет тому назад, лица с экзистенциальными травмами – на период от 1 года до 30 лет назад. В отличие от них, лица с травмами отношений отмечали периоды от полугода до 15 лет назад, а с травмами системных отношений – от полугода до 10 лет назад. Самыми «свежими» становятся травмы, связанные с отвержением, предательством, изменами, что согласуется с исследованиями Т. Luxenberg, J. Spinazzola, B. Kolk [2].

Дальнейший анализ показал, что лицам, пережившим травму системных отношений, в отличие от лиц с экзистенциальной травмой ($t = 2,091$ при $p = 0,047$) и травмой отношений ($t = 2,279$ при $p = 0,027$), в меньшей степени свойственно принятие ситуаций риска, в большей – стремление к комфорту, гедонизму и безопасности. Полученные нами данные подтверждаются исследованиями Н. А. Польской, в которых выявлены гедонистические и фаталистические установки у наркозависимых [17].

Группа испытуемых с травмой системных отношений значимо отличается от групп с травмой потерь и травмой отношений по характеристике – игровая роль жертвы, которая в большей степени выражена у лиц с травмой системных отношений ($t = -2,317$ при $p = 0,027$; $t = -2,178$ при $p = 0,034$). Это говорит о том, что для людей, переживших травму системных отношений, в большей степени характерны рентные установки и манипуляции. Испытуемые с травмой отношений значимо отличаются от группы лиц с травмой системных отношений в предпочтении последними асоциальных действий и поступков ($t = -2,384$ при $p = 0,033$).

Больше всего значимых различий было обнаружено между группой лиц, переживших травму системных отношений и травму потери, по таким характеристикам, как: асоциальные действия и поступки ($t = -2,293$ при $p = 0,029$), социальная роль жертвы ($t = -2,512$ при $p = 0,017$), позиция жертвы ($t = -2,706$ при $p = 0,011$), которые в большей степени выражены у людей, переживших травму системных отношений, а также по показателям вовлеченности ($t = 3,150$ при $p = 0,004$) и жизнестойкости ($t = 2,449$ при

$p = 0,020$), которые значительно выше у группы лиц, отметивших события, связанные с травмой потери.

Далее был проведен корреляционный анализ уровня травматизации (вторжение, избегание, физиологическая возбудимость) и стратегий преодоления в группах людей, объединенных схожим травматическим опытом. Рассмотрим выявленные в результате анализа связи более детально.

1. *Группа людей с экзистенциальной травмой* ($N = 20$). Выделяются общие устойчивые положительные взаимосвязи между такими способами преодоления людей с экзистенциальной психотравмой, как: 1) избегание и всеми шкалами опросника травматического события: вторжение ($r = 0,417$); избегание ($r = 0,420$); физиологическая возбудимость ($r = 0,597$); интегральный показатель травматизации ($r = 0,549$); 2) непрямые действия и вторжение ($r = 0,548$); избегание ($r = 0,699$); физиологическая возбудимость ($r = 0,789$); интегральный показатель травматизации ($r = 0,750$).

Выявлены устойчивые отрицательные взаимосвязи между некоторыми показателями опросника жизнестойкости и всеми характеристиками опросника травматического события: 3) шкала контроля отрицательно связана с вторжением ($r = -0,615$), избеганием ($r = -0,382$), физиологической возбудимостью ($r = -0,532$), интегральным показателем травматизации ($r = -0,571$); 4) шкала принятия риска отрицательно связана с вторжением ($r = -0,406$); избеганием ($r = -0,400$); физиологической возбудимостью ($r = -0,516$); интегральным показателем травматизации ($r = -0,486$); 5) общий уровень жизнестойкости отрицательно взаимосвязан со вторжением ($r = -0,578$); избеганием ($r = -0,416$); физиологической возбудимостью ($r = -0,548$); интегральным показателем травматизации ($r = -0,585$).

Можно сказать, что такие стратегии, как избегание, манипуляции, использование игровой роли жертвы лишь усиливают травматизацию личности. С повышением жизнестойкости происходит снижение уязвимости человека, касающейся травмирующего события экзистенциального характера (насилия, несчастных случаев, проблем со здоровьем). Конфликт, выражающийся в избегающем и манипулятивном поведении (поведении жертвы), может быть исчерпан через выработку навыков жизнестойкого совладания с экзистенциальными травмами.

2. *Группа людей с травмой потери* ($N = 26$). Выделяются устойчивые положительные взаимосвязи между некоторыми способами преодоления травмы потери и интегральным показателем

травматизации (вторжением, избеганием, физиологической возбудимостью). Так, положительные корреляционные связи обнаружены между такими шкалами, как: 1) осторожные действия и избегание ($r = 0,571$); физиологическая возбудимость ($r = 0,523$); интегральный показатель травматизации ($r = 0,552$); 2) непрямые действия и избегание ($r = 0,646$); физиологическая возбудимость ($r = 0,459$); интегральный показатель травматизации ($r = 0,562$).

Корреляционный анализ демонстрирует, что с повышением жизнестойкости, особенно таких ее компонентов, как вовлеченность и контроль, происходит снижение раздражительности, гипертрофированных реакций страха от возможного воздействия травмирующей ситуации, психофизиологического возбуждения, обусловленного воспоминаниями о травмирующей ситуации. При переживании травмы потери возможно разрешение конфликта, выражающегося в пассивном, непрямом и защитном поведении жертвы через формирование навыков жизнестойкого совладания (вовлеченности, открытости миру, интернальном локусе контроля).

3. *Группа людей с травмой отношений* ($N = 49$). Обнаружено, что шкала избегания положительно связана со стратегией вступления в социальные контакты ($r = 0,601$). Чем выше уровень физиологической возбудимости личности, пережившей травму отношений, тем заметнее прослеживаются в поведении все три типа виктимных ролей: игровая роль жертвы ($r = 0,478$), социальная роль жертвы ($r = 0,445$) и позиция жертвы ($r = 0,511$).

Устойчивых взаимосвязей между способами преодоления психотравмы отношений и компонентами травматизации (вторжение, избегание, физиологическая возбудимость) выявлено не было. Однако следует отметить, что лица, обозначившие травму отношений чаще других, прибегают к защитному поведению жертвы. С одной стороны, они тяжело переживают свое отвержение и стараются избежать ранящих душу отношений, с другой – стремятся к социальным контактам, ищут помощи и поддержки у ближайшего окружения. Конфликт, выражающийся в ощущении себя жертвой, может быть преодолен через выстраивание конструктивных отношений на основе доверия к людям и обращения к ним за поддержкой.

4. *Группа людей с травмой системных отношений* ($N = 7$). Выделяется группа положительных взаимосвязей между такими просоциальными способами преодоления, как: 1) вступление в социальный контакт и всеми шкалами опросника травматического события: вторжение ($r = 0,552$);

избегание ($r = 0,456$); физиологическая возбудимость ($r = 0,684$); интегральный показатель травматизации ($r = 0,616$); 2) поиск социальной поддержки и шкалами вторжение ($r = 0,902$); избегание ($r = 0,850$), физиологическая возбудимость ($r = 0,843$); интегральный показатель травматизации ($r = 0,928$); 3) выделяется группа устойчивых положительных взаимосвязей между такой непрямой стратегией преодоления, как манипулятивные действия и шкалами вторжение ($r = 0,624$); избегание ($r = 0,653$), физиологическая возбудимость ($r = 0,428$); интегральный показатель травматизации ($r = 0,607$); 4) можно отметить и группу положительных взаимосвязей между такой стратегией преодоления, как асоциальные действия и вторжение ($r = 0,658$), избегание ($r = 0,925$), физиологическая возбудимость ($r = 0,548$), интегральный показатель травматизации ($r = 0,749$); 5) между такой асоциальной стратегией преодоления, как агрессивные действия и вторжение ($r = 0,716$), избегание ($r = 0,769$), физиологическая возбудимость ($r = 0,555$), интегральный показатель травматизации ($r = 0,720$); 6) выделяется устойчивая группа положительных взаимосвязей между такой формой защитного поведения, как игровая роль жертвы и вторжение ($r = 0,903$), избегание ($r = 0,885$), физиологическая возбудимость ($r = 0,809$), интегральный показатель травматизации ($r = 0,925$); 7) позиция жертвы и вторжение ($r = 0,737$), избегание ($r = 0,674$), физиологическая возбудимость ($r = 0,677$), интегральный показатель травматизации ($r = 0,746$).

Чем выше уровень общей травматизации личности, пережившей травму системных отношений, тем более выраженным является ее стремление к социальным контактам и обращению за помощью и поддержкой.

Заключение и выводы

Таким образом, проведенное исследование позволило заключить следующее.

Травма отношений становится наиболее частым типом психотравм, переживаемых людьми в течение жизни. Эта травма и экзистенциальная – типы травм, которые чаще обозначают лица с наркотической зависимостью, в отличие от здоровых, которые обеспокоены событиями своей жизни, связанными с травмами отношений и потерь. Наиболее давними являются травмы потерь и экзистенциальные травмы, они могут напоминать о себе даже через много лет после случившегося. Самыми «свежими» и чаще упоминаемыми становятся травмы отношений.

Пассивные и не прямые преодолевающие стратегии, использование игровой роли жертвы

препятствует преодолению экзистенциальной травмы и травмы потери. С повышением жизнестойкости происходит снижение уязвимости личности к травмирующим событиям экзистенциального характера и травмирующим ситуациям потерь.

Лица с травмой отношений и травмой системных отношений чаще других прибегают к защитному поведению жертвы. С одной стороны, они тяжело переживают свое аутсайдерство и стараются избежать ранящих душу отношений, с другой – стремятся к социальным контактам, обращаются за помощью к ближайшему окружению, т.е. более активно, чем другие группы, используют просоциальные стратегии преодоления.

Травма системных отношений становится одним из самых тяжелых переживаний, виктимизирующих личность. Использование не прямых, асоциальных действий, закрепление в модели поведения позиции жертвы не могут спасти человека от страданий. Лица, объединенные травмой системных отношений, как никто другой, нуждаются в помощи и поддержке со стороны ближайшего окружения.

Как видим, любая травма (экзистенциальная, травма потери, травма отношений, системных отношений) виктимизирует личность и порождает множество конфликтов, которые ставят человека перед выбором виктимного или жизнестойкого способов преодоления. Вероятно, можно даже говорить о виктимном или жизнестойком образе жизни. Выбор виктимного образа жизни (образа жизни жертвы) снижает уровень личностной активности, направленной на преодоление травмирующей ситуации, но повышает уровень активности для удержания защит от угроз извне и поиск ресурсов во внешнем мире. Исследование показало, что при виктимном образе жизни чаще всего используются пассивные (избегание), не прямые (манипуляции), асоциальные (агрессивные) стратегии преодоления травмирующих ситуаций. Выбор жизнестойкого образа жизни повышает активность, закрепляет позитивное восприятие мира, пробуждает открытость (вовлеченность), ориентирует человека на извлечение опыта (принятие риска) из травмирующей ситуации.

Список литературы

1. *Bonanno G. A., Mancini A. D.* The Human capacity to thrive in the face of potential trauma // *Journal Pediatrics*. 2008. Vol. 121, № 2. P. 369– 375.
2. *Luxenberg T., Spinazzola J., Kolk B.* Complex trauma and disorders of extreme stress (DESNOS) Diagnosis,

- Part One : Assessment // *Directions in Psychiatry*. 2001. Vol. 21. P. 373–415.
3. Shaw J., Espinel Z., Shultz J. *Children : stress, trauma and disasters*. Tampa, 2007. 142 p.
 4. Калишед Д. Внутренний мир травмы. М., 2001. 368 с.
 5. Колодзин Б. Как жить после психической травмы. М., 1991. 95 с.
 6. Рупперт Ф. Психологическая травма // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2012. Т. 18, № 4. С. 81–92.
 7. Одинцова М. А. Проблема виктимного личностного типа в психологии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 73–79.
 8. Магомед-Эминов М. Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009. 570 с.
 9. Maddi S. R. Hardiness : An operationalisation of existential courage / *Journal of Humanistic Psychology*. 2004. Vol. 44, № 3. P. 279–298.
 10. Bonanno G. A. Loss, trauma, and human resilience : Have we underestimated the human capacity to thrive after extremely adverse events? // *American Psychologist*. 2004. Vol. 59. P. 20–28.
 11. Бурбо Л. Пять травм, которые мешают быть самим собой. М., 2014. 224 с.
 12. Terr L. C. Childhood traumas : an outline and overview // *American Journal of Psychiatry*. 1991. Vol. 148. P. 10–20.
 13. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб., 2001. 272 с.
 14. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009. 336 с.
 15. Одинцова М. А. Типы поведения жертвы. Опросник ролевой виктимности. Самара, 2013. 160 с.
 16. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М., 2006. 63 с.
 17. Польская Н. А. Взаимосвязь временной перспективы и личностных черт с актами самоповреждения больных опиоидной наркоманией // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 87–91.

Coping-strategies of Behavior of Persons with Similar Traumatic Experience

M. A. Odintsova

Moscow State University of Psychology and Education,
29, Sretenka str., Moscow, 127051, Russia
E-mail: Mari505@mail.ru

Analysis of the emerging strategies of human behavior, which are grouped by a similar traumatic experience (N = 102). Persons identified some of the events of his life as traumatic classified into groups according to the origin caused by trauma unresolved conflicts (Ruppert): people who had experience of existential trauma, the trauma of loss, trauma of relationships and trauma system relationships.

The comparative analysis of emerging strategies that are used by drug-addicts (N = 29) and healthy persons (N = 73). Found that the trauma system relationships and existential trauma often denoted by persons with drug dependence in contrast to the healthy people, who often celebrate the events of his life-related traumas relations and losses. It is revealed that any type of trauma contributes to the victimization of personality and creates an internal conflicts which put the person before a choice of victimization or viable ways of coping, and so victim or viable lifestyle.

Key words: psychotrauma, types of psychological trauma, emerging strategies, victim, victimization and viable ways of overcoming it.

References

1. Bonanno G. A., Mancini A. D. The Human capacity to thrive in the face of potential trauma. *Journal Pediatrics*, 2008, vol. 121, no. 2, pp. 369–375.
2. Luxenberg T., Spinazzola J., Kolk B. Complex trauma and disorders of extreme stress (DESNOS) Diagnosis, Part One: Assessment. *Directions in Psychiatry*, 2001, vol. 21, pp. 373–415.
3. Shaw J., Espinel Z., Shultz J. *Children: stress, trauma and disasters*. Tampa, 2007. 142 p.
4. Kalshed D. *The inner world of trauma: Archetypal defenses of the personal spirit*. London; New York, 1969. 240 p. (Russ. ed.: *Vnutrenniy mir travmy*. Moscow, 2001. 368 p.).
5. Kolodzin B. *Kak zhit' posle psikhicheskoy travmy* (How to live after mental trauma). Moscow, 1991. 95 p.
6. Ruppert F. *Psikhologicheskaya travma* (Psychological trauma). *Voprosy mental'noy meditsiny i ekologii* (Questions of mental medicine and ecology). 2012, vol. 18, no 4, pp. 81–92.
7. Odintsova M. A. Problema viktimnogo lichnostnogo tipa v psikhologii (Problem of a victim personality type in psychology). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014, vol. 14, iss. 2, pp. 73–79.
8. Magomed-Eminov M. Sh. *Deyatel'nostno-smyslovoy podkhod k psikhologicheskoy transformatsii lichnosti: dis. d-ra psikh. nauk* (Active semantic approach to psychological transformation of the self: The dissertation of the doctor of psychological sciences). Moscow, 2009. 570 p.
9. Maddi S. R. Hardiness: An operationalisation of existential courage. *Journal of Humanistic Psychology*, 2004, vol. 44, no.3, pp. 279–298.
10. Bonanno G. A. Loss, trauma, and human resilience: Have we underestimated the human capacity to thrive after extremely adverse events. *American Psychologist*, 2004, vol. 59, pp. 20–28.
11. Bourbeau L. Les 5 bleassares qui emperchent d'etre soi-meme. Soint-Jerome, 2012. 167 p. (Russ. ed.: Burbo L. *Pyat' travm, kotorye meshayut byt' samim soboy* (Five injuries that make it difficult to be yourself). Moscow, 2014. 224 p.).
12. Terr L. C. Childhood traumas: an outline and overview. *American Journal of Psychiatry*, 1991, vol. 148, pp. 10–20.

13. Tarabrina N. V. *Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa* (Workshop on the psychology of post-traumatic stress). St.-Petersburg, 2001. 272 p.
14. Vodopyanova N. E. *Psikhodiagnostika stressa* (Psychodiagnosics of stress). St.-Petersburg, 2009. 336 p.
15. Odintsova M. A. *Tipy povedeniya zherty. Oprosnik rolevoy viktимности* (The types of conduct of the victim. Questionnaire role of the victimization). Samara, 2013. 160 p.
16. Leontev D. A., Rasskazova E. I. *Test zhiznestoykosti* (Test hardiness). Moscow, 2006. 63 p.
17. Polskaya N. A. *Vzaimosvyaz vremennoy perspektivy i lichnostnykh chert s aktami samopovrezhdeniya bol'nykh opiynoy narkomaniey* (The link between time perspective, personality traits and self-injurious behaviour of opiate-dependent patients). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2012, vol. 12, iss. 3, pp. 87–91.

ПЕДАГОГИКА

УДК 303.01+37.013.73

СВЯЗЬ ТЕРМИНОВ «РЕФЛЕКС» И «РЕФЛЕКСИЯ» ДЛЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ И ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Шатова Наталья Дмитриевна –

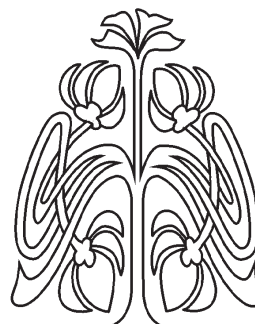
кандидат педагогических наук, доцент, научный сотрудник отдела организации и планирования научно-исследовательских работ,
Омский государственный педагогический университет
E-mail: Shatova.nat@yandex.ru

В отечественной педагогике неоднократно предпринимались попытки организовать образовательный процесс на основе рефлексивного подхода, однако к успеху это не приводило. Фундаментальная причина безуспешности экспериментов по внедрению обучения на основе рефлексивного подхода заключается в том, что философско-методологическим основанием рефлексивного подхода в отечественной педагогике и психологии до сих пор служит идеализм. В этой связи автор предлагает свой вариант решения проблемы на материалистической основе. С этой целью необходимо предварительно установить связь между рефлексией и рефлексом, который, собственно, и является выражением материалистической позиции в психологии. Зафиксированная связь между рефлексом и рефлексией позволит эффективно формировать рефлексивные способности обучающихся.

Ключевые слова: рефлексия, рефлекс, лексическое сравнение, отношения между понятиями, рефлексивное обучение.

Парадигмальный подход в отечественном образовании актуализировал проблему сочетания в образовательном процессе различных парадигм: иногда встречаются работы (называемые авторами «подходами»), эклектичные по своему содержанию (подробно об этом писал Д. И. Фельдштейн) [1]. Он обращает внимание на снижение уровня психолого-педагогических научных работ: «“В одну кучу” сброшены различные научные направления и идеи, причем наблюдается путаница теоретических положений и конкретных подходов, методологии и методов...» [1, с. 20].

Сегодня уже можно констатировать, что и так называемая лично ориентированная парадигма не привела к желаемым результатам. Причин такого положения много. В. И. Жилин, описывая анархо-экзистенциальную утопию лично ориентированного образования, отмечает: «При этом можно огорчаться, испытывать экзистенциальный вакуум по поводу непринятия подавляющим большинством наших сограждан идеей педагогики свободы, но таковы реалии – локус контроля у этих субъектов образовательного процесса находится либо вне Я и требует принуждения, либо в Я, но это Я чаще всего авторитарной направленности и также не приемлет управленческой слабости. В этой связи, отдавая должное утопическим идеям анархизма и экзистенциализма во взглядах на человека и личность как на идеал, следует, стремясь к идеалу и

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

опираясь на реалии, конструировать такие дидактические системы, которые, с одной стороны, предоставляли бы возможность к проявлению социально позитивной “спонтанной активности” (Э. Фромм), а с другой стороны, снижая уровень “злокачественной агрессии” (Э. Фромм), позволяли бы строить мир, основанный на взаимопонимании» [2, с. 155].

С нашей точки зрения, в образовании возможно построение таких дидактических систем, которые позволяют решить вскрытую философом проблему, и эту возможность даёт рефлексивный подход, опирающийся на фундаментальные основы человеческой психики.

В настоящее время в психологии и педагогике имеется много исследований, посвященных проблеме развития рефлексии субъектов обучения. Актуальность исследований не вызывает сомнений в рамках субъектно ориентированных парадигм, поскольку рефлексия как источник внутреннего опыта, способ познания и необходимый инструмент мышления способствует осознанию обучающимися основных компонентов собственной учебной деятельности, коррекции своего образовательного пути, определению и корректированию педагогами целей, содержания и процесса обучения.

Определённые результаты по исследованию проблемы рефлексии в образовательном процессе были получены М. Э. Боцмановой, В. В. Давыдовым, В. А. Далингером, С. И. Заир-Беком, А. З. Заком, А. В. Захаровой, И. Я. Лернером, И. Г. Липатниковой, А. В. Карповым, П. В. Новиковым, В. П. Радченко, И. Н. Семёновым, С. Ю. Степановым, В. В. Слободчиковым, И. А. Стеценко, А. С. Шаровым и другими учёными. Так, в частности, авторами проводимых исследований рассматривался генезис понятия «рефлексия», уточнялся и раскрывался механизм рефлексии, выявлялись и обосновывались средства развития рефлексии субъектов обучения, описывалась методика её развития, что способствовало не только раскрытию сущности рефлексии (что само по себе важно), но и совершенствованию на этой основе образовательного процесса.

Вместе с тем обучение на основе рефлексии ещё не вошло широко в образовательную практику учебных заведений, где господствующими являются методики и технологии, исходящие из теорий учений, которые базируются на формировании условных рефлексов (И. П. Павлов, Б. Ф. Скиннер, А. Бандура). В этой связи было бы интересно и поучительно обнаружить связь рефлекса и рефлексии: существует ли она вообще и если существует, то выходит ли рефлексия за

рамки рефлексов и возможно ли установление сходства и различия между рефлексом и рефлексией.

Однако среди современных исследований, посвященных рефлексии, до сих пор не встречается работ, в которых внимание учёных обращено на выявление связи рефлекса и рефлексии, хотя нельзя не отметить, что даже при сравнении слов «рефлексия» и «рефлекс» возникает ассоциация. Их внешнее сходство очевидно, и, возможно, что установление сходства слов «рефлекс» и «рефлексия» кроме морфологического может дать дополнительные содержательные сведения о сущности рефлексии и её связи с рефлексом. Обнаружение этой связи, с нашей точки зрения, может служить теоретической предпосылкой и методологическим основанием для создания эффективных методик и технологий обучения на основе рефлексивного подхода, но такого рефлексивного подхода, который, опираясь на фундаментальные основания человеческой психики, позволил бы не только создавать теоретические спекуляции, но и внедрять в образование эффективные методики и технологии. Таким образом, наше исследование направлено на выявление связи между рефлексом и рефлексией. На начальном его этапе в качестве средства выявления такой связи мы выбрали лексическое сравнение слов «рефлекс» и «рефлексия» и установление отношений между понятиями «рефлекс» и «рефлексия» средствами формальной логики.

Для лексического сравнения вскрыем семантику каждого из этих слов и затем сравним полученные результаты. Предварительно напомним, что в лингвистике под лексическим значением слова понимается «его содержание, т.е. исторически закрепленная в сознании говорящих соотносительность между звуковым комплексом и предметом или явлением действительности, оформленное по грамматическим законам данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря» [3].

В рамках нашего исследования лексическое значение слов «рефлекс» и «рефлексия» будем выявлять, следуя плану: 1) выявим происхождение слов; 2) определим словообразование терминов; 3) сравним трактовки слов в различных словарях.

Слова «рефлекс» и «рефлексия» латинские по своему происхождению и оба происходят от слова *reflecto* – отражение. Словообразование таково: *flecto* – сгибание, искривление, направление, поворачивание, изменение; приставка *re* – обратное, противоположное действие. Таким образом, *re + flecto* – обратное, противоположное направление. Общее происхождение слов и их

единый первоначальный смысл дают основание для дальнейшего поиска ответов на поставленные выше вопросы о связи рефлекса и рефлексии.

В этой связи особый интерес представляет сравнение генезисов понятий «рефлекс» и «рефлексия» (чему будет посвящена отдельная работа). Здесь же мы отметим, что точных данных о времени появления и начале использования слов «рефлекс» и «рефлексия» в этимологических словарях нет: например, в этимологическом словаре А. В. Семёнова [4] отмечается, что начало использования слова «рефлекс» в русском языке относится к XIX в., а в этимологическом

словаре М. Фасмера [5] начало использования слова «рефлексия» – 1710 г. Эту дату вряд ли можно считать датой первого употребления слова «рефлексия», поскольку ранее в работе Дж. Локка «Опыт о человеческом разумении» [6], напечатанной ещё в 1689 г., отмечается, что «все идеи приходят от ощущения или рефлексии» [6, с. 154]. Под рефлексией философ понимает «то наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность, и способы её проявления» [6, с. 155].

Рассмотрим, как трактуются слова «рефлекс» и «рефлексия» в различных словарях (таблица).

Трактовка слов «рефлекс» и «рефлексия» в различных словарях

Трактовка слова «рефлекс»		Трактовка слова «рефлексия»	
Латинско-русский словарь [7, с. 286]			
1	От «reflecto» 1) загигать, поворачивать; 2) поворачиваться; 3) обращать внимание, вспоминать, думать	1	От «reflecto» 1) загигать, поворачивать; 2) поворачиваться; 3) обращать внимание, вспоминать, думать
Современный словарь иностранных слов [8, с. 530]			
1	Ответная реакция организма на те или иные воздействия, осуществляемые через нервную систему	1	Размышление, полное сомнений, противоречий
2	Оттенок цвета, возникающий при падении на предмет света, отраженного от других объектов	2	Анализ собственного психического состояния
3	Отражение, следствие чего-либо		
Словарь русского языка [9, с. 711]			
1	Реакция организма, наступающая в ответ на внешнее раздражение и проходящая при участии центральной нервной системы	1	Размышление, полное сомнений и колебаний, склонность анализировать свои переживания
2	Отражение, следствие, вторичное явление, вызываемое другим явлением	2	То же, что рефлекс
3	Оттенок цвета какого-либо предмета, возникающий в тех случаях, когда на этот предмет падает свет, отражённый от другого, соседнего предмета		
4	То же, что рефлексия		
Большой толковый словарь современного русского языка [10, с. 903]			
1	Нервная реакция живого организма на внешнее раздражение	1	Отражение света на поверхности предмета
2	Отражение, следствие, реакция – вторичное явление, вызываемое другим	2	Размышление, внутренняя сосредоточенность, склонность анализировать свои переживания
3	Отражение оттенков окраски какого-нибудь яркого предмета на теневой стороне другого, соседнего предмета		
Толковый словарь русского языка [11, с. 678]			
1	Непроизвольная реакция организма на внешние или внутренние раздражители	1	Размышление о своём внутреннем состоянии, самоанализ
Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [12, с. 504]			
1	Непроизвольная – врожденная или приобретенная – реакция живого организма на внешнее раздражение	1	Склонность к анализу своих переживаний, размышлению о своем внутреннем состоянии
2	Вторичное явление, вызываемое другим явлением; отражение, следствие	2	То же, что рефлекс
3	Изменение тона или увеличение силы окраски предмета, возникающие при отражении света, падающего от соседних освещенных предметов		
4	То же, что рефлексия		

Окончание таблицы

Трактовка слова «рефлекс»		Трактовка слова «рефлексия»	
Большая Советская энциклопедия [13, с. 55]			
1	Обращённый, повернутый назад, отражённый	1	Обращение назад
2	Отсвет цвета и света от какого-либо предмета, возникающий в тех случаях, когда на этот предмет падает отсвет от окружающих предметов	2	Отражение
Большой психологический словарь [14, с. 469]			
1	Реакция того или иного органа (системы органов), детерминированная воздействием факторов внешней и/или внутренней сред на соответствующие рецепторы, опосредствованная нервной системой и проявляемая в виде сокращения мышц, секреции и т.п.	1	Мыслительный (рациональный) процесс, направленный на анализ, понимание, осознание себя: собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств, состояний, способностей, характера, отношений к себе и к др., своих задач, назначения и т.д.

Сравнение трактовок слов «рефлекс» и «рефлексия» (см. таблицу) позволяет нам сделать ряд выводов, которые сгруппируем относительно их сходства и различия:

1) сходства:

оба термина используются в философии, в физике (оптике), в физиологии, в психологии;

в некоторых словарях («Латинско-русский словарь», «Словарь русского языка», «Новый словарь русского языка») смысл слов отождествляется;

оба слова обозначают реакцию живого организма;

в психофизиологической трактовке оба термина описывают реакцию живого организма с нервной системой;

2) различия:

в психофизиологической семантике смысл слова «рефлекс» шире смысла слова «рефлексия», так как, говоря о рефлексе, подразумевают любую реакцию организма на любые внешние или внутренние раздражения, а говоря о рефлексии, подразумевают осмысление, размышление, что может быть истолковано как частный случай реакций организма (вывод требует дополнительного исследования);

объектом действия для рефлекса является любая физиологическая и психическая система организма, объектом действия для рефлексии является сознание, мышление как высшее проявление психики;

для рефлекса характерна произвольная реакция организма, т. е. реакция, сознательно неконтролируемая, тогда как для рефлексии характерны размышления, самоанализ, самонаблюдение, что можно охарактеризовать как произвольную реакцию организма;

рефлексия является определяющей характеристикой только человека.

Резюмируя изложенное выше, отметим противоречивый характер выводов, вытекающих

из сравнения определений слов «рефлекс» и «рефлексия» в справочной литературе. С одной стороны, слова «рефлекс» и «рефлексия» – однокоренные, близкие по звучанию и значению (паронимы), в некоторых случаях даже отождествляются. С другой стороны, обнаруживается существенное различие: в случае с рефлексом – это произвольная реакция организма, в случае с рефлексией – произвольная. Выявленное противоречие требует более детального изучения понятий «рефлекс» и «рефлексия». С этой целью, опираясь на формальную логику, определим содержание и объём каждого из этих понятий, установим их вид и уже на этой основе выявим отношения между ними.

Известно, что в формальной логике [15] содержание понятия определяется совокупностью существенных признаков предметов, мыслимых в понятии. Для определения содержания понятия необходимо выявить признаки, отличающие данный предмет от других, выделить в нём важнейшие свойства и его отношения к другим предметам. Для определения объёма понятия необходимо определить совокупность предметов, мыслимых в данном понятии.

Согласно В. Ф. Асмусу [15], определение содержания и объёма понятия зависит от того, рассматриваем мы *происхождение* понятий о предмете или *применение* уже возникшего понятия. При первом подходе содержание понятия определяется его объёмом: определив круг предметов и заметив сходное и отличное в них, выделяется группа признаков, которые составят содержание понятия. При втором подходе, исходя из применения уже возникшего понятия, т.е. сложившегося в своём содержании, устанавливается группа существенных признаков, образующих содержание понятия, затем определяется круг предметов, которые могут мыслиться посредством данного понятия или к которым оно приложимо.

Для нашей работы интерес представляет, прежде всего, сравнение понятий «рефлекс» и «рефлексия», уже нашедших применение в психолого-педагогической научной области. В этой связи содержание и объём этих понятий установим на основе применения понятий «рефлекс» и «рефлексия» в психологии и педагогике.

«Большой психологический словарь» под редакцией Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко [14, с. 469] трактует понятия «рефлекс» и «рефлексия» следующим образом. Определение 1. Рефлекс – реакция того или иного органа (системы органов), детерминированная воздействием факторов внешней и/или внутренней среды на соответствующие рецепторы, опосредствованная нервной системой и проявляемая в виде сокращения мышц, секреции и т.п.

Определение 2. Рефлексия – мыслительный (рациональный) процесс, направленный на анализ, понимание, осознание себя: собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств, состояний, способностей, характера, отношений к себе и к другим, своих задач, назначения и т.д.

В первом определении выделим группу существенных признаков, характеризующих понятие «рефлекс»: реакция органа (системы органов) живого организма, наличие у живого организма нервной системы, ответная реакция живого организма на внешний и/или внутренний раздражитель, проявление реакции в виде сокращения мышц, секреции и т.п. Перечисленные признаки образуют группу существенных, поскольку каждый из них, взятый отдельно, является необходимым, а все они, вместе взятые, являются достаточными для того, чтобы при помощи них отличить понятие «рефлекс» от других. Следовательно, вышеуказанная группа признаков составляет содержание понятия «рефлекс».

Объём понятия «рефлекс» установим на основе его деления. В качестве основания деления выберем тип образования рефлексов, в результате получим деление рефлексов на безусловные и условные. Заметим, что деление понятия «рефлекс» мы могли провести и по другому основанию, например, взяв в качестве основания деления биологическую значимость рефлексов (оборонительные, пищеварительные, половые, ориентировочные). Выбор в качестве основания деления типа образования рефлексов обусловлен объектом и предметом нашего исследования. Совокупность безусловных и условных рефлексов и образует объём понятия «рефлекс».

Во втором определении также выделим группу существенных признаков, характеризующих понятие «рефлексия»: мыслительный (ра-

циональный) процесс человека, направленность мыслительного процесса на анализ, понимание, осознание себя: эта группа существенных признаков составляет содержание понятия «рефлексия». Осознание себя как получение знания о себе предполагает отражение человеком собственных внутренних психических состояний. Л. С. Выготский [16] отмечал, что в основе такого отражения лежат рефлексы организма человека, которые связываются между собой по законам условных рефлексов: ответная часть одного рефлекса может стать при соответствующих условиях условным раздражителем другого. Способность человека быть раздражителем для самого себя составляет основу его сознания. При этом Л. С. Выготский не отождествляет сознание с рефлексами: «... акт сознания не есть рефлекс, т. е. он не может быть и раздражителем, а есть передаточный механизм между системами рефлексов» [16, с. 50–51], «... сознание должно быть понято как реакция организма на свои же собственные реакции» [16, с. 58].

Вслед за учёным примем тот факт, что основу рефлексивных процессов как произвольных процессов организма (об этом говорится и в одном из выводов, полученных нами в результате лексикологического сравнения слов «рефлекс» и «рефлексия») составляют отражение, взаимодействие, взаимовозбуждение различных систем рефлексов, т. е. рефлексивные процессы основаны на рефлекторных процессах головного мозга человека и осуществляются по законам условных рефлексов. В этой связи содержание понятия «рефлексия» может быть уточнено. Существенными его признаками являются: рефлексы головного мозга человека, осуществление связи рефлексов головного мозга по законам условных рефлексов, направленность действия раздражителей на собственные психические акты и состояния. Осознание собственных психических актов и состояний, представляя собой механизм рефлексии, есть система передаточных механизмов от одних рефлексов на другие: чем «правильнее» рефлекс, служащий раздражителем, вызывает другие рефлексы (другими словами, чем «правильнее» работает система передаточных механизмов), тем выше уровень осознания.

Совокупность предметов, на которые распространяется понятие «рефлексия» (совокупность предметов, мыслимых в данном понятии), – это вся совокупность рефлексивных процессов человека, рефлексия собственных психических актов и состояний: рефлексия мышления, рефлексия поведения, рефлексия состояния, рефлексия чувств и т. д. Объём понятия

«рефлексия» – совокупность перечисленных рефлексивных процессов человека.

Далее выявим вид понятий «рефлекс» и «рефлексия» и отношения между этими понятиями.

Согласно классификации понятий В. Ф. Асмуса [15], понятия делятся на классы с точек зрения: 1) реального существования предметов понятий; 2) количества предметов, мыслимого посредством понятий; 3) отношений между понятиями по содержанию и объёму.

Согласно первому основанию, понятия делятся на конкретные и абстрактные (отвлечённые). К конкретным относятся понятия, предметы, которые реально существуют в качестве вещей материального мира; к абстрактным или отвлечённым – отражающие отвлечённые от предметов свойства и отношения, в которых мыслится не целый предмет, а какой-либо один из признаков предмета.

Рефлекс как реакция живого организма реально не существует в качестве вещи материального мира, поэтому понятие относится к абстрактным. Аналогично можно заключить, что понятие «рефлексия», основу которого составляют рефлекторные процессы головного мозга человека, также относится к абстрактным.

Вторым основанием для классификации понятий является количество предметов объекта понятия. С точки зрения количества предметов, определяющих объём понятия, понятия делятся на общие, единичные и собирательные. К общим относятся те, объект которых составляет не отдельный предмет, а целый класс однородных, носящих одно и то же наименование. Единичные понятия содержат в объёме единственный предмет. Объём собирательных понятий образует целая группа или совокупность предметов, мыслимая в качестве единого предмета.

Как было выявлено ранее, объём понятия «рефлекс» образуют два класса рефлексов – безусловные и условные, следовательно, понятие «рефлекс» относится к общим.

Объём понятия «рефлексия» образован классами однородных процессов, носящих одно и то же наименование «рефлексия» – мышления, поведения, состояния, чувств и т. д., поэтому понятие «рефлексия» также относится к общим.

Особо важным для нашего исследования, выявляющим связь понятий «рефлекс» и «рефлексия», является вопрос об отношении между этими понятиями по их содержанию и объёму. По содержанию понятия могут быть либо сравнимыми между собой, либо несравнимыми. Сравнимыми являются те, в содержании которых, несмотря на различие известных, иногда весьма

многих признаков, имеются также и некоторые общие им и потому допускающие сравнение признаки.

При определении содержания понятия «рефлексия» мы вслед за Л. С. Выготским отметили, что рефлексивные процессы основаны на рефлекторных процессах головного мозга, и запускаются они по законам условных рефлексов. Такая связь рефлексивных процессов с рефlekсами позволяет нам говорить о понятиях «рефлекс» и «рефлексия» как о сравнимых.

Сравнимые понятия по содержанию делятся на совместимые и несовместимые (противоположные). В содержании совместимых понятий нет признаков, исключающих возможность полного или частичного совпадения их объёмов, т.е. нет признаков, которые исключали бы возможность для рефлексии быть рефлексом: любой рефлексивный процесс человека всегда есть реакция его головного мозга в ответ на действие раздражителя. В качестве раздражителя может выступить потребность человека к осознанию своего мышления (как я думал? почему я так думал?), своего поступка (как я делал? почему я так делал?) и т.д. Таким образом, среди всех реакций организма человека можно выделить в отдельную группу реакции его головного мозга, направленные на осознание собственных психических актов и состояний, на что, в частности, ещё в 1924 г. обращал внимание Л. С. Выготский [16]. Это означает, что с формально логической точки зрения объём понятия «рефлексия» составляет часть объёма понятия «рефлекс», следовательно, понятия находятся в отношении подчинения: понятие «рефлекс» подчиняет понятие «рефлексия». Этот факт был нами замечен и ранее при сравнении лексических значений слов «рефлекс» и «рефлексия»: в психофизиологической семантической трактовке смысл слова «рефлекс» шире смысла слова «рефлексия».

В контексте формальной логики подчинённые понятия заслуживают особого внимания, если подчиняющее и подчинённое понятия относятся к общим. В этом случае подчиняющее понятие называется родовым, а подчинённое – видовым понятием. В нашем случае «рефлекс» – общее понятие, подчиняющее понятие «рефлексия», является родовым, «рефлексия» – общее понятие, подчинённое понятию «рефлекс», является видовым.

Таким образом, второе определение рефлексии есть определение через ближайший род и видовое отличие. Ближайший род, к которому принадлежит понятие «рефлексия», – это понятие «условный рефлекс». Видовое отличие показывает, какими признаками понятие

«рефлексия» отличается от других условных рефлексов организма. Принадлежит к рефлексам организма, рефлексия отличается от всех других рефлексов тем, что это рефлексы головного мозга человека (рефлексы на рефлексы), связанные между собой по законам условных рефлексов и направленные на анализ, понимание, осознание себя. Перечисленные признаки образуют видовое отличие понятия «рефлексия», т.е. то, чем рефлексия отличается от других рефлексов организма.

Выявленная нами связь рефлексов и рефлексии позволяет сформулировать гипотезу, которую мы намерены апробировать в ходе педагогического исследования, а именно в основу формирования рефлексивных способностей обучающихся могут быть положены законы управления формированием условных рефлексов человека.

Список литературы

1. *Фельдштейн Д. И.* Психолого-педагогические диссертационные исследования в системе организации современных научных знаний : доклад на совместном расширенном заседании Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ и Президиума Российской академии образования // Проблемы современного образования. 2011. № 2. С. 12–27.
2. *Жилин В. И.* Анархо-экзистенциальная утопия личностно ориентированного образования // Омский науч. вестн. 2010. № 3 (88). С. 152–156.
3. *Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И.* Современный русский язык : учебник. URL: <http://www.sinukova.ru/> (дата обращения: 31.03.2014).
4. *Семенов А. В.* Этимологический словарь русского языка. М., 2003. 704 с.
5. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. URL: <http://www.fasmerbook.com/> (дата обращения: 07.04.2014).
6. *Локк Дж.* Соч. : в 3 т. Т. 1 / ред. И. С. Нарский. М., 1985. 621 с.
7. *Подосинов А. В., Козлова Г. Г., Глухов А. А.* Латинско-русский словарь. М., 1999. 376 с.
8. Современный словарь иностранных слов. М., 2000. 742 с.
9. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. / ред. А. П. Евгеньева. М., 1984. 752 с.
10. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь. М., 2009. 1239 с.
11. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. 944 с.
12. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М., 2000. 1088 с.
13. Большая Советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1975. 628 с.
14. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб., 2004. 672 с.
15. *Асмус В. Ф.* Логика : учебник. М., 2001. 392 с.
16. *Выготский Л. С.* Методика рефлексологического и психологического исследования // Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 43–62.

Communication of the Terms «Reflex» and «Reflection» for Psychology and Pedagogical Researches: Lexical and Logical Aspects

N. D. Shatova

Omsk State Pedagogical University
28, Mira str., Tara, Omsk region, 646530, Russia
E-mail: Shatova.nat@yandex.ru

In domestic pedagogics attempts to organize educational process on the basis of reflexive approach were repeatedly made. However it didn't lead to success. From the point of view of the author, the fundamental reason of unsuccessfulness of experiments on training introduction on the basis of reflexive approach is that as the philosophical and methodological basis of reflexive approach the idealism still serves in domestic pedagogics and psychology. In this regard the author offers the option of a solution on a materialistic basis. For this purpose, according to the author, it is necessary to establish previously connection between a reflection and a reflex which, actually, and is expression of a materialistic position in psychology. The author suggests according to which the recorded communication between a reflex and a reflection will allow to form effectively reflexive abilities being trained, being guided by well studied laws of management of formation of conditioned reflexes of the person.

Key words: reflection, reflex, lexical comparison, relations between concepts, reflexive training.

References

1. *Feldcheyn D. I.* Psikhologo-pedagogicheskie dissertatsionnye issledovaniya v sisteme organizatsii sovremennykh nauchnykh znaniy: doklad na sovместном rasshireнном zasedanii Prezidiuma Vysshey attestatsionnoy komissii Ministerstva obrazovaniya i nauki RF i Prezidiuma Rossiyskoy akademii obrazovaniya (Psychology and pedagogical dissertation researches in system of the organization of modern scientific knowledge: the report on joint enlarged meeting of Presidium of the Highest certifying commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and Presidium of the Russian Academy of Education). *Problemy sovremennogo obrazovaniya* (Problems of modern education), 2011, no. 2, pp. 12–27.
2. *Zhilin V. I.* Anarkho-ekzistentsialnaya utopiya lichnostno orientirovannogo obrazovaniya (Anarcho-existential utopia of personally focused education). *Omskiy nauchnyy vestnik* (Omsk Scientific Bulletin), 2010, no. 3 (88), pp. 152–156.
3. *Valgina N. S., Rozental D. E., Fomina M. I.* *Sovremennyy russkiy yazyk: uchebnik* (Modern Russian: Text-

- book). Available at: <http://www.sinykova.ru/> (accessed 31 March 2014)..
4. Semenov A. V. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* (Etymological Russian dictionary). Moscow, 2003. 704 p.
 5. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* (Etymological Russian dictionary). Available at: // www.fasmerbook.com/ (accessed 7 April 2014).
 6. Locke J. *An essay concerning human understanding*. Ed. with introduction by P. H. Nidditch. Oxford, 1975. 576 p. (Russ.ed.: Lokk J. *Soch.*: v 3 t. Moscow, 1985, vol. 1. 621 p.).
 7. Podosinov A. V., Kozlova G. G., Glukhov A. A. *Latinsko-russkiy slovar* (Latin-Russian dictionary). Moscow, 1999. 376 p.
 8. *Sovremennyy slovar inostrannykh slov* (Modern dictionary of foreign words). Moscow, 2000. 742 p.
 9. *Slovar russkogo yazyka*: v 4 t. Pod red. A. P. Evgeneva (Russian dictionary: in 4 vol. Ed. by A. P. Evgenyev). Moscow, 1984, vol. 3. 752 p.
 10. Ushakov D. N. *Bolshoy tolkovyy slovar* (Big explanatory dictionary). Moscow, 2009. 1239 p.
 11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Explanatory dictionary of Russian). Moscow, 1999. 944 p.
 12. Efremova T. F. *Novyy slovar russkogo yazyka* (New dictionary of Russian). Moscow, 2000. 1088 p.
 13. *Bolshaya Sovetskaya entsiklopediya*. Gl. red. A. M. Prokhorov (Big Soviet Encyclopedia. Ed. by A. M. Prokhorov). Moscow, 1975. 628 p.
 14. *Bolshoy psikhologicheskiy slovar*. Sost. i obshch. red. B. Meshcheryakov, V. Zinchenko (Big psychological dictionary. Originator and general editor B. Meshcheryakov, V. Zinchenko). St.-Petersburg. 2004, 672 p.
 15. Asmus V. F. *Logika: uchebnyk* (Logika: textbook). Moscow, 2001. 392 p.
 16. Vygotskiy L. S. *Metodika refleksologicheskogo i psikhologicheskogo issledovaniya* (Metodika of reflexological and psychological research). *Sobr. soch.*: in 6 vol. Moscow, 1982, vol. 1, pp. 43–62.